

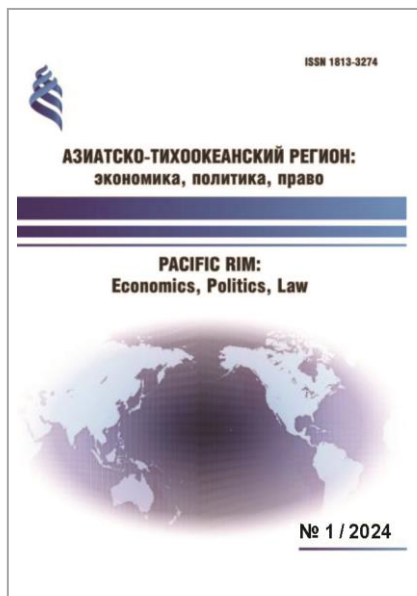
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: **экономика, политика, право**

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корпус А, к. А920–923

Подписано в печать 14.03.2024.
Тираж 500 экз. Заказ 059.
Дата выхода в свет 22.03.2024.
Цена свободная.

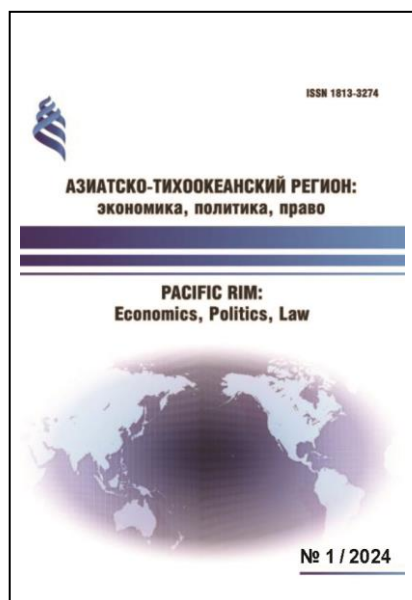
Редактор *Л. В. Студенчикова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г. П. Писаревой*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 14.03.2024.
The circulation is 500 copies. Order 059.
Release date 22.03.2024.
The price is free.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *L. V. Studenchikova*

Translation into English by *N. V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *G. P. Pisareva*

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталия
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

БАКЛАНОВ Пётр Яковлевич	академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
БЕЛКИН Виктор Григорьевич	советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
ВАНДЕРХЗВААГ Дэвид	директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович	ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
КАПУСТИН Анатолий Яковлевич	научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Редакционная коллегия журнала

ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychyev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

Lyudmila I. Votintseva	Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
Evgeny P. Zharikov	Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
Natalia N. Korotkikh	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Vitaly A. Nomokonov	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Sergey K. Pestsov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала.....	10
ЭКОНОМИКА	15
Семенова Е.В., Никифорова Е.А., Петрова О.Г. Неопределенный результат применения льгот в рамках упрощенной системы налогообложения	15
Лопатина П.А. Цифровые технологии как один из инструментов финансового оздоровления компании	27
Королёва И.Б., Леонтьев П.В., Зигангирова Э.Р. Научно-исследовательская деятельность на Дальнем Востоке как фактор развития региональной инновационной системы.....	37
Гадецкий О.Ю. Взаимосвязь идентификации среды жизнедеятельности и карьерных ориентаций на примере молодежи Камчатского края.....	58
Гусейнова С.М. Зарубежный опыт по производству и использованию альтернативной и возобновляемой энергетики	72
ПОЛИТИКА	82
Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. «Клайматгейт» и его влияние на политико-правовые аспекты регулирования антропогенных изменений климата	82
Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Паламарчук Е.А. Государственная политика и технологии нацификации и индоктринации студенческой молодежи в Третьем Рейхе ...	97
Забровская Л.В. Первые внешнеполитические шаги президента Юн Сук Ёля	116
Каткова Е. Ю., Новоселова М. Г. Женское лицо китайской миграции	128
ПРАВО	147
Селиверстов В.И., Степанов В.В. О территориальном развитии уголовно-исполнительной науки	147
Русяев И.Н. Становление законодательства о криминальном банкротстве в дореволюционном праве России	162
Тиханов Н.А. Правоспособность некоммерческих организаций в контексте новелл федерального законодательства об операторах по приему платежей: сознательное допущение или ошибка в юридической технике?	175
Гарцева Ю.Ю. Проблемные вопросы установления отцовства (материнства) при использовании метода суррогатного материнства	185
Сигаури-Горский Е.Р. Международно-правовой статус архипелага Спратли в XX в.	193

Contents

To the Readers	10
ECONOMICS	15
Semenova E.V., Nikiforova E.A., Petrova O.G. Uncertain result of application of benefits under a simplified tax system	15
Lopatina P.A. Digital technologies as one of the tools of the company's financial recovery	27
Koroleva I.B., Leontiev P.L., Zigangirova E.R. Research activity in the Far East as a factor in the development of regional system	37
Gadetsky O.Yu. The relationship between the identification of the life environment and career orientations on the example of the youth of the Kamchatka territory	58
Huseynova S.M. Foreign experience in the production and use of alternative and renewable energy	72
POLITICS	82
Pekarnikova M.E., Polonskiy A.B. Climategate and its impact on the political and legal aspects of regulation of anthropogenic climate change	82
Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Palamarchuk E.A. State policy and technologies of nationalization and indoctrination of student youth in the Third Reich	97
Zabrovskaya L.V. President Yoon Suk Yeol's first foreign policy steps	116
Katkova E.Y., Novoselova M.G. The female face of Chinese migration	128
LAW	147
Seliverstov V.I., Stepanov V.V. On the territorial development of penal science	147
Rusyaev I.N. The formation of legislation on criminal bankruptcy in pre-revolutionary law of Russia	162
Tikhanov N.A. Legal capacity of non-commercial organisations in the context of novelties of the federal legislation on payment acceptance operators: a conscious assumption or a mistake in legal technique	175
Gartseva Yu.Yu. Problematic issues of establishing paternity (maternity) when using the method of surrogate motherhood	185
Sigauri-Gorskii E.R. International legal status of the Spratly archipelago in the first half of the XX century	193

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobehev. E-mail: akorobehev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 15–26.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 15–26.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 336.027

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/15-26>

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЬГОТ В РАМКАХ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Елена Васильевна Семенова¹, Екатерина Анатольевна Никифорова²,
Ольга Геннадьевна Петрова³

^{1,2,3} Великолукская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Великие Луки, Россия

¹steel@vgsa.ru, ²niki_prinz@mail.ru, ³umu@vgsa.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам недостаточного бюджетного обеспечения у большинства региональных бюджетов, наличия долговой нагрузки по федеральным округам и входящих в них субъектов и высокой пространственной асимметрии. Анализируются налоговые и другие инструменты, балансирующие доходную часть региональных бюджетов, в том числе рассматриваются отдельные коннотации налоговых льгот и преференций. Наиболее детально анализируется специальный налоговый режим. Приводятся примеры действующих в регионах Северо-Западного федерального округа льгот по упрощенной системе налогообложения, стимулирующий потенциал которых для различных видов экономической деятельности ставится под сомнение. Делается вывод о целесообразности поиска новых инструментов развития субъекта Российской Федерации в контексте накопленных и дополнительных кризисных стресс-факторов развития экономики.

Ключевые слова: бюджетное обеспечение, долговая нагрузка, налоговые льготы, специальные налоговые режимы, упрощенная система налогообложения, налоговая конкуренция, налоговая дискриминация, малый и средний бизнес, бюджет

Для цитирования: Семенова В.Е., Никифорова Е.А., Петрова О.Г. Неопределенный результат применения льгот в рамках упрощенной системы налогообложения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 15–26.

ECONOMICS

Original article

**UNCERTAIN RESULT OF APPLICATION
OF BENEFITS UNDER A SIMPLIFIED TAX SYSTEM**

Elena V. Semenova¹, Ekaterina A. Nikiforova², Olga G. Petrova³,

^{1,2,3} Velikiye Luki State Agricultural Academy, Velikiye Luki, Russia

¹steel@vgsa.ru, ²niki_prinz@mail.ru, ³umu@vgsa.ru,

Abstract. The article is devoted to the issues of insufficient budgetary support for the majority of regional budgets, the presence of a debt burden in federal districts and their constituent entities, and high spatial asymmetry. Tax and other instruments that balance the revenue side of regional budgets are reviewed, including the consideration of individual connotations of tax benefits and preferences. The special tax regime is analyzed in most detail. The paper provides examples of benefits under the simplified taxation system in effect in the regions of the Northwestern Federal District, the stimulating potential of which for various types of economic activity is called into question. A conclusion is made about the advisability of searching for new tools for the development of a constituent entity of the Russian Federation in the context of accumulated and additional crisis stress factors in economic development.

Keywords: budget support, debt burden, tax benefits, special tax regimes, simplified taxation system, tax competition, tax discrimination, small and medium-sized businesses, budget

For citation: Semenova E.V., Nikiforova E.A., Petrova O.G. Uncertain result of application of benefits under a simplified tax system. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 15–26. (In Russ.).

В предшествующие более чем тридцать лет в России нарастают территориальные диспропорции, проявляющиеся в демографических изменениях, внутренней эмиграции, структуре и инфраструктуре экономики, бюджетной обеспеченности и т. д. Последний показатель наиболее наглядно демонстрирует значительный финансовый разрыв между регионами. Этот вопрос уже многократно обсуждался специалистами, в том числе в сфере межбюджетных отношений. [1–7] Тем не менее проблема наполнения региональных бюджетов остается не только актуальной, но и усугубляется.

Так, в 2022 г. уровень расчетной бюджетной обеспеченности¹ субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание их бюджетной обеспеченности имел разброс в 5 и более раз [2; 8].

Ситуация с бюджетной обеспеченностью в 2023 г. ещё более дифференцировалась. Это связано прежде всего с необходимостью в балансирующих дотациях в первом полугодии 2023 г. для Белгородской, Брянской и Курской областей. Из-за этого рост дотаций в первом полугодии 2023 г. составил 1205,3% по сравнению с соответствующим прошлым периодом [4].

Несоответствие между функциональными и бюджетными возможностями подтверждаются традиционным кризисом доходной и балансирующей составляющих у большинства региональных бюджетов. Из трех частей, обеспечивающих реализацию расходных обязательств (налоговые, неналоговые поступления и регламентируемые источники финансирования бюджетного дефицита), особенно убедительно выглядит долговая нагрузка по федеральным округам и отдельно региональным бюджетам Северо-Западного федерального округа (рис. 1, 2). Уровень долговой нагрузки (внутренний государственный долг) по состоянию на 1 декабря 2023 г. в целом по Российской Федерации составляет 33%. Диаграмма наглядно показывает разброс долговой нагрузки. Величина дисперсии по федеральным округам – 4, а Северо-Западному федеральному округу – 589, что подтверждает высокую пространственную асимметрию.

Рис. 1. Уровень долговой нагрузки по федеральным округам на 01.12.2023 г.

Fig. 1. Level of debt burden by federal districts as of December 1, 2023.

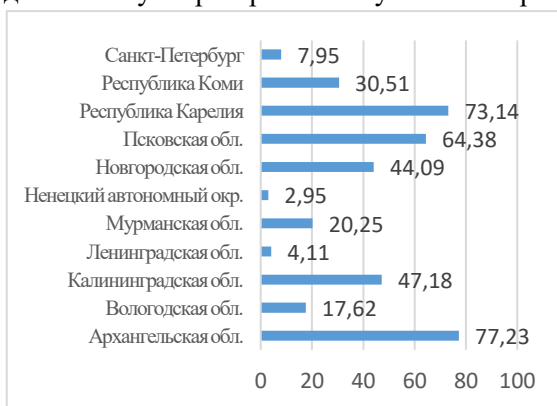

Рис. 2. Уровень долговой нагрузки по субъектам Северо-Западного федерального округа на 01.12.2023 г.

Fig. 2. Level of debt burden by constituent entities of the Northwestern Federal District as of December 1, 2023.

Рассчитано авторами по данным Минфина России [8]

¹Уровень расчетной бюджетной обеспеченности (РБО) определяется как отношение налоговых доходов на душу населения, которые могут быть получены консолидированным бюджетом субъекта РФ, к аналогичному среднему показателю по консолидированным бюджетам субъектов РФ.

Указанная диспропорция свидетельствует о противоречиях в связи с разным потенциалом территорий, а именно с уровнем экономического развития, хозяйственной специализацией, численностью населения, природно-климатическими условиями и др. Вместе с тем при очевидных различиях налоговое законодательство практически унифицировано для всех. Перечисленные проблемы фундаментальны, что ограничивает возможность их рассмотрения в рамках научной статьи. В то же время наиболее очевидным и управляемым фактором развития территорий является доходная часть бюджета, а следовательно, её существенный состав.

Структура доходной части бюджета состоит из налоговых и неналоговых поступлений (дотации, субсидии, субвенции). Причем последние устойчиво растут и занимают первое место в формировании доходов большинства региональных бюджетов [2]. К финансовым ресурсам также относится финансирование дефицита бюджетов (остатки средств на начало года, муниципальные займы, бюджетные кредиты, кредиты кредитных организаций и др.). Из перечисленных выше источников дохода именно налоговые поступления являются собственными ресурсами региональных бюджетов.

Однако и тут есть важный момент, связанный с налоговыми преференциями¹, которые действуют двояко. С одной стороны, они стимулируют продвигаемое производство или объект налогообложения. Но с другой стороны, бюджет недополучает определённую часть дохода. И здесь имеются нюансы.

Как известно, льготы по налогам и сборам представляют собой преимущество отдельных категорий налогоплательщиков и плательщиков сборов по сравнению с другими плательщиками налогов. Льгота может включать полное освобождение от уплаты налога/сбора либо право уплачивать их в меньшем размере. Согласно общему правилу льготы по федеральным налогам и сборам устанавливаются и отменяются Налоговым кодексом РФ; льготы по региональным налогам устанавливаются и отменяются Налоговым кодексом РФ и (или) законами субъектов РФ о налогах (ст. 56 НК РФ) [3].

Коннотации можно выделить две. Во-первых, преференции не могут обеспечить немедленный социально-экономический эффект для конкретного вида деятельности, а также для подъема региональной экономики в формате роста регионального продукта и занятости населения. Во-вторых, любая льгота в краткосрочной перспективе ведет к потере финансовой базы для реализации бюджетных полномочий регионального уровня власти и, в первую очередь, их расходных функций. Другими словами, налоговые льготы имеют для их получателей отдаленный и негарантированный социально-экономический эффект. А на соответствующем бюджете применение преференции в оперативном смысле отражается негативно.

Кроме поналоговых льгот, перечисленных выше, преференции имеют место и в специальных налоговых режимах (СНР). Таковые предусматривают возможность

¹ В данной статье понятия «налоговые льготы» и «налоговые преференции» используются как аналоги.

замены уплаты нескольких налогов и сборов одним налогом, освобождение от обязанности уплаты отдельных налогов и сборов, а также особый порядок определения элементов налогообложения (п. 7 ст. 12 НК РФ, п. 1 ст. 18 НК РФ).

Таблица / Table 1

Распределение налогов по уровням бюджета в 2023 г.

Distribution of taxes by budget level in 2023

Наименование налога	Распределение налоговых доходов по уровням бюджетной системы, %		
	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Местный бюджет
НДС	100		
Акцизы на спирт этиловый из всех видов сырья (за исключением пищевого) и табачную продукцию	100		
Акцизы на спиртосодержащую продукцию	50	50	
Акцизы на легковые автомобили, мотоциклы, другую продукцию, ввозимую в РФ	100		
Акцизы на алкоголь крепостью свыше 9% (за исключением пива, вина)	60	40	
Акцизы на алкоголь крепостью свыше 9% (пиво, вино)		100	
Акцизы на алкоголь крепостью до 9%		100	
Водный налог	100		
Сбор за пользование водными биологическими ресурсами	20	80	
Сбор за пользование объектами животного мира	100		
Налог на игорный бизнес		100	
Транспортный налог		100	
Упрощенная система налогообложения		100	
Налог на имущество юридических лиц		100	
НДФЛ	_*	85	15
Налог на прибыль организации	3	17	-
НДПИ (роялти)	95	5	-
Налог на профессиональный доход (самозанятые)**		63	
УСН (федеральный налог) / АУСН – в 2023 г. эксперимент в трёх регионах		100	
Государственная пошлина	-	-	100
Земельный налог	-	-	100
Налог на имущество физических лиц	-	-	100

* НДФЛ по повышенной ставке 15% идет в федеральный бюджет как целевой налог – на дополнительное финансирование для лечения детей с редкими и опасными заболеваниями.

** Оставшиеся 37% – в бюджет ОМС.

Указанные режимы также представляют собой инструмент для регулирования и стимулирования отдельных отраслей экономики/видов экономической деятельности. При этом предполагалось, что введение СНР и применение налоговых льгот в их рамках может создать «кумулятивный/накопительный эффект», привести к позитивным экономическим и социальным последствиям, развить налоговую конкуренцию между регионами и перераспределить налоговые доходы между ними, а также дискриминировать одних хозяйствующих субъектов перед другими благодаря м преимуществам одних перед другими [3].

Возвращаясь к вопросу о налоговом наполнении региональных бюджетов (табл. 1), можно сделать вывод о бóльшей консолидации таких инструментов на уровне федерального бюджета. Даже поверхностный взгляд на распределение налоговых доходов по уровням бюджетной системы в 2023 г. свидетельствует об ограниченной возможности налогового лавирования/стимулирования на уровне регионального бюджета. С точки зрения возможностей льготирования наиболее мобильным из приведенных в табл. 1 налогов является УСН. Во-первых, этот налог был введен в 2021 г. в связи с отменой единого налога на вменённый доход (ЕНВД). Как специальный налоговый режим ЕНВД был закреплён за местным бюджетом и применялся только к субъектам малого предпринимательства, т. е. предприятиям торговли, бытового обслуживания, малым транспортным компаниям и т. п. Именно на развитие таких компаний местное самоуправление могло влиять. В настоящее время УСН полностью закреплён за региональным бюджетом и в соответствии с п. 3.3 ст. 58 Бюджетного кодекса субъект Российской Федерации наделяется правом определять и закреплять дифференцированные нормативы отчислений в бюджеты муниципальных образований от налога, уплаченного плательщиками с применением УСН. И в этой связи ещё более сужаются возможности льготирования/регулирования местного хозяйства на уровне муниципальной власти.

Налоговая ставка по УСН – 6% с некоторыми особенностями¹. Но законами субъектов Российской Федерации могут быть установлены налоговые ставки в пределах от 1 до 6% (в отдельных случаях и больше) в зависимости от категорий налогоплательщиков в отношении объекта налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов».

В табл. 2 наглядно демонстрируется проводимая в Северо-Западном федеральном округе налоговая политика в отношении пониженных налоговых ставок по УСН.

¹ Изменение ставки налога по УСН возможно в связи с корректировкой доходов по специфическим причинам, а также законами Республики Крым, города федерального значения Севастополя, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области на осуществляющих предпринимательскую деятельность в производственной, социальной и (или) научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению и услуг по предоставлению мест для временного проживания.

Таблица / Table 2

**Дифференцированные налоговые ставки по УСН
в Северо-Западном федеральном округе в 2023 г.**
Differentiated tax rates according to the simplified tax system
in the Northwestern Federal District in 2023

Код региона	Субъект РФ	Объект–ставка	Закон
10	Республика Карелия	Доходы – 1%, 3%, 6%	П. 2 ст. 9.1 Закона Республики Карелия от 30.12.1999 № 384-ЗРК (с изм. на 22.12.2022)
		Доходы минус расходы – 5%, 7%, 8%, 12,5%	
11	Республика Коми	Доходы – 1%, 3%	Ст. 1, 1.1 Закона Республики Коми от 08.05.2020 № 12-РЗ (ред. от 21.04.2023)
		Доходы минус расходы – 5%, 7,5%	
29	Архангельская область	Доходы – 1%, 3%	Ст. 1, 1.1, 1.2 Закона Архангельской области от 27.04.2020 № 254-16-ОЗ (с изм. на 02.05.2023)
		Доходы минус расходы – 5%, 7,5%, 8%, 10%	Ст. 1, 2, 1.2, 1.3 Закона Архангельской области от 30.09.2019 № 131-10-ОЗ (ред. от 15.12.2022)
34	Вологодская область	Доходы – 1, 2, 4%	Ст. 1 Закона Волгоградской области от 10.02.2009 № 1845-ОД (с изм. на 12.12.2022)
		Доходы минус расходы – 5% 10% (рыба, напитки)	
39	Калининградская область	Доходы – 3%	П. 1 ч. 1 ст. 1 Закона Калининградской области от 24.04.2018 № 162 (с изм. на 25.11.2022)
		Доходы минус расходы – 7,5%	
47	Ленинградская область	Доходы – 1%, 2%, 3%	Ст. 1.2, 1.3 Закона Ленинградской области от 12.10.2009 № 78-оз (с изм. на 23.11.2022)
		Доходы минус расходы – 5%	
51	Мурманская область	Доходы – 1%, 3%	Ст. 1.1 Закона Мурманской области от 03.03.2009 № 1075-01-ЗМО (29.03.2022)
		Доходы минус расходы – 5%, 10%	
53	Новгородская область	Доходы – 1, 2%, 3%, 4%	Ст. 1 Закона Новгородской области от 31.03.2009 № 487-ОЗ (с изм. на 28.02.2023)
		Доходы минус расходы – 5%, 7%, 10%	
60	Псковская область	Доходы – 1%, 2%, 3%	Ст. 1 Закона Псковской области от 29.11.2010 № 1022-оз (с изм. на 28.02.2023)
		Доходы минус расходы – 5%, 7%, 10%	
78	Санкт-Петербург	Доходы – 1%, 3%	Ст. 1.3 Закона Санкт-Петербурга от 05.05.2009 № 185-36 (с изм. на 30.01.2023)
		Доходы минус расходы – 5%, 7%	
83	Ненецкий автономный округ	Доходы – 1%	Ст. 1.1 Закона Ненецкого автономного округа от 13.03.2015 № 55-ОЗ (с изм. на 24.12.2020)
		Доходы минус расходы – 5%	

Анализ законов субъектов РФ, входящих в Северо-Западный федеральный округ, свидетельствует о применении регионами различных подходов не только к размеру максимальной и (или) минимальной налоговой ставки по УСН, но и к видам «льготуемой» экономической деятельности.

Так, в Республике Коми наиболее льготная налоговая ставка в 1% ожидаемо распространяется:

1) для организаций и индивидуальных предпринимателей (ИП), имеющих статус резидента Арктической зоны Российской Федерации и осуществляющих деятельность в Арктической зоне Российской Федерации на территории Республики Коми, что согласуется с Федеральным законом «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»;

2) для социально ориентированных НКО Республики Коми, основными видами экономической деятельности (классифицируемыми на основании кодов видов деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности – ОКВЭД) которых являются образование, предоставление социальных услуг, деятельность в области спорта;

3) для организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории Республики Коми по производству изделий народных художественных промыслов.

Аналогичные преференции приняты соответствующими органами власти и других субъектов РФ, относящихся к Арктической зоне Северо-Западного федерального округа.

В оставшихся регионах округа иная специфика применения льгот по УСН. Например, в соответствии с Законом Ленинградской области от 12 октября 2009 г. № 78-ОЗ «Об установлении ставки налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, на территории Ленинградской области» наименьшая налоговая ставка в размере 1 % установлена для организаций и ИП, занимающихся производством текстильных изделий народных промыслов, а также для предпринимателей, являющихся правообладателями программ для электронных вычислительных машин.

В Вологодской области аналогичная льгота предоставляется только для организаций и ИП, разрабатывающих компьютерное программное обеспечение и т.п. А в Псковской области ещё и для организаций, изменяющих место нахождения и впервые регистрирующихся на её территории.

В Калининградской области вообще не используется ставка в 1% для УСН. В то же время в Ненецком автономном округе такая льгота применяется для всех малых и средних предприятий (МСП).

Как следует из приведенных примеров, региональное законодательство не только устанавливает различный размер и количество налоговых ставок по УСН, но

и по-разному определяет виды экономической деятельности, используя при этом разные основания классификации такой деятельности (простое словесное описание или использование ОКВЭД), а также вводит свои дополнительные требования.

Тем не менее ни особый налоговый режим в виде упрощенной системы налогообложения, ни дополнительные внутрирегиональные налоговые преференции не обеспечивают развитие налоговой (доходной) базы для регионального и соответственно муниципальных бюджетов за счет или благодаря росту количества налогоплательщиков и налогооблагаемой базы. Косвенной иллюстрацией тому является стабильное снижение численности МСП – главных плательщиков УСН (табл. 3).

Таблица / Table 3

Количество малых и средних предприятий по субъектам

Северо-Западного федерального округа

Number of small and medium enterprises by constituent entities
of the North-Western Federal District

Субъект Северо-Западного федерального округа	Количество МСП, шт.		Откл (+/-)
	01.01.2023	10.09.2023	
Архангельская обл.	33 327	33 034	-293
Вологодская обл.	46 261	45 548	-713
Калининградская обл.	55 235	54 779	-456
Ленинградская обл.	72 655	75 476	2 821
Мурманская обл.	24 871	25 066	195
Ненецкий автономный окр.	1 691	1 703	12
Новгородская обл.	20 268	20 201	-67
Псковская обл.	20 169	19 876	-293
Республика Карелия	25 378	25 517	139
Республика Коми	24 698	24 607	-91
Санкт-Петербург	357 647	355 981	-1 666
Всего по округу	682 200	681 788	-412

В целом можно заключить, что применение льгот в рамках специального налогового режима помимо преследуемых, но не достигнутых законодателем целей стимулирования секторов экономики, не создает налоговую конкуренцию между регионами одного федерального округа в части применения наименьших налоговых ставок по УСН и не перераспределяет налоговые доходы между регионами. Опция льготирования (налоговая ставка в 1%) хозяйствующих субъектов при выборе места учреждения/перевода предприятия в регион, заявленная в Псковской области, не сработала в должной мере.

Изложенное не позволяет согласиться с мнением отдельных экспертов [3; 5; 6] относительно эффективности поддержки малых и средних предприятий через применение УСН. С нашей точки зрения, такой тонкий инструмент, как специальный

налоговый режим, может быть значим в условиях бурно развивающейся экономики. И в этой связи необходимы иные действенные, возможно, прямые средства помощи МСП с перспективной целью расширения доходной базы региональных и муниципальных бюджетов.

В общем, в контексте накопленных диспропорций экономического развития, последовательного обретения для экономики дополнительных кризисных стресс-факторов (пандемия, санкционное давление, геополитическое противостояние) целесообразен поиск новых инструментов развития субъекта Российской Федерации.

Список источников

1. Никифорова Е.А., Федорова У.М. Оценка качества бюджетного процесса в Псковской области // Муниципальная академия. 2020. № 2. С. 115–122.
2. Семенова Е.В., Дюбин В.В., Соболева А.Ю. Проблемы межбюджетных отношений в единой системе публичной власти // Муниципальная академия. 2022. № 1. С. 103–111.
3. Савицкий А.И. Применение льгот в рамках специальных налоговых режимов: проблемы теории и практики // Российское право. 2014. № 1 (82). С. 71–76.
4. Дерюгин А.Н. Региональные бюджеты в первом полугодии 2023 года // Мониторинг экономической ситуации в России. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/regionalnye-byudzhety-v-pervom-polugodii-2023-goda.html>
5. Куцури Г.Н., Тиникашвили Т.Ш. Сбалансированность бюджета муниципального образования и факторы ее обеспечения // Экономические науки. 2022. № 4. С. 289–293. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-4-289-293>
6. Сюпова М.С. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1. С. 70–79.
7. Пониженные налоговые ставки по УСН в субъектах Российской Федерации. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2022–2024 годы // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb-2022_2024/?id_38=134835
9. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>

References

1. Nikiforova E.A., Fedorova U.M. Otsenka kachestva byudzhetnogo protsessa v Pskovskoi oblasti [Assessing the quality of the budget process in the Pskov region]. *Munitsipal'naya akademiya*, 2020, no. 2, pp. 115–122.
2. Semenova E.V., Dubin V. V., Soboleva A.Yu. Problemy mezhbyudzhetykh otnoshenii v edinoi sisteme publichnoi vlasti [Problems of interbudgetary relations in a unified system of public authority]. *Munitsipal'naya akademiya*, 2022, no. 1, pp. 103–111.
3. Savitsky A.I. Primenenie l'got v ramkakh spetsial'nykh nalogovykh rezhimov: problemy teorii i praktiki [Application of benefits within the framework of special tax regimes: problems of theory and practice]. *Rossiiskoe pravo*, 2014, no. 1 (82), pp. 71–76.
4. Deryugin A.N. Regional'nye byudzhety v pervom polugodii 2023 goda [Regional budgets in the first half of 2023. Monitoring of the economic situation in Russia]. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/regionalnye-byudzhety-v-pervom-polugodii-2023-goda.html> (In Russ.).
5. Kutsuri G.N., Tinikashvili T.Sh. Sbalansirovannost' byudzheta munitsipal'nogo obrazovaniya i faktory ee obespecheniya [Balancing the budget of a municipality and factors for ensuring it]. *Ekonomicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 289–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-4-289-293>
6. Syupova M.S. Differentsiatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti regiona [Differentiation of socio-economic development of municipalities as a threat to the economic security of the region]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2021, no. 1, pp. 70–79.
7. Reduced tax rates under the simplified tax system in the constituent entities of the Russian Federation. Access mode: LRS “ConsultantPlus”. (In Russ.).
8. The level of estimated budgetary provision of the constituent entities of the Russian Federation after the distribution of subsidies to equalize the budgetary provision of the constituent entities of the Russian Federation and the index of budgetary expenditures of the constituent entities of the Russian Federation for 2022-2024. Ministry of Finance of the Russian Federation: official site. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2022_2024/?id_38=134835 (In Russ.).
9. Unified register of small and medium-sized businesses. (In Russ.). URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>

Информация об авторах

Е.В. Семенова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и бухгалтерский учёт», экономический факультет, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия, г. Великие Луки, Россия.

Е.А. Никифорова – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой «Финансы и бухгалтерский учет», экономический факультет, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия, г. Великие Луки, Россия.

О.Г. Петрова – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учёта, экономический факультет, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия, г. Великие Луки, Россия.

Information about the authors

E.V. Semenova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Accounting, Faculty of Economics, Velikiye Luki State Agricultural Academy, Velikiye Luki, Russia.

E.A. Nikiforova – Candidate of Economics, Associate Professor, Head. Department of Finance and Accounting, Faculty of Economics, Velikiye Luki State Agricultural Academy, Velikiye Luki, Russia.

O.G. Petrova – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Finance and Accounting, Faculty of Economics, Velikiye Luki State Agricultural Academy, Velikiye Luki, Russia.

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 27–36.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 27–36.

Научная статья

УДК 338.246.027.7:004.9

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/27-36>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ КОМПАНИИ

Полина Антоновна Лопатина

Высшая школа финансов, Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, p.lopatina2016@yandex.ru

Аннотация. Рыночная экономика постоянно подвергается различным изменениям и новым вызовам современного мира. Пандемия 2019 г. и экономический кризис, начавшийся в 2022 г., выявили слабые места предприятий различных отраслей. Компании, которые не смогли быстро адаптироваться к новым реалиям экономики, объявили об ухудшении финансовых показателей, снижении платёжеспособности, что привело некоторых из них к банкротству. В меняющейся бизнес-среде традиционные методы и подходы финансового оздоровления предприятия перестают быть актуальными. Развитие цифровых двойников, искусственного интеллекта, больших данных открывает новые возможности для предприятий. Использование цифровых инструментов дает возможность повысить устойчивое развитие предприятия, поддержать платежеспособность, сохранить место на рынке. В данной статье показаны действующие инструменты финансового оздоровления, рассмотрены плюсы и минусы использования цифровых технологий на предприятиях, сформулированы перспективы их развития.

Ключевые слова: финансовое оздоровление, цифровизация, антикризисные инструменты, устойчивое развитие, цифровые инструменты

Для цитирования: Лопатина П.А. Цифровые технологии как один из инструментов финансового оздоровления компании // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 27–36.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS ONE OF THE TOOLS OF COMPANY'S FINANCIAL RECOVERY

Polina A. Lopatina

Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, p.lopatina2016@yandex.ru

Abstract. The market economy is constantly undergoing various changes and new challenges of the modern world. The pandemic of 2019 and the economic crisis that began in 2022 helped to identify weaknesses of enterprises in various industries. Companies that could not quickly adapt to the new realities of the economy announced deterioration in financial performance, a decrease in solvency, which led some of them to bankruptcy. Traditional methods and approaches of financial recovery of the enterprise cease to be relevant in a changing business environment. The development of digital twins, artificial intelligence, and big data opens up new opportunities for the development of enterprises. The use of digital tools can help to increase the sustainable development of the enterprise, maintain solvency, and maintain a place in the market. This article examines the current instruments of financial recovery, as well as the pros and cons of using digital technologies in enterprises, and the prospects for their development.

Keywords: financial recovery, digitalization, anti-crisis tools, sustainable development, digital tools

For citation: Lopatina P.A. Digital technologies as one of the tools of company's financial recovery. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 27–36. (In Russ.).

Рыночная экономика постоянно подвергается различным изменениям, таким как кризисные явления, новые вызовы, которые влияют на мировой рынок. После появления пандемии COVID-19 и введения санкций в 2022 г. большинство компаний столкнулось с такими проблемами, как уход иностранных поставщиков, расторжение импортных контрактов, возникновение трудностей с логистикой, ограничение доступа к иностранным оборудованию и технологиям, сокращение числа специалистов в ИТ, что привело к снижению динамики финансовых показателей предприятий и экономики в целом.

С началом в 2022 г. экономического кризиса выявление проблем компании с помощью анализа ее показателей и своевременное проведение мероприятий по улучшению состояния предприятия становятся актуальными элементами современной экономики. К основным причинам возникновения несостоятельности предприятия

можно отнести рост задолженности компаний, снижение собственного капитала, низкую или отрицательную рентабельность, снижение качества и объема выпускаемой продукции, высокий уровень инфляции и др.

Приоритетом для каждого предприятия является поддержание платежеспособности, положительного финансового состояния, повышение конкурентоспособности. В этих целях необходимо использовать инструменты, которые позволяют быстро реагировать на факторы, негативно влияющие на деятельность предприятия, и оперативно их устранять. Некоторые компании не всегда успевают за ходом событий, что приводит к возникновению серьезных проблем, результатом которых становится их банкротство.

В Федеральном законе № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» банкротство понимается как признание данного состояния арбитражным судом в связи с тем, что должник не способен в полном объеме исполнить свои обязательства перед кредиторами и перед своими работниками в виде заработной платы и других обязательных платежей¹.

Когда компания попадает в затруднительное положение, такое как неспособность погасить свои долги перед кредиторами, у нее есть две принципиальные возможности: приложить все силы для восстановления своей платежеспособности или прекратить деятельность с максимальным исполнением своих обязательств.

Согласно данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, за первый квартал 2023 г. число компаний-банкротов сократилось к аналогичному периоду прошлого года (АППГ) на 46,2%, что составило 1368 дел (рис. 1). Снижение связано с мораторием на подачу кредиторами заявлений о банкротстве должников, который длился с 1 апреля по 1 октября 2023 г.

Несмотря на уменьшение обанкротившихся компаний в первом квартале 2023 г. по сравнению к АППГ, введенные меры лишь заморозили процесс банкротства, что подтверждается наличием у компаний серьезных проблем с погашением долгов.

При рассмотрении дела о банкротстве используются процедуры, которые являются последними попытками Арбитражного суда помочь должнику повысить в долгосрочном и краткосрочном периодах финансовую устойчивость. К ним относятся наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение. Финансовое оздоровление представляет собой процедуру, которая применяется только к юридическим лицам и необходима для восстановления платежеспособности предприятия и погашения задолженности. Для его введения необходимо, чтобы оно было принято на этапе наблюдения. Также обязательны еще несколько условий: Арбитражным судом должно быть принято заяв-

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) Ст. 2.

ление о банкротстве, а компания должна иметь обеспечение для погашения долга. К обеспечению можно отнести поручительство, гарантии, заложенное имущество в виде земельных участков, зданий, оборудования и др. Данная процедура на основании решения собрания кредиторов вводится Арбитражным судом. Если должником не было согласовано введение финансового оздоровления, то процедура может начаться и без решения собрания¹.

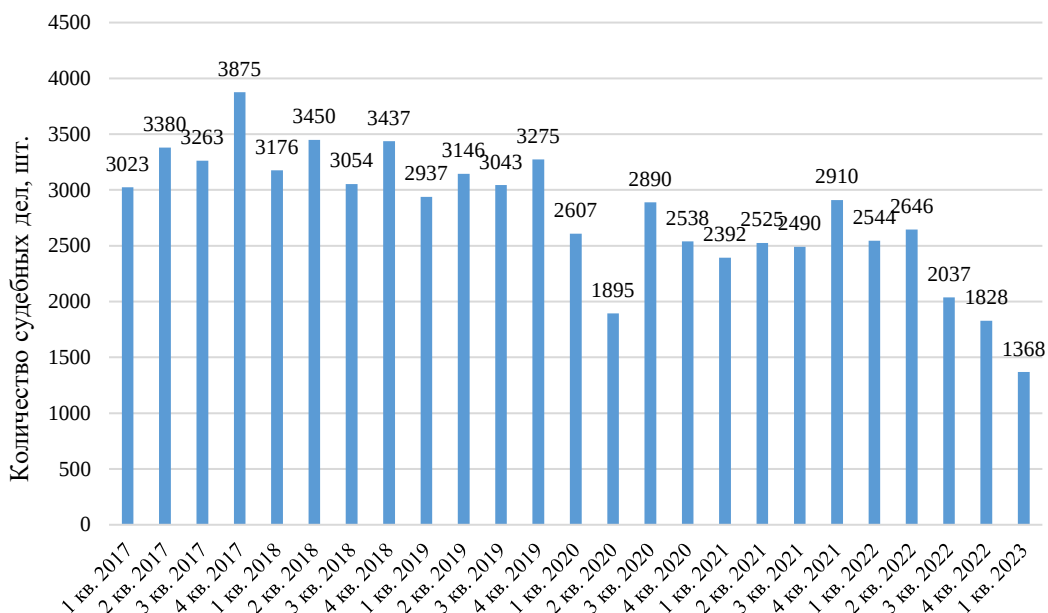

Рис. 1. Число компаний-банкротов, шт.

Составлено автором на основе данных, полученных на официальном сайте Федерального ресурса [1]

Преимуществом финансового оздоровления является продолжение деятельности предприятия, что позволяет сохранить сам бизнес, рабочие места, погасить со временем задолженность перед кредиторами.

После анализа текущего состояния фирмы и выявления признаков кризисной ситуации используются один или несколько инструментов финансового оздоровления. К ним можно отнести: пересмотр стратегии организации, изменение или внедрение маркетинга, реструктуризацию, снижение долга по дебиторской задолженности, изменение управления персоналом и др.

Чтобы предприятие смогло подстроиться под изменения с минимальным количеством потерь, у компании должна быть гибкая бизнес-модель, которая сможет

¹Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Ст. 80.

быстро подстраиваться под обновляемые процессы. При этом модель необходимо постоянно систематизировать для того, чтобы улучшить ее конкурентное преимущество на рынке в долгосрочной перспективе. Проблема заключается в том, что компании часто используют стабильную проверенную бизнес-модель, которая хорошо функционирует под влиянием внутренних факторов, но нестабильна под влиянием внешних. На текущий момент непредвиденные изменения, развитие цифровизации оказывают все большее давление на уже сформированные бизнес-модели, что негативно сказывается на деятельности предприятий, так как компаниям сложно перейти на новую модель [2].

Так, в период пандемии коронавируса 2019 г., с установлением локдауна, возникла сильная потребность в онлайн процессах, люди начали активно использовать электронные сети [3]. Данная ситуация резко ускорила развитие цифровых технологий, и чтобы выжить в новых условия, компании начали развивать электронные ресурсы.

Пандемия COVID-19 увеличила спрос на промышленных роботов во всем мире. Согласно отчету World Robotics 2023 г., начиная с 2021 г. спрос на новых роботов ежегодно увеличивается на 5–7% относительно АППГ (рис. 2) и в 2023 г. составил 7% к 2022 г. за счет увеличения числа установок роботов в Азии (73%), Европе (15%), США (10%).

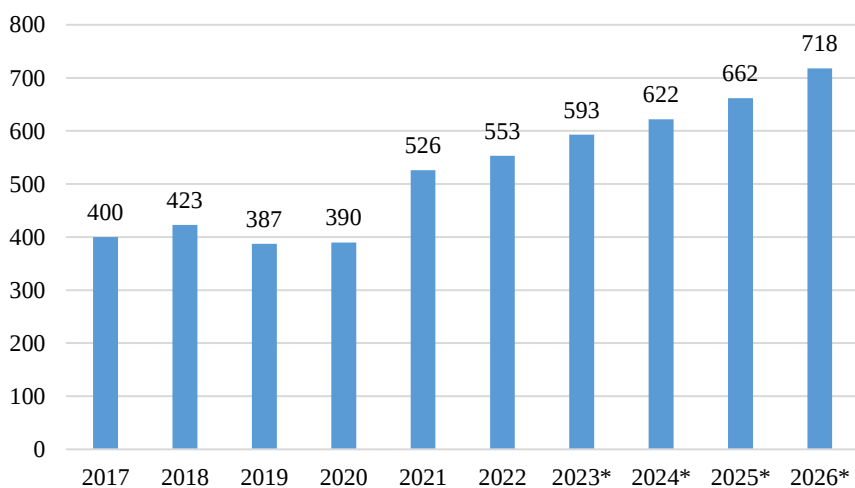

Рис. 2. Объемы поставок промышленных роботов в мире за 2017–2022 гг. с прогнозом до 2026 г., тыс. шт. [4]

С развитием цифровизации и последующим ее активным внедрением во все сферы жизни общества увеличилось число компаний-банкротов, что связано с неспособностью своевременно внедрить инновации в производственные процессы. Стремительный научно-технический прогресс стимулирует пересмотр классических инструментов финансового оздоровления.

К цифровым инструментам для бизнеса можно отнести промышленные облачные платформы, большие данные, искусственный интеллект, цифровые двойники, различные приложения, способные оптимизировать производственные процессы.

В настоящее время на предприятиях часто внедряют бизнес-модели, в основе которых находятся технологии искусственного интеллекта или машинного обучения. Их использование способствует автоматизации деятельности, что приводит к снижению количества ошибок, освобождению сотрудников от выполнения рутинных задач и увеличению скорости работы.

Искусственный интеллект позволяет накапливать большие массивы данных, извлекать необходимую информацию и систематизировать ее в удобный формат за короткий промежуток времени, что экономит ресурсы и время для создания сценария работы. С его помощью пересматриваются многие процессы анализа, использования большого объема информации, модернизируются модели прогноза и принятия решений на предприятиях и во всех сферах общества.

За последнее время развитие и применение искусственного интеллекта вышло на новый уровень с помощью ChatGPT и его аналогам. Например, с помощью BloombergGPT можно создать аналитические отчеты, заниматься поиском информации о конкурентах, проводить финансовую аналитику и отслеживать различные отраслевые новости и тенденции. Для его создания было обработано 569 млрд токенов информации [5].

В рыночных условиях компании постоянно взаимодействуют с контрагентами, от которых сильно зависит экономическая безопасность предприятия. Поэтому особую значимость приобретает проведение комплексной проверки экономического субъекта для текущего и перспективного сотрудничества в целях соблюдения осмоторительности при его выборе.

Применение технологии Big Data упрощает компаниям возможность принимать решения на основе большого объема данных, что позволяет разработать гибкую ценовую политику и прогнозировать динамику выручки и чистой прибыли. Главными потребителями Big Data являются финансовые организации, промышленные предприятия, фармацевтическая отрасль, ритейл и другие потребители.

Искусственный интеллект уже внедрен во многие сферы бизнеса. Он позволяет повысить личную и профессиональную продуктивность: люди начинают экономить время с помощью использования компьютера, что повышает добавленную стоимость выпускаемой продукции. Так, в зависимости от роста объема продукции при автоматизации процессов использование роботов может быстро окупиться. Средства, которые освободятся после оптимизации, можно использовать для расширения производства или открытия нового вида деятельности.

Также с помощью искусственного интеллекта предприятия экономят время на мониторинге охраны труда. Например, ПАО «Магнитогорский металлургический

комбинат» завершил проект по предотвращению нахождения персонала в опасных зонах с помощью платформы «Цифровой рабочий». Она базируется на технологии машинного зрения, которая позволяет повысить безопасность работников и минимизировать риски производственного травматизма [6].

Программное обеспечение RPA (с англ. “Robotic Process Automation” – роботизация бизнес-процессов), включающее в себя выполнение запрограммированных задач, предназначено для устранения рутинных операций. Данным инструментом пользуются сотрудники банков для автоматизации обработки кредитных счетов и проверки данных клиента.

Для повышения качества продукции при наименьших затратах используются цифровые двойники, которые представляют собой цифровую модель различных систем, процессов, объектов и даже людей [7]. С их помощью предприятия могут экономить на затратах, выявлять и исключать несовершенство продукции, экономить время на тестировании и создании, так как такие двойники в точности синхронизируются с оригиналом, повторяя его действия и форму. Цифровые двойники уже активно используются в авиастроении, машиностроении, добыче полезных ископаемых и других отраслях.

Застройщики для снижения расходов и улучшения качества здания используют BIM-моделирование (англ. «building information modeling» – информационное моделирование зданий). Данная модель позволяет контролировать в режиме реального времени строительство здания на всех его этапах – от макета здания до окончания строительно-монтажных работ с соблюдением установленных сроков.

К недостаткам цифровых технологий можно отнести следующее: рост киберугроз, способствующих утечке информации, так как компании становятся все более открытыми для внешнего мира; возможность доступа к глобальному рынку как продавца, так и покупателя, в связи с чем повышается спрос на более качественную продукцию среди огромного количества предложений; потребность цифровых технологий в конкретных знаниях и навыках, которые не каждый сотрудник способен освоить в краткосрочной перспективе; высокая капиталоемкость процесса внедрения цифровых технологий.

В связи с расширением открытости информационных данных увеличилось количество киберугроз, что является одной из основных проблем не только бизнеса, но и государства. С развитием цифрового пространства увеличиваются атаки, а также улучшается их качество: они становятся все более мощными и сложными с точки зрения алгоритма. Существует множество платформ, способных определить, выявить и предотвратить атаки, но они должны быть подвержены постоянной модернизации [8].

Несмотря на наличие отрицательных качеств цифровых инструментов, технологии хорошо зарекомендовали себя во многих сферах деятельности. Роботы,

искусственный интеллект, цифровые двойники и другие инструменты позволяют своевременно выявить негативные моменты на предприятии, увеличивают скорость процессов производства и анализа финансовых показателей, что доказывает их превосходство над другими инструментами финансового оздоровления.

После введения санкций в 2022 г. появились ограничения к зарубежному оборудованию и технологиям. С российского рынка активно начали уходить крупные международные компании, которые предлагали цифровые продукты предприятиям. Уход зарубежных игроков заставил пересмотреть большинство подходов к бизнес-процессам, тем самым простимулировав российский рынок к разработке собственной продукции. Данное событие негативно повлияло не только на компании с уже имеющимися проблемами, но и на устойчивый бизнес. Выходом из сложившейся ситуации станет развитие импортозамещения российской ИТ-отрасли, параллельного импорта [9].

Для импортозамещения и развития собственной продукции были разработаны меры поддержки со стороны государства. За 2022–2024 гг. инвестиции государственных компаний и корпораций в отечественное программное обеспечение составило более 922 млрд рублей [10]. Также были выделены из федерального бюджета 150 млрд рублей в виде грантов на развитие технологий, но, можно заметить, появился тренд замены субсидий и грантов на кредиты по льготным ставкам [11].

Чтобы Россия обеспечила технологический суверенитет, сохранила конкурентоспособность на мировом рынке, необходимо продолжить развитие собственных программ, повышать квалификацию населения в области овладения цифровыми инструментами.

С помощью цифровых технологий открываются возможности по созданию и развитию новых продуктов, а также уменьшаются затраты на их производство. Использование указанных технологий в бизнес-процессах предприятий позволяет решать такие задачи, как увеличение объема продаж, рост бизнеса посредством его активизации и оптимизации затрат, диверсификация деятельности за счет открытия новых направлений, повышение платежеспособности.

Таким образом, в условиях цифровой экономики необходимо быстрое реагирование и разработка мер по устранению проблем не только на этапе кризисного состояния, но и на стадии построения целостной системы управления. Это можно реализовать путем грамотного управления финансовым состоянием с использованием инструментов финансового оздоровления.

Внедрение цифровых технологий позволит ускорить выявление негативных факторов, воздействующих на предприятия, а также оптимизировать производственный процесс, повысить конкурентоспособность и обеспечить выживаемость в условиях стремительного развития цифровизации.

Список источников

1. Официальный сайт Федерального ресурса. URL: <https://fedresurs.ru/>
2. Линц Г., Мюллер-Стивенс Г., Циммерман А. Радикальное изменение бизнес-модели: Адаптация и выживание в конкурентной среде. М.: Альпина Паблишер, 2019. 271 с.
3. Бутрова Е. В. Особенности антикризисного управления предприятием в условиях цифровизации // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 579–590.
4. Всемирный отчет по робототехнике за 2023 год, Промышленные роботы. URL: <https://ifr.org/worldrobotics/>
5. Представляем BloombergGPT, крупномасштабную языковую модель Bloomberg с 50 миллиардами параметров, специально созданную с нуля для финансовых целей. URL: <https://www.bloomberg.com/company/press/bloomberggpt-50-billion-parameter-llm-tuned-finance/>
6. ММК усилил контроль за безопасностью с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://mmk.ru/ru/press-center/news/mmk-usilil-kontrol-za-bezopas-nostyu-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta/>
7. Гостева О.В. Особенности применения цифровых двойников на российских промышленных предприятиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). Ст. № 147.
8. Инструменты ИИ в руках злоумышленников – классификация угроз и способы противодействия, 2023. Роскомнадзор. URL: <https://ict.moscow/research/instrumenty-ii-v-rukakh-zloumyshlennikov/?ysclid=lnhyvt6lzh929355613>
9. Трофимова Г.А. Цифровая трансформация в России в условиях санкций // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 1, № 8. С. 104–107.
10. Инвестиции госкомпаний и госкорпораций в отечественное программное обеспечение составят более 922 млрд руб. Правительство России. URL: <http://government.ru/news/48242/>
11. Обзор российского рынка инфраструктурного ПО и перспективы его развития, сентябрь 2023 года. Strategy Partners. URL: <https://strategy.ru/>

References

1. Official website of the Federal Resource. URL: <https://fedresurs.ru/> (In Russ.).
2. Linz G., Muller-Stevens G., Zimmerman A. Radikal'noe izmenenie biznes-modeli: Adaptatsiya i vyzhivanie v konkurentnoi srede [Radical change of the business model: Adaptation and survival in a competitive environment]. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 271 p.
3. Butrova E. V. Osobennosti antikrizisnogo upravleniya predpriyatiem v usloviyakh tsifrovizatsii [Features of anti-crisis management of the enterprise in the conditions of digitalization]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 579–590.

4. World Robotics Report 2023. Industrial Robots. URL: <https://ifr.org/worldrobotics/> (In Russ.).
5. Introducing BloombergGPT, Bloomberg's 50-billion parameter large language model, purpose-built from scratch for finance. URL: <https://www.bloomberg.com/company/press/bloomberggpt-50-billion-parameter-llm-tuned-finance/> (In Russ.).
6. MMK has strengthened security control with the help of artificial intelligence. URL: <https://mmk.ru/ru/press-center/news/mmk-usilil-kontrol-za-bezopasnostyu-s-po-moshchyu-iskusstvennogo-intellekta/> (In Russ.).
7. Gosteva O.V. Osobennosti primeneniya tsifrovyykh dvoynikov na rossiiskikh promyshlennykh predpriyatiyakh [Features of the use of digital doubles in Russian industrial enterprises]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2023, no. 8 (134). Art. no. 147.
8. AI tools in the hands of intruders – classification of threats and ways of countering, 2023. Roskomnadzor. URL: <https://ict.moscow/research/instrumenty-ii-v-rukakh-zloumyshlennikov/?ysclid=lnhyvt6lzh929355613> (In Russ.).
9. Trofimova G.A. Tsifrovaya transformatsiya v Rossii v usloviyakh sanktsii [Digital transformation in Russia under sanctions]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, 2022, no. 8, pp. 104–107.
10. Investments of state-owned companies and state corporations in domestic software will amount to more than 922 billion rubles. The Government of Russia. URL: <http://government.ru/news/48242/> (In Russ.).
11. Overview of the Russian infrastructure software market and prospects for its development, September 2023. Strategy Partners. URL: <https://strategy.ru/> (In Russ.).

Информация об авторе

П.А. Лопатина – аспирант Высшей школы финансов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Information about the author

P.A. Lopatina – Post-Graduate student, Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 37–57.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 37–57.

Научная статья

УДК 332.146.2

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/37-57>

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Ирина Борисовна Королёва¹, Павел Викторович Леонтьев²,
Эвелина Рамилевна Зигангирова³

¹Байкальский государственный университет, Институт
народного хозяйства, г. Иркутск, Россия, fine-1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4148-6425>

^{2,3}Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

²leontyevp00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1729-2068>

³Eva.zigangirova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-5395-2058>

Аннотация. Цель исследования – комплексная оценка состояния и результативности научно-исследовательской деятельности (НИД) как фактора развития инновационной системы ДФО, определение ее сильных и слабых сторон и потенциала роста как драйвера инновационного развития региона. Методология исследования базируется на теоретическом анализе основных научных положений, связанных с развитием национальной инновационной системы, а также НИД как основного фактора ее развития. Информационной и эмпирической базой исследования послужили статистические данные о состоянии НИД в России в целом, в ДФО и других федеральных округах, а также рейтинговые оценки. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке на основе выделенных критериев состояния и роли НИД как фактора развития инновационной системы ДФО, определении ее сильных и слабых сторон и возможного потенциала развития с применением экономико-математического моделирования.

Исследование показало существенное отставание НИД Дальнего Востока от среднероссийских значений. Слабыми сторонами НИД ДФО являются утечка исследователей (в том числе исследователей с ученой степенью), низкая доля предп-

ринимательского сектора во внутренних затратах на НИР в ДФО. Вместе с тем инновационное развитие региона и состояние НИД в ДФО имеет высокий потенциал к росту, который базируется на ее сильных сторонах, таких как количество организаций, осуществляющих НИР на 1 млн населения, доля исследователей с ученой степенью, доля государственного финансирования НИР во внутренних затратах и направляемых на фундаментальные исследования, уровень публикационной активности в международных журналах. Особенностью инновационного развития Дальнего Востока является формирование в его составе передовых региональных инновационных центров, таких как Хабаровский, Приморский края и Сахалинская область. Данные регионы являются точками инновационного роста ДФО, планомерное развитие НИД которых позволит реализовать высокий инновационный потенциал Дальнего Востока.

Ключевые слова: инновационное развитие в ДФО, научно-исследовательская деятельность, факторы инновационного развития, национальная инновационная система, региональная инновационная система, научные исследования и разработки в ДФО

Для цитирования: Королёва И.Б., Леонтьев П.Б., Зигангирова Э.Р. Научно-исследовательская деятельность на Дальнем Востоке как фактор развития региональной инновационной системы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 37–57.

Original article

RESEARCH ACTIVITY IN THE FAR EAST AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEM

Irina B. Koroleva¹, Pavel V. Leontiev², Evelina R. Zigangirova³

¹Baikal State University, Institute of National Economy,
Irkutsk, Russia, fine-1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4148-6425>

^{2,3}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,

²leontyevp00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1729-2068>

³Eva.zigangirova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-5395-2058>

Abstract. The purpose of the study is a comprehensive assessment of the state and effectiveness of research activities (NID) as a factor in the development of the innovation system of the Far Eastern Federal District, determining its strengths and weaknesses and growth potential as a driver of innovative development of the region. The research methodology is based on a theoretical analysis of the main scientific issues related to the development of the national innovation system, as well as NID as the main factor in its development.

opment of the national innovation system, as well as NID as the main factor in its development. The information and empirical base of the study was statistical data on the state of NID in Russia as a whole, in the Far Eastern Federal District and other federal districts, as well as rating estimates. The scientific novelty of the study consists in a comprehensive assessment based on the selected criteria of the state and role of NID as a factor in the development of the innovation system of the Far Eastern Federal District, determining its strengths and weaknesses and possible development potential using economic and mathematical modeling. The study showed a significant difference in the NID of the Far East from the average Russian values. The weaknesses of the Far Eastern Federal District NID are the leakage of researchers (including researchers with an academic degree), the low share of the business sector in the internal costs of research in the Far Eastern Federal District. At the same time, the innovative development of the region and the state of research in the Far Eastern Federal District has a high potential for growth, which is based on its strengths, such as the number of organizations conducting research per 1 million population, the share of researchers with a scientific degree, the share of state funding for research in internal costs and directed to basic research, the level of publication activity in international journals. A feature of the innovative development of the Far East is the formation of advanced regional innovation centers, such as Khabarovsk, Primorsky Krai and Sakhalin Region. These regions are points of innovative growth in the Far Eastern Federal District, the systematic development of which will allow the implementation of the high innovative potential of the Far East.

Keywords: innovative development in the Far Eastern Federal District, research activity, factors of innovative development, national innovation system, regional innovation system, research and development in the Far Eastern Federal District

For citation: Koroleva I.B., Leontiev P.L., Zigangirova E.R. Research activity in the Far East as a factor in the development of regional system. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 37–57. (In Russ.)

Введение

В современном мире инновационное развитие – одно из ключевых направлений конкурентоспособности экономики государства. Национальная экономика не может существовать и совершенствоваться без активного внедрения инновационных систем в ключевые производственные процессы. От качества национальной инновационной системы (НИС) зависит научно-технический потенциал экономики страны. Одна из причин успеха стран с наилучшими показателями инновационного развития – формирование региональных инновационных систем, интегрирующих субъектов в процессы разработки, внедрения и усовершенствования технологий. В этой связи значительный интерес представляет Дальневосточный федеральный

округ (ДФО) Российской Федерации, который имеет огромный потенциал благодаря географическому положению, богатству природных ресурсов, тесному экономическому взаимодействию Азиатских страна, а также значительным интеллектуальным ресурсам.

Инновационное развитие России и ее регионов – одна из центральных повесток научных исследований [1–8]. Инновационному развитию Дальнего Востока, его науке и научно-исследовательской инфраструктуре посвящено не мало исследований [9–14].

Целью данного исследования является комплексная оценка состояния и результативности НИД как фактора развития инновационной системы ДФО, определение ее сильных и слабых сторон и потенциал роста как драйвера инновационного развития региона.

В различных исследованиях НИС и ее элементы трактуются по-разному [2; 3; 7; 15–18]. В нашем понимании, НИС – это совокупность институтов и механизмов взаимодействия, обеспечивающих производство, распространение и коммерческую реализацию новых знаний и технологий на основе соответствующей нормативно-правовой базы в пределах национальных границ [16]. Она включает в себя взаимодействие университетов, научно-исследовательских институтов, лабораторий, центров прикладных научных разработок, технопарков, инкубаторов и др., с одной стороны, и с другой – предпринимателей, которые находятся в непрерывном поиске путей повышения эффективности деятельности за счет внедрения инноваций.

Инновационное развитие России и ее регионов предполагает формирование эффективной инновационной системы. Такая НИС базируется на деятельности организаций, занимающихся фундаментальными и прикладными научными исследованиями. Согласно ст. 2 Федерального закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 12 июля 1996 г., под НИД понимается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, поисковые научные исследования, научно-техническая деятельность и экспериментальные разработки [19]. Статья 769 ГК РФ разграничивает НИД, направленную на проведение научных исследований согласно техническому заданию, и опытно-конструкторскую и технологическую работу, нацеленную на создание нового образца или новой технологии, а также соответствующей конструкторской документации [20]. НИД отражает интеллектуальный потенциал страны, уровень вовлеченности в актуальную международную проблематику, а также составляет фундамент для научно-технических разработок.

Состояние инновационного развития государства и регионов, а также НИД оцениваются различными рейтингами [21–26]. По результатам анализа критериев

оценки НИД в международных и российских рейтингах, а также ряда исследований [14; 27–29] можно выделить следующие основные направления, характеризующие состояние и результативность НИД как фактора инновационного развития РФ и ДФО: институциональная структура, кадры науки, финансирование и результативность научных исследований и разработок.

Регрессионный и корреляционный анализы

Прежде чем мы рассмотрим состояние НИД в России и ДФО по каждому из вышеуказанных направлений, осуществим математическое доказательство положительного влияния показателей научной деятельности на инновационное развитие России. Для этого проведем регрессионный анализ, а для описания тесноты связи применим корреляционный анализ. Входные данные регрессионной модели включают в себя (значения по России с 1995 по 2021 г.) [30]: число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед. (X1); число исследователей, чел. (X2); внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб. (X3); число выданных патентов для резидентов и нерезидентов, ед. (X4); число публикации российских авторов в Web of Science, ст. (X5); число организаций, выполняющих подготовку аспирантов и докторантов, ед. (X6); разработанные передовые технологии внутри страны, ед. (X7). Выходные данные (значения по России с 1995 по 2021 г.) регрессионной модели – объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб. (Y) [30].

Гипотеза 1 – показатели научной деятельности будут значительно влиять на инновационное развитие России. Гипотеза 2 – тесная связь будет наблюдаться между публикационной, патентной активностью и инновационным развитием России. Гипотеза 3 – будет присутствовать высокая мультиколлинеарность при корреляционном анализе, так как показатели научной деятельности тесно взаимосвязаны друг с другом (число авторов очевидно влияет на число статей, объем внутренних затрат безусловно влияет на количество разработанных передовых технологий и т. д.).

Результаты регрессионного анализа (табл. 1) показывают, что 98% выборки, отражающих инновационное развитие, объясняется показателями НИД.

Гетероскедастичность наблюдается из-за разнородности данных (внутренние затраты на исследования и разработки и объем инновационных товаров выражены в стоимостном значении, все остальные показатели – в абсолютном). Стандартная ошибка имеет высокое значение, поскольку НИД – это фундамент инновационного развития, на который настраивается множество других влияющих на него факторов (эффективность функционирования институтов, спрос на инновации, степень и характер взаимодействия бизнеса, государства и научно-исследовательских институтов и др.). Можно предположить, что F-статистика имеет большое значение (120,8) по той же причине. То, что F-статистика превышает F-критическое, говорит о значимости модели. Р-значение коэффициентов ниже 0,05 наблюдается только у количества

выданных патентов (0,0399) и у разработанных технологий (0,0008), что говорит о значительном влиянии данных показателей. Таким образом, совокупность показателей научной деятельности значительно влияет на инновационное развитие России, что подтверждает гипотезу 1.

Таблица / Table 1

Результаты регрессионного анализа

Regression analysis results

Показатель	Значение
Р-квадрат	0,9795897
Гетероскедастичность	Наблюдается
F статистика	120,8
F-критическое	2,58
Р-значение X4	0,0399
Р-значение X7	0,0008
Стандартная ошибка	5988597,9

Таблица / Table 2

Корреляционная матрица

Correlation matrix

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	Y
X1	1							
X2	0,21	1						
X3	-0,05	0,78	1					
X4	0,02	0,51	0,47	1				
X5	0,34	0,66	0,83	0,39	1			
X6	-0,73	-0,46	-0,34	-0,24	-0,77	1		
X7	0,203	0,88	0,903	0,58	0,85	-0,52	1	
Y	0,17	0,79	0,94	0,45	0,93	-0,56	0,95	1

Рассчитано авторами на основе [30].

Данные корреляционного анализа (табл. 2) говорят о том, что тесная связь инновационного развития России наблюдается с большинством показателей научной деятельности, а именно: с числом исследователей (0,79), внутренними затратами на исследования и разработки (0,94), публикациями российских авторов в Web of Science (0,94) и разработанными передовыми технологиями (0,95). Помимо этого, наблюдается мультиколлинеарность, т. е. тесная связь между: числом исследователей и разработанными передовыми технологиями (0,88), внутренними затратами на исследования и разработки (0,903) и числом публикаций в Web of Science (0,85), а также между внутренними затратами и публикациями (0,83), что подтверждает гипотезы 2 и 3.

Таким образом, на основе результатов регрессионного и корреляционного анализов было математически доказано влияние НИД на инновационное развитие России. Поскольку значения показателей по России – это сумма значений по ее регионам, то данный результат можно экстраполировать и на Дальневосточный федеральный округ РФ.

Институциональная структура НИД

Институциональная структура НИД включает в себя научные учреждения, организации высшего образования и промышленные предприятия, осуществляющие НИР (табл. 3).

Данные таблицы 3 показывают, что количество таких организаций, за период 2010–2021 гг. увеличилось на 19,6% и 23,9% соответственно. Самый большой рост как для РФ, так и для ДФО пришелся на 2014–2016 гг. – 428 и 23 организации соответственно. Данная тенденция связана с тем, что после основания Министерства образования и науки в 2004 г. и формирования стратегических документов по научно-техническому развитию России Правительство РФ активно стимулирует создание организаций, выполняющих научные исследования и разработки.

Таблица / Table 3

Количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в ДФО и в целом по России за 2010–2021 гг.

The number of organizations performing research and development in the Far Eastern Federal District and in Russia as a whole for the period 2010–2021

Показатель	Количество организаций, осуществляющих НИР, ед.		Доля ДФО в общем числе организаций РФ, осуществляющих НИР, %	Количество организаций, осуществляющих НИР, в расчете на 1 млн населения	
	РФ	ДФО		РФ	ДФО
2010	3492	188	5,4	24,4	29,8
2012	3566	199	5,6	24,9	31,6
2014	3604	198	5,5	25,1	31,8
2016	4032	221	5,5	27,5	35,7
2018	3950	216	5,5	26,9	35
2020	4175	235	5,6	28,5	28,7
2021	4175	233	5,6	28,4	28,7
2021 к 2010, %	119,6	123,9	103,7	116,4	96,3

Рассчитано авторами по данным Росстата [30] и ВШЭ [31].

В некоторых исследованиях показано [28], что увеличение количества организаций, занимающихся НИД, наиболее сильно влияет на выпуск инновационной

продукции в российских регионах (коэффициент эластичности составляет 1,21 %). В этой связи вышеуказанная тенденция способствует инновационному развитию ДФО.

Удельный вес научно-исследовательских организаций ДФО в общем числе организаций РФ в 2021 г. составил 5,6%, т.е. за период 2010–2021 гг. практически не изменился (прирост 3,7%). Одним из относительных показателей, по которому происходит сравнительный анализ НИС разных стран, является количество организаций, осуществляющих НИР на 1 млн населения. С 2010 г. в России значение данного показателя стабильно росло и к 2021 г. составило 28,4 организации (прирост 16,4%). Однако это существенно ниже передового уровня западных стран (в 12 раз меньше, чем в Южной Корее – более 350 организаций, в 8 раз меньше, чем в Швейцарии – более 230 организаций). В период с 2010 г. в ДФО количество организаций на 1 млн населения превышало общероссийский уровень: в 2018 г. в ДФО – 35, в России – 26,9). Однако с 2018 по 2021 г. количество организаций снизилось до 28,7 (на 3,7%), что соответствует общероссийскому уровню. Снижение данного показателя связано с увеличением количества населения в результате присоединения к ДФО Республики Бурятия и Забайкальского края. Таким образом, ДФО является регионом с высокой концентрацией научно-исследовательских организаций. Тем не менее в 2021 г. из всех федеральных округов РФ по данному показателю ДФО занимал предпоследнее место (234 организации), последнее – Северо-Кавказский федеральный округ (143 организации) [30].

Человеческий капитал

Человеческий капитал – один из основных ресурсов, отражающих качество НИД. Сравнительный анализ количества персонала, занятого исследованиями и разработками на Дальнем Востоке и в целом по России (табл. 4) показывает, что за период с 2010 по 2016 г. оно увеличивалось, а с 2018 по 2021 г. неуклонно снижалось (за 2010–2021 гг. по России – на 10,1%, в ДФО – на 4,7%). В 2021 г. в России значение этого показателя – 662 702 чел., а в ДФО – 13 387 чел. Начиная с 2016 г. Дальний Восток покинули 847 исследователей, что характерно и для всей России, из которой за тот же промежуток времени уехали более 10 800 исследователей.

Доля ДФО в общем числе исследователей страны в 2021 г. незначительна (2,02%) и за период 2010–2021 гг. практически не изменилась (прирост 5,7%). По относительному показателю количества персонала в исследованиях и разработках на 1 млн населения в РФ и ДФО за период 2010–2021 гг. также наблюдается устойчивая тенденция к снижению (на 13,1% по России и на 24,1% по ДФО, что в 1,8 раза выше российского уровня). Причиной является, в том числе, увеличение населения ДФО на 2 млн чел. в 2019 г. из-за присоединения к ДФО регионов Восточной Сибири.

Таблица / Table 4

**Количество персонала, занятого исследованиями и разработками в ДФО
и в целом по России за 2010-2021 гг.**

The number of personnel engaged in research and development in the Far Eastern Federal District and in Russia as a whole for the period 2010–2021

Показатель	Количество персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.		Доля ДФО в общем числе исследователей в РФ, %	Количество персонала, занятого исследованиями на 1 млн населения, чел.	
	РФ	ДФО		РФ	ДФО
2010	736540	14050	1,91	5176	2230,2
2012	726318	13227	1,8	5079	2133,4
2014	716850	13204	1,8	4988,5	2129,7
2016	722291	14861	2,06	4930,3	2397
2018	682580	14148	2,07	4646,5	2281,9
2020	679333	13915	2,05	4630,8	1697
2021	662702	13387	2,02	4502,1	1694,5
2021 к 2010, %	89,9	95,3	105,76	86,98	75,98

Рассчитано авторами по данным Росстата [30].

В 2021 г. данный показатель в России составил 4 502 чел., что в 1,3–1,8 раза ниже, чем в США, Швейцарии, Швеции и других развитых странах. В ДФО в 2021 г. количество персонала в исследованиях и разработках на 1 млн населения составило 1694 чел. Ежегодное снижение числа исследователей в РФ и ДФО говорит о том, что условия для профессиональной деятельности в данной сфере неблагоприятны.

Распределение исследователей по регионам ДФО в 2021 г. отличается неравномерностью. Основная масса исследователей сконцентрирована только в трех субъектах ДФО: Приморском крае (5593 чел.), Республике Саха (Якутия) (2142 чел.) и Хабаровском крае (1637 чел.), что негативно отражается на общем развитии региона [30].

ДФО по количеству исследователей среди всех федеральных округов РФ в 2021 г. занимал предпоследнее место (13 387 чел.), ниже только – Северо-Кавказский федеральный округ (6 640 чел.). Самая высокая концентрация исследователей наблюдалась в Центральном федеральном округе (335 117 чел.) [30].

Исследователи с ученой степенью – это исследователи с высшей квалификацией (кандидаты и доктора наук). Показатель того, как меняется число исследователей с высокой квалификацией, отражает качество профессиональной среды (см. табл. 5). Стоит учитывать, что персонал, занятый исследованиями и разработками, включает в себя и исследователей, и те профессии, которые непосредственно предполагают реализацию технических разработок.

Таблица / Table 5

**Численность исследователей, имеющих ученую степень в ДФО
и в целом по России за период 2010–2021 гг.**

The number of researchers with an academic degree in the Far Eastern Federal District
and in Russia as a whole for the period 2010–2021

Показатель	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2021 к 2010, %
Количество персонала в исследованиях и разработках в РФ, чел.	736540	726318	732274	722291	682580	679333	662702	89,98
в том числе: исследователи, имеющие ученую степень	105114	109330	109598	108388	100330	99122	97537	92,79
Доля исследователей со степенью в РФ, %	14,27	15,05	14,97	15,01	14,70	14,59	14,72	103,13
в том числе: кандидаты наук	78325	81546	81629	80958	75042	74649	73463	93,79
доктора наук	26789	27784	27969	27430	25288	24473	24074	89,87
Количество персонала в исследованиях и разработках в ДФО, чел.	14050	13227	13204	14861	14148	13915	13387	95,28
в том числе: исследователи, имеющие ученую степень	3817	4310	4482	4771	4317	4046	3924	102,80
Доля исследователей со степенью в ДФО, %	27,17	32,58	33,94	32,10	30,51	29,08	29,31	107,89
в том числе: кандидаты наук	2940	3281	3468	3749	3373	3161	3086	104,97
доктора наук	877	1029	1014	1022	944	885	838	95,6

Рассчитано авторами по данным Росстата [30].

По материалам табл. 5 можно сказать, что с 2018 по 2021 г. в России и ДФО наблюдается тенденция к сокращению количества персонала в исследованиях и разработках. При этом доля исследователей, имеющих ученую степень, в общем числе персонала, занятого исследованиями и разработками в РФ и ДФО, с 2010 по 2021 гг. остается практически неизменной (14–15% в РФ и 27–33% в ДФО). Вместе с тем доля исследователей с ученой степенью в ДФО примерно в 2 раза превышает показатель по РФ.

По доле квалифицированных исследователей в общем числе персонала, занятого исследованиями и разработками, ДФО в 2021 г. располагался на втором месте по России с показателем в 29,4%, что говорит о высокой квалификации исследователей в регионе [30]. По данному показателю его опережал только Северо-Кавказский федеральный округ с его значением в 35,8%.

Финансирование НИД

Финансирование НИД предполагает ассигнования, направленные непосредственно на поддержку и осуществление научных исследований и разработок. Из данных сравнения внутренних затрат на исследования и разработки (вне зависимости от источника) в ДФО и в целом по России (табл. 6) следует, что начиная с 2010 г. внутренние затраты на НИР как в РФ, так и в ДФО неуклонно растут (к 2021 г. прирост составил 148,7% и 105% соответственно).

Таблица / Table 6

Внутренние затраты на исследования и разработки в ДФО и в целом по России за период 2010–2021 гг.

Internal research and development costs in the Far Eastern Federal District
and in Russia as a whole in Russia for the period 2010–2021.

Год	Внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.		Доля ДФО во внутренних затратах на исследования и разработки по РФ, %	Внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения, руб.	
	РФ	ДФО		РФ	ДФО
2010	523377,2	10371,0	2,0	3678,0	1646,2
2012	699869,8	13131,2	1,9	4894,2	2117,9
2014	847527,0	15065,7	1,8	5897,9	2430,0
2016	943815,2	16439,7	1,7	6442,4	2651,6
2018	1028247,6	18561,1	1,8	6999,6	2993,7
2020	1174534,3	19418,4	1,7	8006,4	2368,1
2021	1301490,9	21288,4	1,6	8841,7	2694,7
2021 к 2010, %	248,7	205,3	82,5	240,4	163,7

Рассчитано авторами по данным Росстата [32].

Рост затрат по РФ обусловлен как увеличением государственного финансирования на основе государственных контрактов, субсидий, ассигнований, так и увеличением количества коммерческих предприятий, предоставляющих инновационные товары, работы, услуги (до 23% от общего числа предприятий). При этом доля ДФО во внутренних затратах на исследования и разработки по России за 2010–2021 гг. снизилась на 7,5% (в 2010 г. – 2,0%, в 2021 г – 1,6%), что является негативной тенденцией для развития инноваций в регионе.

Внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения в РФ в 2021 г. к 2010 г. выросли на 140,4% и составили 8 841,7 руб., что в несколько раз ниже, чем у передовых стран. Объем затрат на НИР в ВВП РФ составляет 1,3% [30], в то время как доля затрат на НИР в странах с развитыми инновационными системами составляет 3–4%, поэтому только ежегодным наращиванием затрат темпами выше, чем растет ВВП, можно прийти к передовому международному уровню. Внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения в ДФО в 2021 г. к 2010 г. выросли на 63,7%, что также является положительным фактором для развития инноваций в регионе, однако темпы роста этих затрат в 2,2 раза ниже общероссийских.

Распределение внутренних затрат на исследования и разработки на душу населения по регионам ДФО в 2021 г. характеризуется крайней неравномерностью. Основные внутренние затраты приходились на четыре региона ДФО: Магаданскую область (6460 руб.), Камчатский край (5490 руб.), Приморский край (5011 руб.) и Республику Саха (Якутия) (3634,5 руб.) [30], что не способствует равномерному инновационному развитию региона.

Доля ДФО во внутренних затратах на исследования и разработки в 2021 г. по РФ – одна из самых низких по округам. По этому показателю ДФО занимал предпоследнее место (19 996 млн руб.). На последнем месте – Северо-Кавказский федеральный округ (6167,3 млн руб.) [30]. Лидер – Центральный федеральный округ (620 729,6 млн руб.). Данная ситуация связана, во-первых, с приоритетной государственной поддержкой НИД, осуществляемой в западных регионах России как регионах с наибольшим количеством исследователей и разработчиков. Вторая причина – низкий уровень мотивации к НИД в самом Дальневосточном регионе со стороны предпринимательских организаций. Это подтверждается тем, что ДФО обладал наибольшей долей бюджетных средств в финансировании научных исследований и разработок в 2021 г. среди всех федеральных округов (82,6%). На втором месте – Сибирский федеральный округ (75,2%) [30]. Государственные ассигнования прежде всего направляются на фундаментальные исследования, поэтому в 2021 г. среди всех федеральных округов для ДФО характерна самая высокая доля внутренних затрат на фундаментальные исследования (68%) по России. На втором месте – Сибирский федеральный округ с долей затрат в 54% [30].

Результативность НИД

Прямую результативность исследований и разработок в ДФО и в целом по РФ отражает количество созданных передовых технологий (табл. 7).

Таблица / Table 7

Передовые технологии в ДФО и в целом по России, созданные за период 2010–2021 гг.

Advanced technologies created in the Far Eastern Federal District
and in Russia as a whole for the period 2010–2021

Показатель	Разработанные передовые технологии, ед.		Доля ДФО в разработанных передовых технологиях, %	Разработанные передовые технологии на 1 млн населения, ед.	
	РФ	ДФО		РФ	ДФО
2010	864	15	1,7	6,1	2,4
2012	1323	27	2,0	9,3	4,4
2014	1409	37	2,6	9,8	6,0
2016	1534	30	2,0	10,5	4,8
2018	1565	42	2,7	10,7	6,8
2020	1989	68	3,4	13,6	8,3
2021	2186	40	1,8	14,9	5,1
2021 к 2010, %	253,0	266,7	105,4	244,6	212,7

Рассчитано авторами по данным Росстата [30].

Данные табл. 7 указывают на то, что количество разработанных передовых технологий в РФ неуклонно росло и в 2021 г составило 2186 ед. (прирост 153% к 2010 г.). В ДФО количество разработанных технологий менялось циклично, то значительно увеличиваясь (на 26 ед. с 2018 по 2020 г.), то снижаясь (на 28 ед. в 2021 г.), но общий прирост за 2010–2021 гг. составил 166,7%. Доля ДФО в разработанных передовых технологиях – одна из самых низких в стране (в 2021 г. – 1,8%), что обусловлено относительно небольшой численностью научно-исследовательских институтов и коммерческих предприятий, осуществляющих НИР.

Количество разработанных технологий на 1 млн населения в России увеличилось с 6,1 ед. в 2010 г. до 14,9 ед. в 2021 г. (прирост – 144,6%), однако это в несколько раз ниже, чем в странах с развитыми инновационными системами. Значение этого же показателя в ДФО в 2021 г. составило 5,1 ед., что в 3 раза ниже, чем по России (прирост за 2010–2021 гг. – 112,7%). Данная ситуация говорит о низком уровне инновационной активности региона.

К прямой результативности НИД относится также научно-публикационная активность региона. В ДФО она в 2 раза выше, чем в среднем по РФ. На одного исследователя приходится 1,1 публикации, в то время как в среднем по РФ – 0,6 публика-

ций. За последние 5 лет публикационная активность ДФО в Scopus [33] и Web of Science [34] выросла на 79% и 39% соответственно. Такое увеличение научно-публикационной активности на Дальнем Востоке говорит о значительном научном потенциале региона.

Сравнительный анализ федеральных округов по показателям инновационного развития в 2021 г. (табл. 8) свидетельствует, что в 2021 г. по основным показателям инновационного развития ДФО занимал предпоследнее место в России, что говорит о низком уровне потребительского спроса и спроса со стороны компаний на инновационные товары и технологии в регионе. Это указывает на неразвитость научно-технического и инновационного потенциала региона.

Таблица / Table 8

**Сравнительный анализ федеральных округов по показателям
инновационного развития в 2021 г.**

Comparative analysis of Federal Districts by indicators
of innovative development in 2021

Регион	Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных в РФ, на 10 тыс. населения)	Удельный вес инновационных товаров, работ услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	Разработанные передовые производственные технологии на 1 млн населения, ед.	Используемые передовые производственные технологии на 1 тыс. населения, ед.
РФ	1,95	11,9	15,2	1,8
ЦФО	3,14	12,6	19,7	1,8
СЗФО	2,38	11,0	28,1	1,9
ЮФО	1,17	11,9	8,2	0,8
СКФО	0,53	4,6	7,1	0,3
ПФО	1,80	16,7	11,6	2,6
УФО	1,42	11,1	25,6	2,7
СФО	1,58	9,3	6,6	1,4
ДФО	0,75	7,7	5,1	1,2

Рассчитано авторами по данным Росстата [30] и ФИПС [35].

Таким образом, НИД является фундаментальным фактором инновационного развития РФ и ее регионов. Анализ показателей, характеризующих состояние и роль НИД в инновационном развитии Дальнего Востока, свидетельствует о ее существенном отставании от среднероссийских значений и низком уровне развития. Это выражается в значениях большинства показателей, таких как количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, количество персонала в исследованиях и разработках на 1 млн населения, равномерность распределения исследователей по регионам ДФО, внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения и их распределение по регионам ДФО. По итогам 2021 г. вклад ДФО

по важнейшим показателям инновационного развития федеральных округов РФ является достаточно малым, что свидетельствует о несущественной роли региона в инновационном развитии страны. В связи с этим можно говорить о недоиспользовании и неразвитости научно-технического и инновационного потенциала региона.

Слабыми сторонами НИД ДФО являются: утечка исследователей (в том числе исследователей с ученой степенью), что говорит о недостаточных стимулах для научной деятельности в регионе; низкая доля предпринимательского сектора во внутренних затратах на НИР в ДФО, что указывает на отсутствие спроса на инновации со стороны фирм и слабой инновационной активностью организаций. Вместе с тем инновационное развитие региона и состояние НИД в ДФО имеют высокий потенциал к росту, который базируется на ее сильных сторонах, значения показателей которых превышают средние значения по России. Это количество организаций, осуществляющих НИР на 1 млн населения; высокий образовательный потенциал; доля исследователей с ученой степенью, которая в 2 раза выше, чем по РФ, и значительно выше, чем в большинстве округов, что говорит о сильной концентрации кадров с высокой квалификацией в регионе; доля государственного финансирования НИР во внутренних затратах; доля затрат, направляемых на фундаментальные исследования, значения которых являются самыми высокими в стране; уровень публикационной активности в международных журналах, что говорит о высоком качестве проводимых исследований в области фундаментальных наук.

Особенностью инновационного развития Дальнего Востока является то, что в его составе формируются инновационные региональные центры, результативность которых по отдельным показателям является очень успешной в России. **Хабаровский край**, который по уровню образовательного потенциала населения находится на первом месте, по уровню социально-экономических условий инновационной деятельности – на седьмом месте, а также является одним из лидеров в России по группе индикаторов результативности инновационной деятельности; второе место край занимает по доле инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (21,4%); третье место – по доле новой для рынка инновационной продукции (4,6%) и четвертое место – по доле организаций, сокративших материальные и энергозатраты в результате инноваций (15,8%). **Приморский край** занимает второе место по уровню экспортной активности в России, складывающейся из позиции региона на глобальных рынках и их вовлеченности в международный интеллектуальный обмен, включая зарубежное патентование, трансфер технологий и обучение иностранных студентов. Это Сахалинская область, которая по уровню интенсивности затрат на технологические инновации находится на втором месте по России [30]. Таким образом, данные регионы являются точками инновационного роста ДФО, планомерное развитие НИД которых позволит реализовать высокий инновационный потенциал Дальнего Востока.

Список источников

1. Балашова М.А., Попова Ю.С. Инновационное развитие российской экономики: самостоятельный путь или кооперирование // *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9, № 3. С. 9.
2. Бокачев И.Н. Процесс формирования концепции национальной инновационной системы: ключевые проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2020. Т. 28, № 1. С. 98–109.
3. Силакова Л.В., Григорьев Е.А. Анализ инновационного развития России: состояние, проблемы, перспективы // *Научный журнал НИУ ИТМО*. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 2. С. 86–96.
4. Вихорев В.Г., Девятова Н.С., Вихорева М.В. Барьеры на пути развития инноваций в России // *Baikal Research Journal*. 2012. № 1. С. 31.
5. Кузьмина Е.Ю., Соклакова И.В., Сурат И.Л. Инновационное развитие как фактор конкурентоспособности национальной экономики // *Вестник университета*. 2020. № 2. С. 63–67.
6. Самаруха А.В., Дулесов А.Н., Краснов Г.И. Эффективность инновационных процессов в ходе трансформации региональной экономики // *Известия Байкальского государственного университета*. 2009. № 2. С. 48–53.
7. Соколова А.А. Анализ научно-исследовательской деятельности в России: проблемы и перспективы // *Вестник евразийской науки*. 2016. Т. 8, № 2 (33). С. 72.
8. Каблов Е.Н., Онищенко Г.Г., Иванов В.В. Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения // *Инновации*. 2020. № 6. С. 3–6.
9. Ефременко В.Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // *ЭКО*. 2019. № 2 (536). С. 56–73.
10. Латкин А.П., Харченкова Е.В. Инновационный подход к оценке эффективности функционирования территорий особого экономического статуса на Дальнем Востоке // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 381–384.
11. Сиденко А.Д. Анализ инновационно-экономического развития Дальнего Востока и перспективы его развития // *Финансовая экономика*. 2019. № 10. С. 505–507.
12. Пугачёв И.Н., Куликов Ю.И. Инновационные аспекты развития Дальнего Востока // *Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока*. Хабаровск, 2020. С. 145.
13. Петрук Г.В. Публикационная активность университетов Дальнего Востока России как фактор интеграции в международное научное пространство // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2017. № 3 (38). С. 179–190.

14. Красова Е.В. Научно-исследовательская инфраструктура Дальневосточного федерального округа в контексте инновационного развития региона: тенденции и проблемы формирования // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 3. С. 56–68.
15. Национальные инновационные системы в России и ЕС / под ред. В.В. Иванова [и др.]. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. 280 с.
16. Инновационный менеджмент: учеб. пособие / под ред. В.М. Аньшина, А.А. Дагаева. М.: Дело, 2003. 528 с.
17. Элементы национальной и региональной инновационных систем. URL: <https://cyberpedia.su/4x40e1.html?ysclid=lfwuv8gycp902656650>
18. Бельский А.А. Элементы и институты национальной инновационной системы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 28–31.
19. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/
20. ГК РФ Статья 769. Договоры на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/0ee419ba85ccba3a856846751c1e208007aa9b05/
21. European innovation scoreboard // European Commission. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en
22. Global Competitiveness Index. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/>
23. Bloomberg Innovation Index. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>
24. Global Innovation Index. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/
25. НАИРИТ определил регионы-инноваторы. URL: <https://www.connect-wit.ru/nairit-opredelil-regiony-innovatory.html>
26. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>
27. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в РФ // НТП.РФ. URL: <https://ntp.pf/events/doklad-o-realizatsii-gosudarstvennoy-nauchno-tekh-nicheskoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii-i-vazhne/?ysclid=li3l5fafuc543428403>
28. Вандышева Е.С. Эконометрический анализ факторов инновационной активности регионов России // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 3. С. 20–26.

29. Гусарова М.С. Проблемы инновационного развития России: анализ факторов и институциональные решения // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 4. С. 1383–1402.
30. Наука, инновации, технологии // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>
31. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>
32. Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации // НТИ РФ. URL: <https://ckp-rf.ru>
33. Scopus. URL: <https://www.scopus.com/sources>
34. Core Collection // Web of Science. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/ba-sic-search>
35. Коэффициент изобретательной активности // Федеральный Институт промышленной собственности. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichest-vo-s-regionami-rossii/>

References

1. Balakhova M.A., Popov A.S. Innovatsionnoe razvitie rossiiskoi ekono-miki: samostoyatel'nyi put' ili kooperirovanie [Innovative development of the Russian economy: an independent path or cooperation]. *Baikal Scientific Journal*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 9.
2. Bokachev I.N. Protsess formirovaniya kontseptsii natsional'noi innovatsionnoi sistemy: klyuchevye problemy [The process of formation of the concept of the national innovation system: key problems]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 98–109.
3. Silakova L.V., Grigoriev E.A. Analiz innovatsionnogo razvitiya Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy [Analysis of innovative development of Russia: status, problems, prospects]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2021, no. 2, pp. 86–96.
4. Vigorov V.G., Devyatova N.S., Vigoreva M.V. Bar'ery na puti razvitiya inno-vatsii v Rossii [Barriers to the development of innovations in Russia]. *Baikal Scientific Journal*, 2012, no. 1, pp. 31.
5. Kuzmina E.Yu., Soklakova I.V., Surat I. L. Innovatsionnoe razvitie kak faktor konkurentosposobnosti natsional'noi ekonomiki [Innovative development as a factor of competitiveness of the national economy]. *Vestnik universiteta*, 2020, no. 2, pp. 63–67.
6. Samarukha A.V., Dulesov A.N., Krasnov G.I. Effektivnost' innovatsionnykh protsessov v khode transformatsii regional'noi ekonomiki [Efficiency of innovation processes during the transformation of the regional economy]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 2, pp. 48–53.

7. Sokolova A.A. Analiz nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti v Rossii: problemy i perspektivy [Analysis of research activities in Russia: problems and prospects]. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 2016, vol. 8, no. 2 (33), pp. 72.
8. Kablov E.N., Onishchenko G.G., Ivanov V.V. Nauchno-tehnologicheskoe razvitie Rossii v kontekste dostizheniya natsional'nykh tselei: problemy i resheniya [Scientific and technological development of Russia in the context of achieving national goals: problems and solutions]. *Innovatsii*, 2020, no. 6, pp. 3–6.
9. Efremenko V.F. Regional'naya innovatsionnaya sistema kak instrument operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii [Regional innovation system as an instrument of advanced socio-economic development of the Russian Far East]. *ECO*, 2019, no. 2 (536), pp. 56–73.
10. Latkin A.P., Kharchenkova E.V. Innovatsionnyi podkhod k otsenke effektivnosti funktsionirovaniya territorii osobogo ekonomicheskogo statusa na Dal'nem Vostoke [An innovative approach to assessing the effectiveness of the functioning of territories of special economic status in the Far East]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 381–384.
11. Sidenko A.D. Analiz innovatsionno-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i perspektivy ego razvitiya [Analysis of innovation and economic development of the Far East and prospects for its development]. *Finansovaya ekonomika*, 2019, no. 10, pp. 505–507.
12. Pugachev I.N., Kulikov Yu.I. Innovatsionnye aspekty razvitiya Dal'nego Vostoka [Innovative aspects of the development of the Far East]. In: *Novaya aziatskaya politika i razvitie Dal'nego Vostoka*. Khabarovsk, 2020, pp. 145.
13. Petruk G.V. Publikatsionnaya aktivnost' universitetov Dal'nego Vostoka Rossii kak faktor integratsii v mezhdunarodnoe nauchnoe prostranstvo [Publication activity of universities of the Russian Far East as a factor of integration into the international scientific space]. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2017, no. 3 (38), pp. 179–190.
14. Krasova E.V. Nauchno-issledovatel'skaya infrastruktura Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga v kontekste innovatsionnogo razvitiya regiona: tendentsii i problemy formirovaniya [Research infrastructure of the Far-East Federal District in the context of innovative development of the region: trends and problems of formation]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 56–68.
15. Ivanov V.V. et al. (eds.). National innovation systems in Russia and the EU. Moscow: TSIPRAN RAS, 2006. 280 p. (In Russ.).
16. Anshin V.M., Dagaeva A.A. (ed.). Innovative management: textbook. Moscow: Delo, 2003. 528 p. (In Russ.).
17. Elements of national and regional innovation systems. URL: <https://cyberpedia.su/4x40e1.html?ysclid=lfwuv8gycp902656650> (In Russ.).

18. Belsky A.A. Elementy i instituty natsional'noi innovatsionnoi sistemy [Elements and institutes of the national innovation system]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2013, no. 5, pp. 28–31.

19. Federal Law "On Science and State Scientific and Technical Policy" dated 23.08.1996 N 127-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (In Russ.).

20. The Civil Code of the Russian Federation Article 769. Contracts for the performance of research, development and technological works. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/0ee419ba85ccba3a8568-46751c1e20-8007aa9b05/ (In Russ.).

21. European innovation scoreboard. *European Commission*. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en (In Russ.).

22. Global Competitiveness Index. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (In Russ.).

23. Bloomberg Innovation Index. URL: <https://www.bloomberg.-com/graphics/2015-innovative-countries/> (In Russ.).

24. Global Innovation Index. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (In Russ.).

25. NAIRIT has identified the innovator regions. URL: <https://www.-connect-wit.ru/nairit-opredelil-regiony-innovatory.html> (In Russ.).

26. Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. *Higher School of Economics*. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (In Russ.).

27. Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation. URL: <https://http.pf/events/doklad-o-realizatsii-gosudarstvennoy-nauchno-tekhnicheskoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii-i-vazhne/?ysclid=li3l5fafuc543428403> (In Russ.).

28. Vandysheva E.S. Ekonometricheskii analiz faktorov innovatsionnoi aktivnosti regionov Rossii [Econometric analysis of factors of innovation activity in Russian regions]. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, 2017, no. 3, pp. 20–26.

29. Gusarova M.S. Problemy innovatsionnogo razvitiya Rossii: analiz faktorov i institutsional'nye resheniya [Problems of innovative development of Russia: analysis of factors and institutional solutions]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 1383–1402.

30. Science, innovation, technology. *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (In Russ.).

31. Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. *Higher School of Economics*. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (In Russ.).

32. Scientific and technological infrastructure of the Russian Federation. URL: <https://ckp-rf.ru> (In Russ.).
33. Scopus. URL: <https://www.scopus.com/sources>
34. Core Collection. *Web of Science*. URL: <https://www.webofscience.com/wos/-woscc/basic-search>
35. Coefficient of inventive activity. *Federal Institute of Industrial Property*. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/> (In Russ.).

Информация об авторах

И.Б. Королёва – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Институт народного хозяйства, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

П.В. Леонтьев – магистрант, кафедра экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Э.Р. Зигангирова – магистрант, кафедра экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the authors

I.B. Koroleva – Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Institute of National Economy, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

P.V. Leontiev – Master's Degree Student, Department of Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E.R. Zigangirova – Master's Degree Student, Department of Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 58–71.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 58–71.

Научная статья

УДК 331.556.2

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/58-71>

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Олег Юрьевич Гадецкий

Камчатский государственный технический университет,
г. Петропавловск-Камчатский, Россия, GTS_work@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0464-8387>

Аннотация. В условиях активного развития экономики Камчатского края планируется создание большого количества новых рабочих мест. Однако вместе с тем обозначился острый недостаток компетентных специалистов на рынке труда региона. Во многом появление проблемы связано с оттоком молодого населения, определившим проявление кадрового голода в организациях Камчатского края. В работе рассматривается взаимосвязь идентификации молодежи с городской средой и их карьерных предпочтений, которая влияет на желание миграции.

Ключевые слова: городская среда, молодежь, стратегия развития региона, статистика, карьера, профессиональная ориентация, рынок труда, кадры

Для цитирования: Гадецкий О.Ю. Взаимосвязь идентификации среды жизнедеятельности и карьерных ориентаций на примере молодежи Камчатского края // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 58–71.

Original article

RELATIONSHIP BETWEEN IDENTIFICATION OF LIFE ENVIRONMENT AND CAREER ORIENTATIONS ON THE EXAMPLE OF YOUTH OF THE KAMCHATKA TERRITORY

Oleg Yu. Gadetsky

Kamchatka State Technical University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia,
GTS_work@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-8387>

Abstract. In the conditions of active economic development of the Kamchatka Territory, it is planned to create a large number of new jobs, however, at the same time, there is an acute shortage of competent specialists in the labor market of the region. In many ways, the emergence of the problem is due to the outflow of the young population, which contributes to the manifestation of personnel hunger in the organizations of the Kamchatka Territory. The paper examines the relationship between the identification of young people with the urban environment and their career preferences, which affects the desire for migration.

Keywords: urban environment, youth, regional development strategy, statistics, career, professional orientation, labor market, personnel

For citation: Gadetsky O.Yu. Relationship between identification of life environment and career orientations on the example of youth of the Kamchatka territory. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 58–71. (In Russ.)

Современный рынок труда Камчатского края характеризуется нехваткой кадров в особо важных отраслях экономики. Об этом свидетельствует низкая концентрация заполненных резюме на сайтах подбора работы [1] и обстановка на предприятиях и в организациях. В числе требующихся наиболее остро ощущается нехватка кадров в таких отраслях, как медицина и фармацевтика, строительство, банковская сфера, рабочий персонал, инсталляция и сервис [2]. Нехватка кадров на предприятиях замедляет темпы экономического роста региона и несет серьезную угрозу для реализации и будущего функционирования крупных проектов, которые планируется осуществить на территории Камчатского края.

Нехватка специалистов на рынке труда края обусловлена отсутствием возможности подготовить кадры нужной специальности в регионе, например, отсутствие высшего учебного заведения медицинского профиля или недостаток внимания банковскому делу в программах образования экономистов. Также особого внимания требует желание молодого населения уехать в инфраструктурно более развитые

регионы страны с целью получить образование высокого качества или реализовать потребности в недоступных в крае мероприятиях, развлечениях, образе жизни.

И если невозможность подготовить кадры соответствующего уровня и профиля в регионе – проблема объективная и предполагает конкретный алгоритм решения (обучение студентов за счет государства с условием возврата студентов или введение дополнительных часов для предметов, профиль которых особенно актуален на рынке труда), то проблема самореализации неоднозначна: неудовлетворенность качеством жизни в регионе может иметь и иррациональные предпосылки, основываться на субъективном восприятии населением уровня развития региона. Например, сформировавшееся у родителей желание с выходом на пенсию уехать из Камчатского края ориентирует их на «временную жизнь», не инвестировать в регион материальные и ментальные средства и силы, что обеспечивает соответствующий паттерн поведения у молодежи.

В целях изучения профессиональных интересов и ориентации молодежи Камчатского края был проведен опрос, в котором приняли участие 160 человек в возрасте от 18 до 28 лет. В исследовании применялась методика «Якоря карьеры».

«Якоря карьеры» – это ценностные ориентации, социальные установки, интересы и тому подобные социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определённого человека. Карьерные ориентации возникают в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время. При этом очень часто человек реализует свои карьерные ориентации неосознанно. Опрос позволил выявить следующие карьерные ориентации: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, предпринимательство [3].

Таблица / Table 1

Результаты методики «Якоря карьеры»
Results of the «Career Anchors» methodology

Карьерные ориентации	Среднее значение	Стандартное отклонение
Профессиональная компетентность	5,11	1,88
Менеджмент	6,17	2,10
Автономия (независимость)	6,94	1,93
Стабильность работы	7,84	1,95
Стабильность места жительства	4,94	2,67
Служение	7,05	1,88
Предпринимательство	6,22	2,27

Результаты опроса позволяют определить наиболее актуальные к развитию отрасли образования, а при их наличии в регионе – сделать вывод об иррациональности поведения молодежи в вопросе миграции из Камчатского края. В этом слу-

чае предполагается разработка комплекса решений проблемы с учетом неизвестных переменных, влияющих на миграционное настроение.

По результатам проведенного по методике «Якоря карьеры» исследования были получены следующие результаты (табл. 1).

Максимальный балл в каждой шкале – 10, минимальный балл – 1. Баллы получены путем оценки ответов респондентов на вопросы опросника и их последующего перевода в количественные значения для удобства интерпретации.

Для визуального сопоставления результатов данные таблицы 1 представлены ниже на графике (рис. 1). Так, средние значения по карьерным ориентациям показывают, что в большей степени респонденты предпочитают стабильность в работе. Эти люди испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Они отождествляют свою работу со своей карьерой. Их потребность в безопасности и стабильности ограничивает выбор вариантов карьеры. Авантюрные или краткосрочные проекты и только становящиеся на ноги компании их, скорее всего, не привлекают. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке. Такие люди ответственность за управление своей карьерой перекладывают на нанимателя. Часто данная ценностная ориентация сочетается с невысоким уровнем притязаний.

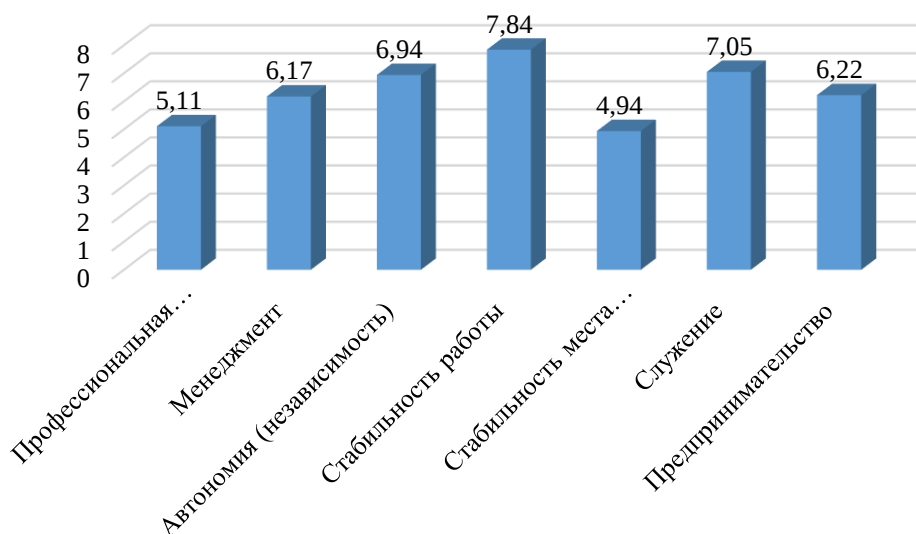

Рис. 1. Средние значения результатов методики «Якоря карьеры» по карьерным ориентациям

Fig. 1. Average values of the results of the «Career Anchors» methodology by career orientations

Наименьшие результаты получены в карьерной ориентации, связанной со стабильностью места жительства. Важнее остаться на одном месте жительства, чем получить повышение или новую работу на новой местности. Переезд для таких людей неприемлем, и даже частые командировки являются для них негативным фактором при рассмотрении предложения о работе.

Таким образом, можно сопоставить результаты и сделать вывод о том, что в большей степени людей беспокоит нестабильность и неустойчивость их жизни, они готовы переехать в другой регион для получения другой работы.

«Якоря карьеры» являются частью исследования восприятия молодежью среды, в которой они живут. Раннее был проведен ряд исследований [4], направленных на изучение особенностей ценностных ориентаций молодежи на основе методики СОРБЦ и возможности их реализации – по методике СИБЦ С.А. Богомаза [5].

Рассмотрим взаимосвязь индексов СИБЦ и СОРБЦ с карьерными ориентациями с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 2).

Таблица / Table 2

**Матрица непараметрических корреляций Спирмена с переменными
в виде индексов СИБЦ, СОРБЦ и карьерных ориентаций**

Spearman's matrix of nonparametric correlations with variables in the form of SIBC,
SORBC and career orientations indices

		Слу- жение	Пред- прини- матель- ство	Проф. компл-сть	Стабиль- ность жизни	Стабиль- ность работы	Незави- симость	Менедж- мент
СИБЦ	Коэффициент корреляции	0,527	0,478	0,264	-0,090	0,185	0,359	0,519
	Значимость	0,000	0,000	0,004	0,331	0,044	0,000	0,000
	N	120	120	120	120	120	120	120
СОРБЦ	Коэффициент корреляции	0,239	0,262	0,077	-0,088	0,004	0,149	0,222
	Значимость	0,009	0,004	0,400	0,336	0,970	0,104	0,015
	N	160	160	160	160	160	160	160

Результаты корреляции эмпирически значимы при $p < 0.05$. Так, можно увидеть, что существует явная связь между оценкой среды жизнедеятельности респондентами и всеми карьерными ориентациями, кроме «Стабильность жизни». Это говорит о том, что результаты методики СИБЦ не взаимосвязаны с результатами раздела

«Стабильность жизни». Следовательно, можем сделать вывод о том, что реализация значимых для молодежи ценностей непосредственно связана со сменой места жительства.

Результаты методики СОРБЦ не связаны и с карьерными ориентациями: «Профессиональная компетентность», «Независимость», «Стабильность жизни». Из этого следует, что представление молодежи о возможности реализации значимых ценностей в их среде жизнедеятельности не связано с указанными выше карьерными ориентациями.

Профессиональная компетентность коррелирует с наличием способностей и талантов в определенной области. Люди с такой ориентацией хотят быть мастерами своего дела, они бывают особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать их способности. Вряд ли их заинтересует даже значительно более высокая должность, если она не связана с их профессиональными компетенциями. Они ищут признания своих талантов, что должно выражаться в статусе, соответствующем их мастерству. Они готовы управлять другими в пределах своей компетенции, но управление не представляет для них особого интереса. Поэтому многие из этой категории отвергают работу руководителя, управление рассматривают как необходимое условие для продвижения в своей профессиональной сфере [10].

Независимость – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. Люди с такой карьерной ориентацией испытывают трудности, связанные с установленными правилами, процедурами, рабочим днем, дисциплиной, формой одежды и т.д. Они любят выполнять работу своим способом, темпом и по собственным стандартам; не любят, когда работа вмешивается в их частную жизнь, поэтому предпочитают делать независимую карьеру собственным путем. Они скорее выберут низкосортную работу, чем откажутся от автономии и независимости. Для них первоочередная задача развития карьеры – получить возможность работать самостоятельно, самому решать, как, когда и что делать для достижения тех или иных целей. Карьера для них – это прежде всего способ реализации их свободы, поэтому любые рамки и строгое подчинение оттолкнут их даже от внешне привлекательной вакансии. Такой человек может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы.

Вместе с тем взаимосвязь индексов СОРБЦ и СИБЦ отмечена в карьерных ориентациях «Менеджмент», «Служение», «Предпринимательство».

Для респондентов с карьерной ориентацией «Менеджмент» первостепенное значение имеют ориентация личности на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за конечный результат и соединение различных функций организации. С возрастом и опытом эта карьерная ориентация проявляется сильнее. Возможности для лидерства, высокого дохода, повышенных уровней ответственности и

вклад в успех своей организации являются ключевыми ценностями и мотивами. Самое главное для них – управление людьми, проектами, любыми бизнес-процессами. Центральное понятие их профессионального развития – власть, осознание того, что от них зависит принятие ключевых решений. Причем для них не является принципиальным управление собственным проектом или целым бизнесом, скорее наоборот: они в большей степени ориентированы на построение карьеры в наемном менеджменте, но при условии, что им будут делегированы значительные полномочия. Человек с такой ориентацией будет считать, что не достиг цели своей карьеры, пока не займет должность, на которой будет управлять различными сторонами деятельности предприятия.

«Служение» – данная ценностная ориентация характерна для людей, занимающихся делом из-за желания реализовать в своей работе главные ценности. Они часто ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности. Они стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры – получить возможность максимально эффективно использовать свои таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Люди, ориентированные на служение, общительны и часто консервативны. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям.

«Предпринимательство» – этим людям нравится создавать новые организации, товары или услуги, которые могут быть отождествлены с их усилиями. Работать на других – это не для них, они по духу предприниматели, и цель их карьеры – создать что-то новое, организовать свое дело, воплотить в жизнь идею, всецело принадлежащую только им. Вершина карьеры в их понимании – собственный бизнес.

Как итог, молодежь видит возможность реализации значимых для себя ценностей в работах, связанных с управлением кадрами и организацией, в предпринимательстве и работе – в реализации общественно важной цели, однако связывает карьерные ориентации со сменой места жительства.

Кроме того, половой признак является отличительной характеристикой в выборе карьерных ориентаций «Менеджмент» и «Предпринимательство». Это видно по результатам расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 3).

Значимость эмпирических показателей меньше 0,05 в шкалах «Менеджмент» и «Предпринимательство», где их значения равны 0,021 и 0,044 соответственно. Это говорит о том, что выбор ответа в вопросах, соответствующих данным карьерным ориентациям, связан с полом респондента (рис. 2, табл. 4).

Из табл. 4 и рис. 2 видно, что результаты методики по двум карьерным ориентациям «Менеджмент» и «Предпринимательство» значительно выше у мужчин, чем у женщин. Респонденты мужского пола в большей степени рассматривают возможность

создания карьеры в данных направлениях и оценивают среду жизнедеятельности исходя из ее предлагаемых возможностей в указанных сферах деятельности. При этом стандартное отклонение примерно одинаковое и равно 2 единицам, следовательно, выбор варианта ответа вызывает похожие сомнения у мужчин и девушек-респондентов.

Таблица / Table 3

**Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена
по половому признаку и результатам методики «Якоря карьеры»**
The values of Spearman's rank correlation coefficient by gender
and the results of the «Career Anchors» methodology

	Менедж-мент	Независи-мость	Стабиль-ность ра-боты	Стабиль-ность места жительства	Служение	Предпри-ниматель-ство
Коэффициент корреляции	0,210	0,085	-0,046	0,084	0,047	0,184
Значимость (двусторонняя)	0,021	0,354	0,617	0,360	0,611	0,044
N	160	160	160	160	160	160

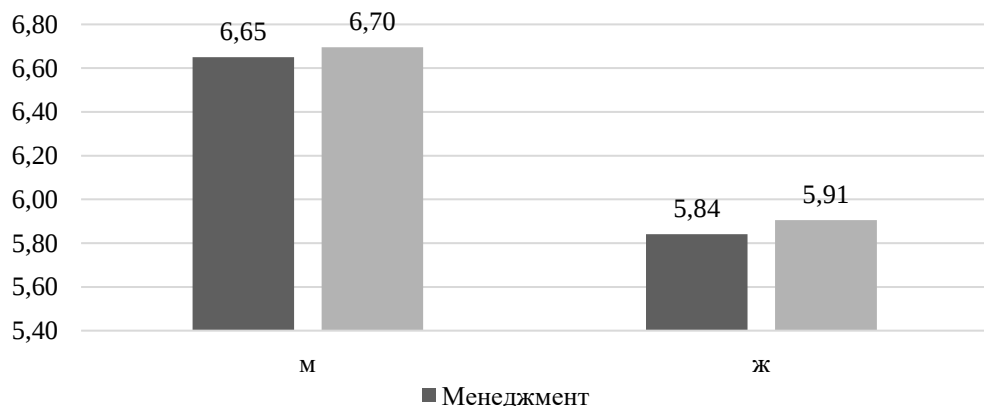

Рис. 2. Средние значения и стандартное отклонение результатов шкал «Менеджмент» и «Предпринимательство» у мужчин и женщин

Fig. 2. Average values and standard deviation of the results of the scales «Management» and «Entrepreneurship» for men and women

Если какая-либо карьерная ориентация преобладает, тогда карьера является одной из ведущих ценностей респондента. Индикатором оценки послужила разница между максимальными и минимальными значениями в шкалах, если оно превышало 5 единиц: значит респондент рассматривает карьеру как одну из ведущих ценностей. Взаимосвязь высокой оценки карьеры респондентом и различных карьерных ориентаций удалось оценить с помощью критерия согласия Пирсона или критерия согласия Хи-квадрат (см. табл. 5).

Таблица / Table 4

Средние значения и стандартное отклонение результатов шкал «Менеджмент» и «Предпринимательство» у мужчин и женщин

Average values and standard deviation of the results of the scales «Management» and «Entrepreneurship» for men and women

Пол	Менеджмент		Предпринимательство	
	Ср. знач.	Ст. отклон.	Ср. знач.	Ст. отклон.
Мужской	6,65	2,19	6,70	2,33
Женский	5,84	2,05	5,91	2,10

Таблица / Table 5

Корреляция наличия ведущей карьерной ориентации и шкал методики «Якоря карьеры»

Correlation of the presence of a leading career orientation and the scale of the «Career Anchor» methodology

	Предпри- ниматель- ство	Проф. компе- тентность	Стабиль- ность места жительства	Стабиль- ность работы	Служе- ние	Независи- мость	Менедж- мент
Корреля- ция Пирсона	-0,190	-0,332	-0,407	0,086	-0,004	-0,062	-0,134
Значи- мость (двусто- ронняя)	0,038	0,000	0,000	0,353	0,962	0,499	0,143
N	160	160	160	160	160	160	160

Таблица / Table 6

Средние значения коррелирующих карьерных ориентаций у респондентов с карьерной направленностью и без нее

Average values of correlating career orientations among respondents with and without a career orientation

Карьера как ведущая ценность	Среднее значение		
	Профессиональная компетентность	Стабильность места жительства	Предпринимательство
Да	4,51	3,89	5,81
Нет	5,75	6,06	6,67

Значимость эмпирического значения критерия меньше 0,05 в столбцах «Предпринимательство» (0,038), «Профессиональная компетентность» (<0,0001) и «Стабильность места жительства» (<0,0001). Следовательно, между направленностью на

карьеру как на ведущую ценность в жизни респондента и указанные карьерные ориентации существует корреляция. Рассмотрим средние значения карьерных ориентаций в зависимости от весомости карьеры в жизни респондента (табл. 6).

На графике видно, что респонденты у которых карьера является одной из ведущих ценностей в жизни, имеют более низкие результаты в методике «Якоря карьеры» по карьерным ориентациям «Предпринимательство», «Профессиональная компетентность» и «Стабильность места жительства» (рис. 3). Это говорит о том, что человек, активно заинтересованный в построении успешной карьеры, избегает указанных сфер деятельности, не планирует построения карьеры в настоящей среде жизнедеятельности и связывает успех на работе со сменой места жительства, что подтверждает матрица результатов критерия согласия Пирсона (табл. 7).

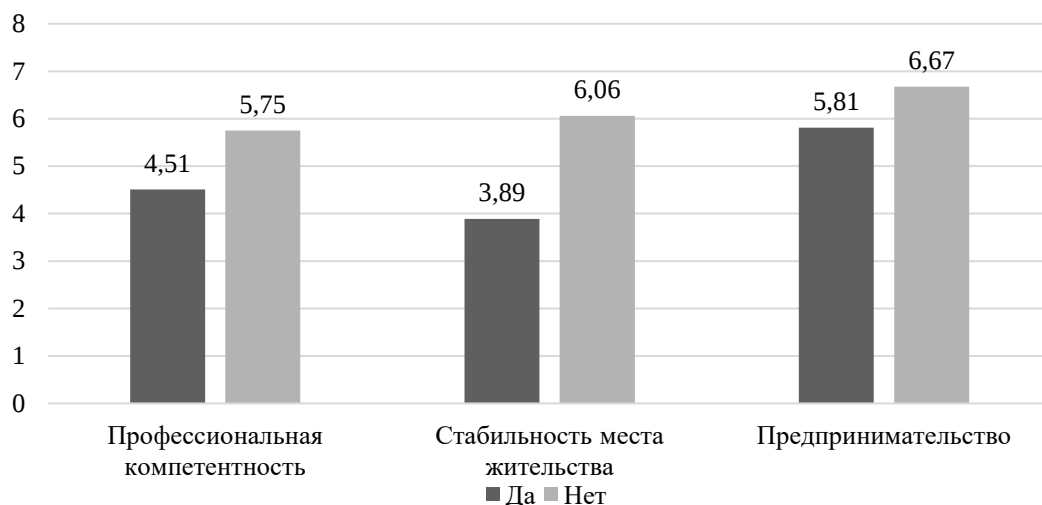

Рис. 3. Сравнение средних значений коррелирующих карьерных ориентаций у респондентов с карьерной направленностью и без нее

Fig. 3. Comparison of the average values of correlating career orientations among respondents with and without a career orientation

В переменной «Предпринимательство» эмпирическое значение критерия Пирсона не является значимым по отношению к шкалам «Стабильность работы» ($p=0,399$) и «Стабильность места жительства» ($p=0,826$). Следовательно, ответы респондентов в данных шкалах не взаимосвязаны. Однако важно отметить, что с другими шкалами методики значимость эмпирического значения критерия меньше 0,05, и тогда можно говорить о наличии корреляции между результатами методики по данным шкалам. Респонденты, планирующие создание индивидуальной предпринимательской деятельности, воспринимают данный вид деятельности как нестабильный и небезопасный. Во многом это кажется логичным, так как ведение предпринимательской деятельности подразумевает риск.

Взаимосвязь карьерных ориентаций по критерию согласия Пирсона
 The relationship of career orientations according to the Pearson consent criterion

		Менедж- мент	Незави- симость	Стабиль- ность работы	Стабиль- ность места жительства	Служе- ние	Предпри- ниматель- ство
Менедж- мент	Корреля- ция Пирсона	1	0,400	-0,026	-0,009	0,372	0,627
	Значи- мость		0,000	0,782	0,925	0,000	0,000
Независи- мость	Корреля- ция Пирсона	0,400	1	-0,035	0,132	0,358	0,497
	Значи- мость	0,000		0,701	0,152	0,000	0,000
Стабиль- ность работы	Корреля- ция Пирсона	-0,026	-0,035	1	0,258	0,347	-0,078
	Значи- мость	0,782	0,701		0,004	0,000	0,399
Стабиль- ность места жительства	Корреля- ция Пирсона	-0,009	0,132	0,258	1	0,059	0,020
	Значи- мость	0,925	0,152	0,004		0,520	0,826
Служение	Корреля- ция Пирсона	0,372	0,358	0,347	0,059	1	0,529
	Значи- мость	0,000	0,000	0,000	0,520		0,000
Предпри- ниматель- ство	Корреля- ция Пирсона	0,627	0,497	-0,078	0,020	0,529	1
	Значи- мость	0,000	0,000	0,399	0,826	0,000	

Помимо прочего, интерес вызывает высокая сопряженность шкалы «Стабильность места жительства» с образованием респондентов (табл. 8).

Из данных табл. 8 видна тесная связь эмпирического критерия со шкалой «Стабильность места жительства» ($p=0,045$), из чего следует, что существует корреляция между образованием респондента и отношением к месту жительства (рис. 4, табл. 9).

Таблица / Table 8

**Взаимосвязь уровня образования респондентов и их карьерных ориентаций
по критерию согласия Пирсона**

The relationship between respondents' education and their career orientations according
to the Pearson consent criterion

	Менедж- мент	Независи- мость	Стабиль- ность работы	Стабильность места жительства	Служение	Предпри- ниматель- ство
Корреляция Пирсона	0,090	-0,017	0,125	-0,184	0,104	0,006
Значимость	0,327	0,857	0,174	0,045	0,257	0,952
N	160	160	160	160	160	160

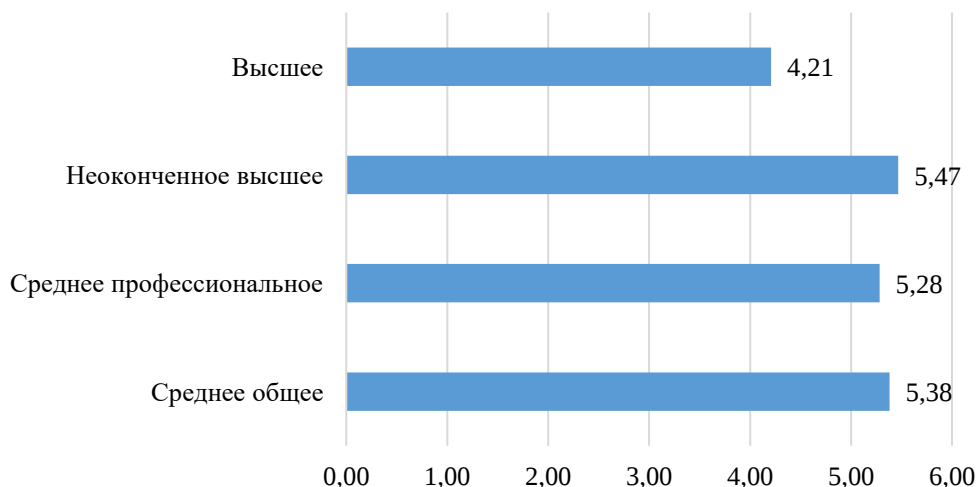

Рис. 4. Средние значения карьерной ориентации «Стабильность места жительства»
в зависимости от образования респондентов

Fig. 4. Average values of career orientation «Stability of residence» depending
on the education of respondents

Таблица / Table 9

**Средние значения карьерной ориентации «Стабильность места жительства»
в зависимости от образования респондентов**

Average values of career orientation «Stability of residence» depending
on the education of respondents

	Среднее значение			
Образование	Среднее общее	Среднее профессиональное	Неоконченное высшее	Высшее
Стабильность места жительства	5,38	5,28	5,47	4,21

Как видно из графика, у представителей с высшим образованием в выборке значений по карьерной ориентации «Стабильность места жительства» наименьшее. В таком случае можем сделать вывод о том, что взаимосвязь оправдана стабильно низкими значениями респондентов с высшим образованием. Представители других уровней образования имеют примерно равные средние значения в данной карьерной ориентации.

По данным методики «Якоря карьеры» респонденты предпочитают стабильную работу, обеспечивающую им устойчивое положение в жизни и обществе. Такая работа по большей мере должна гарантировать безопасность и быть легко прогнозируемой. В наименьшей степени респонденты предрасположены к работе со стабильным местом жительства, многие предпочли бы переехать на работу в другой регион. Благодаря применению коэффициента ранговой корреляции Спирмена удалось определить, что молодежь уверена в том, что сможет реализовать ценностные ориентации в своей жизни, только сменив место жительства. Конечно, такие взгляды негативно влияют на развитие экономики региона, так как оставляют уязвимым рынок труда и тормозят будущее развитие края.

Применение ранговой корреляции Спирмена показало наличие взаимосвязи полового признака и карьерных ориентаций «Менеджмент» и «Предпринимательство». Так, респонденты мужского пола чаще настроены на создание карьеры в данных отраслях деятельности.

Кроме того, респонденты, у которых в качестве одной из преобладающих ценностей в жизни является построение карьеры, меньше предрасположены к деятельности в области предпринимательства, в большей степени хотят сменить место жительства и не планируют работу в сфере профессиональной компетентности.

Также по критерию согласия Пирсона было установлено, что участники исследования не связывают построение карьеры в качестве предпринимателя со сменой места жительства, но и не считают такую работу надежной, рассчитанной на долгосрочную перспективу. По мнению молодежи, такая работа не ассоциируется с чувством безопасности и защиты, также ее нельзя уверенно спрогнозировать.

Предпринимательская деятельность действительно связана с постоянным риском, однако объективно Камчатский край является удачным регионом для создания собственного дела. Этому способствуют имеющиеся в регионе механизмы поддержки малого бизнеса, а также Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», которые обеспечивают комплексную поддержку предпринимателей. А значит, существует некое субъективное мнение, которое не обусловлено реальным положением вещей.

Список источников

1. Эксперты выяснили, каким сферам экономики Камчатки не хватает работников.
URL: <https://kam24.ru/news/main/20221222/94165.html>

2. Камчатке не хватает рабочих кадров. URL: <https://www.mk-kamchatka.ru/economics/2022/08/24/kamchatke-ne-khvataet-rabochikh-kadrov.html>
3. О методике «Якоря карьеры». URL: <http://testoteka.narod.ru/prof/1/10.html>
4. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102–112.
5. Гадецкий О.Ю., Кулакова Л.И. Факторы формирования миграционного настроения у молодежи Камчатского края // Chronos. 2020. № 7 (46). С. 76–81.

References

1. Experts have found out which areas of the Kamchatka economy lack worker. URL: <https://kam24.ru/news/main/20221222/94165.html> (In Russ.).
2. Kamchatka lacks working personnel. URL: <https://www.mk-kamchatka.ru/economics/2022/08/24/kamchatke-ne-khvataet-rabochikh-kadrov.html> (In Russ.).
3. About the method of "Career Anchors". URL: <http://testoteka.narod.ru/prof/1/10.html> (In Russ.).
4. Bogomaz S.A., Litvina S.A., Chetoshnikova E.V. Sub"ektivnaya otsenka gorodskoi sredy vuzovskoi molodezh'y Tomska i Barnaula [Subjective assessment of the urban environment by the university youth of Tomsk and Barnaul]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 2013, no. 49, pp. 102–112.
5. Gadetsky O.Y., Kulakova L.I. Faktory formirovaniya migratsionnogo nastroyeniya u molodezhi Kamchatskogo kraia [Factors of formation of migration mood among the youth of the Kamchatka Territory]. *Chronos*, 2020, no. 7 (46), pp. 76–81.

Информация об авторе

О.Ю. Гадецкий – аспирант Камчатского государственного технического университета, преподаватель кафедры «Экономика и управление» Дальневосточного филиала Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, Петропавловск-Камчатский, Россия.

Information about the author

O.Y. Gadetsky – Postgraduate student of the Kamchatka State Technical University, a teacher of the Department of Economics and Management of the Far Eastern Branch of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 72–81.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 72–81.

Научная статья

УДК 620.9-028.82(100)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/72-81>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПО ПРОИЗВОДСТВУ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ И ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Самира Магеррам Гусейнова

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, Samira97@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6532-0708>

Аннотация. Энергетика – одна из ключевых отраслей экономики, стратегически значимый сектор и фундамент экономики любого государства, важный фактор жизнеобеспечения и национального суверенитета страны. Эффективное и рациональное использование энергетических ресурсов важный показатель уровня развития страны, так как потребности в них возрастают с каждым годом. Целью энергетической политики государства является повышение эффективности энергетической инфраструктуры, ориентированной на возрастающие потребности экономики и человека, влияющей на качество жизни населения и рост производительности труда. Во многих развитых странах уже в течение нескольких лет наиболее популярные технологии ВИЭ обошли традиционные технологии по объемам ввода новых генерирующих мощностей. В странах ОЭСР на них приходится более половины суммарного ввода, что положительно влияет на энергобаланс стран.

Ключевые слова: энергетика, альтернативная энергетика, возобновляемая энергетика, зарубежный опыт, энергетическая инфраструктура, энергетический комплекс.

Для цитирования: Гусейнова С.М. Зарубежный опыт по производству и использованию альтернативной и возобновляемой энергетики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 72–81.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN THE PRODUCTION AND USE OF ALTERNATIVE AND RENEWABLE ENERGY

Samira Maharram Huseynova

Baku State University, Baku, Azerbaijan, samira@97mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6532-0708>

Abstract. Energy is one of the key sectors of the country's economy, a strategically important sector and the foundation of the economy of any state, an important factor in the life support and national sovereignty of the country. The efficient and rational use of energy resources is one of the indicators of the level of development of the country, as the demand for them is increasing every year. The goal of the country's energy policy is to increase the efficiency of the energy infrastructure, which is focused on the growing needs of the economy and people, which in turn affects the quality of life of the population and the growth of labor productivity. In many developed countries, for several years now, the most popular renewable energy technologies have surpassed traditional technologies in terms of the volume of commissioning of new generating capacities. In OECD countries, they account for more than half of the total input, which positively affects the energy balance of countries.

Keywords: energy, alternative energy, renewable energy, foreign experience, energy infrastructure, energy complex

For citation: Huseynova S.M. Foreign experience in the production and use of alternative and renewable energy. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 72–81. (In Russ.)

Введение

Важным фактором развития страны и одним из ключевых национальных приоритетов практически всех государств мира является достижение приемлемого уровня энергетической безопасности, так как уровень обеспеченности государства энергетическими ресурсами в значительной степени определяет стабильность и динамику социально-экономического развития.

Энергетическая безопасность является многоплановой концепцией с определенными взаимозависимыми и самостоятельными параметрами ее измерения. Повышение уровня энергобезопасности становится приоритетной целью общества, поскольку она необходима для удовлетворения основных потребностей человека. Термин «энергетическая безопасность» многие ученые рассматривают как «абстрактный, неуловимый, расплывчатый, сложный и размытый» [1]. Если выходить за рамки государственной политики и международных отношений, на историко-философский

уровень обсуждения темы, то, по мнению исследователей, «концепция энергетической безопасности так же стара, как огонь» [2], что подчеркивает фундаментальное значение проблемы в целом.

В связи с ростом и резким колебанием цен на энергоносители, с увеличением потребления и зависимости развитых стран от поставок энергоносителей и энергии, периодических кризисов энергоснабжения и сбоев на рынках нефти, изменением климата, политической конкуренцией, военными конфликтами интерес к обеспечению энергетической безопасности стран возрастает с каждым годом.

В послевоенный период из-за отсутствия у большинства промышленно развитых стран достаточных для обеспечения своих потребностей запасов нефти, а также сосредоточения большей части мировых запасов нефти в одном регионе (Ближний Восток) и процесса деколонизации, в результате которого промышленно развитые государства лишились значительной части энергетических источников сырья, изменилась структура международного рынка. По мнению Г. Моргентау, это привело к эпохальному перевороту, так как политическая и экономическая мощь государства перестала напрямую зависеть от его военного потенциала, как это было раньше, поскольку наиболее важным фактором контроля над запасами энергоносителей [3].

Независимо от того, является страна экспортером энергетических ресурсов или их импортером, энергетическая безопасность выступает одним из важных элементов национальной безопасности любой из них. Страны, импортирующие энергоресурсы, сталкиваются с проблемой их дороговизны, зависимости от внешнего рынка, в то время как для стран-экспортеров серьезной проблемой является инвестиционное обеспечение добывающих отраслей и энергетики в тех объемах, которые поддерживают их в состоянии, гарантирующем как стабильное энергоснабжение экономики и населения, так и соответствующий уровень экспортных поставок энергоносителей, отчисления от выручки за которые являются в этих странах важнейшими составляющими бюджета.

А.С. Аль-Бадри, занимавший пост генерального секретаря ОПЕК с 2007 по 2014 г. отмечал: «...энергетическая безопасность должна быть взаимной. Это улица с двусторонним движением. Гарантированный спрос так же важен для производителей, как гарантированные поставки для потребителей» [4]. Понятие энергетической безопасности сложно трактовать однозначно, поскольку его толкование различно в отношении страны относительно богатой энергоресурсами и страны, слабо наделенной ими. Для стран, относительно богатых данными ресурсами, энергетическая безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности, которая определяется защищенностью граждан и государства в целом от угроз дефицита всех видов энергии и энергоресурсов, возникающих из-за воздействия негативных природных, техногенных, управленческих, социально-экономических,

внутри- и внешнеполитических факторов. Для многих стран-экспортёров доходы от продажи энергоносителей – существенная статья бюджетных поступлений, и от этих доходов во многом зависит выполнение социальных обязательств. Некоторые страны, экономика которых в целом построена на энергетическом секторе, полностью зависят от экспортируемой энергии.

Для относительно бедных энергетически стран характерна проблема страхования риска резкого роста цен на мировом рынке, физического ограничения поставок в силу политического, экономического и/или другого рода давления (например, зависимость европейских стран от российской нефти). Энергетическая безопасность для стран, не наделенных энергозапасами – это защищённость от внешних и внутренних угроз в энергетической сфере, которые могут стать потенциальным препятствием для экономического роста страны в долгосрочном периоде.

Важность обеспечения энергетической безопасности для стран определяется тем, что она:

- обеспечивает независимое развитие экономики посредством максимально эффективного использования энергетических ресурсов;
- снижает риск зависимости от внешнего рынка;
- служит интересам национальной безопасности страны.

Из-за рисков резкого колебания цен на нефть, капиталоемкости процесса создания новых энергетических технологий, высокой стоимости энергетической инфраструктуры, истощаемости источников традиционной энергии и ряда других причин многие страны переходят на «зеленую энергию», т.е. немаловажной причиной интереса к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) является и обеспечение энергетической безопасности.

Зарубежный опыт

Структура энергии в развитых и развивающихся странах значительно различается. Например, стратегия таких стран, как США, Канада, Германия, Япония и Англия, направлена на постоянное повышение доли альтернативных источников энергии в общем энергетическом балансе с целью ослабить зависимость экономики этих стран от импорта нефти и газа, а также минимизировать употребление традиционных источников энергии из-за опасности их добычи и использования, отрицательного воздействия на экологию, здоровье человека и климат всей планеты. В отличие от развитых стран во многих развивающихся государствах основу энергетики по-прежнему составляют уголь, нефть и газ. К характерным чертам энергокомплекса развивающихся стран относятся:

- недиверсифицированная структура энергетики;
- высокая доля импортируемой электроэнергии и/или ископаемых энергоносителей;

- ограниченный уровень доступа к энергии и низкая степень электрификации территорий;
- негативное влияние на экологию и изменение климата, игнорирование способов уменьшения этого отрицательного воздействия;
- малоразвитые системы закупок энергоресурсов, некачественное управление и реализация проектов в области энергетики.

Из числа развивающихся стран, имеющих наиболее успешные стратегические подходы к повышению энергетической безопасности и увеличению эффективности использования энергоресурсов, можно назвать Марокко, Индию, Филиппины и Южно-Африканскую Республику (ЮАР). Согласно данным Всемирного энергетического совета и иных международных организаций, эти страны демонстрируют пример формирования устойчивого энергетического сектора, минимизации угроз национальной энергетической безопасности и динамичного развития ВИЭ.

Расположенное в Северо-Западной Африке государство Марокко никогда не обладало значительными запасами углеводородов. Но в XXI в. с его энергопереходом и «зелеными» тенденциями у этой страны появились новые возможности для своего устойчивого развития.

Марокко является единственной североафриканской страной, которая не обладает запасами нефти и газа и зависит от импортируемой энергии для удовлетворения соответствующих потребностей национальной экономики. Нефть и нефтепродукты страна импортирует в основном из Саудовской Аравии, уголь – из ЮАР, газ – из Алжира, а электроэнергию – из Испании и Алжира [5, с. 11, 95, 132]. В недалеком прошлом Марокко испытывала такие энергетические проблемы, как высокая зависимость от импорта энергии, существенные колебания цен на электроэнергию и их субсидирование, нестабильные системы электроснабжения, повышение выбросов углеводородов и т.д. С приростом потребности в электроэнергии примерно на уровне 6–7% в год развитие и увеличение доли альтернативных источников энергии для страны долгое время считалось приоритетом. В целях снижения зависимости Марокко от импортных поставок ископаемых энергоносителей и уменьшения угрозы энергетической безопасности страны была предпринята разработка стратегии развития возобновляемых источников энергии, в результате которой сегодня возобновляемая энергия обеспечивает почти 34% годового объема потребления электроэнергии [6, с. 19, 30].

Для решения перечисленных проблем в Марокко была сформирована Национальная энергетическая стратегия, основной целью которой является увеличение доли ВИЭ в объеме генерации на 42% к 2020 г. и до 54% к 2030 г. Это позволит стране, с учетом уже достигнутых результатов с момента начала реализации стратегии в 2009 г., занять ведущее место в Африке в области развития возобновляемой энергетики [7, с. 159–230]. Правительство учредило «Энергетическую группу», в

состав которой вошли Национальное агентство по электроэнергии и воде, Марокканское агентство по устойчивой энергетике, Марокканское агентство по энергоэффективности. Марокканская корпорация инвестиций в энергетику и Исследовательский институт солнечной и новой энергетики [8, с. 7–25].

Для юридического обеспечения стратегии в 2010 г. вступил в силу Закон о возобновляемой энергии, который включает в себя ряд нормативных положений, направленных на создание конкурентной среды, стимулирование производства энергии из возобновляемых источников различными компаниями, а также генерирование, продажу и экспорт электроэнергии наряду с Национальным офисом по электроэнергии – государственной специализированной структурой [9].

Показательный пример устойчивого развития Марокко в сфере альтернативной энергетики – это энергетическая революция в масштабе как исламского, так и всего остального мира, а именно создание крупнейшей в мире солнечной энергетической станции. Она построена в пустыне Сахара, неподалеку от г. Уарзат, способна снабжать половину страны в 500 мегаватт электроэнергии, что эквивалентно мощности средней АЭС. Станция состоит из примерно полумиллиона высокотехнологичных зеркал, которые аккумулируют энергию солнца, разогревают с ее помощью специальные турбины и превращают в электричество.

Энергетический переход для Марокко является национальным приоритетом. Доля возобновляемых источников энергии, включая гидроэнергетику, выросла с 6% в 2000 г. до 19% в 2020 г. Но, учитывая недостаточность водных ресурсов в стране, переход к солнечной энергетике есть вынужденная мера, ибо использование водных ресурсов для нужд энергетики, как это было до недавнего времени, грозит не только стране, но и региону нехваткой питьевой воды. Марокко планирует не только отказаться от водной энергетики, но и последовательно снижать использование нефти, выйдя к 2030 г. на обеспечение 52% своих потребностей в энергии за счет возобновляемых источников. Доля возобновляемых источников энергии в общем энергетическом балансе Марокко в 2021 г. составила 7,1 %

Использование солнечной энергии позволит ежегодно избежать выбросов в атмосферу до 3,7 млн тонн углекислого газа, которые образуются при сгорании ископаемого топлива, а также существенно сократить зависимость Марокко от импорта нефти. Успешное осуществление Новой энергетической стратегии также даст возможность стране в дальнейшем превратиться в крупного экспортера электроэнергии. Еще одной целью Марокко к 2030 г. является сокращение выбросов парниковых газов на 17–18%.

Итак, опыт Марокко должен служить примером и для других развивающихся стран, которые испытывают дефицит энергии, зависят от импортируемого топлива, а также стремятся повысить долю альтернативной энергии в общем энергобалансе своей страны.

Еще один характерный пример развития нетрадиционных источников энергии демонстрирует Индия. За последние 10–15 лет в Индии наблюдается высокий рост спроса на электроэнергию и как следствие – ее дефицит, недоступность к энергетическим ресурсам, а также использование низкоэффективного угольного топлива в качестве основного источника энергии. По данным отчета India Energy Outlook, с 2000 г. на Индию приходится почти 10% мирового роста спроса на электроэнергию. Для уменьшения энергозависимости в Индии также начали приниматься меры по производству и использованию альтернативной энергетики, вследствие чего в период с 2014 по 2019 г. ежегодный темп ее роста составил 17,5%, а доля возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе увеличилась с 6 до 10%.

В настоящее время в Индии наблюдается экспоненциальный рост сектора возобновляемых источников энергии. В 2015 г. правительство заявило о стратегии перехода к системе электроснабжения с более низким уровнем выбросов путем получения 175 ГВт энергии из возобновляемых источников к 2022 г. и 100 ГВт за счет солнечной энергетики.

За период трансформации энергоструктуры в целях развития возобновляемой энергетики Индия предприняла ряд мер:

- стала первой страной в мире, где было учреждено Министерство нетрадиционных источников энергии;
- построила первый в мире аэропорт на солнечной энергии (Международный аэропорт Оччин);
- стала первой страной, где все государственные порты используют только возобновляемую энергию;
- построила крупнейшие в мире солнечные электростанции, например мега солнечный парк Курнул мощностью в 1000 МВт;
- вошла в пятерку крупнейших производителей чистой энергии в мире.

Заключение

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что решающую роль в повышении энергетической безопасности страны и формировании энергетической структуры играет государство. Государство выполняет регулирующую функцию в данной сфере. Эффективность регулирующих мер в области энергетической безопасности зависит от комплексного учета политических, институциональных, социально-экономических, технических и инфраструктурных факторов.

Развитие энергетической промышленности способствует устойчивому развитию несколькими способами: прямое и косвенное создание рабочих мест; предоставление доступа к энергии, которая обеспечивает экономическую активность и социальное развитие; увеличение значительных налоговых и других видов доходов в бюджет страны; обеспечение развития передовых технологий и продуктов; инвестирование

в важные экономические и социальные проекты развития; акцентирование внимания на защите окружающей среды. Энергетические компании – это в основном крупные транснациональные компании, которые работают в сфере добычи и переработки углеводородов, они способны самыми различными своими проектами и инициативами содействовать достижению целей в области энергетической безопасности.

Итак, опираясь на мировой опыт, следует перенять определенные качества управления, регулирования и применения на территории своей страны мер, направленных на производство и использование альтернативной и возобновляемой энергетики.

Список источников

1. Checchi A., Behrens A., Egenhofer C. Long-Term Energy Security Risks for Europe: A Sector-Specific Approach // CEPS Working Document. 2009. No. 309. Bruxelles: Center for European Policy Studies, 2009. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Long-Term-Energy-Security-Risks-for-Europe%3A-A-Checchi-Behrens/285afb579f-260628cd93254fbdf49449d1f52fc2>
2. Azzuni A., Breyer C. Global energy security index and its application on national level // *Energies*. 2020. Vol. 13. Iss. 10. Art. 2502. <https://doi.org/10.3390/en13102502>
3. Morgenthau H.J. The new diplomacy of movement // *Encounter*. 1974. No. 43 (August). P. 52–58.
4. El-Badri A. S. Energy Security and Supply: a keynote / Organization of the Petroleum Exporting Countries. London, UK, 14 February, 2008. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/862.htm
5. International Energy Agency. Morocco 2014. Energy policies beyond IEA countries. Report. Paris: IEA Publications, 2014. 132 p.
6. Schinke B., Klawitter J. Country Fact Sheet Morocco. Energy and Development at a glance 2016. Middle East North Africa Sustainable Electricity Trajectories. [S. l.], 2016. 58 p.
7. Overall Scores by Country – Regulatory indicators for sustainable energy: A Global Score card for policy makers 2016 // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/home>
8. Choukri K., Naddami A., Hayani S. Renewable energy in emergent countries: lessons from energy transition in Morocco // *Energy, Sustainability and Society*. 2017. Vol. 7, № 1. P. 7–25.
9. Law 13 – 09 relating to renewable energy / Morocco Ministry of Energy, Mines and Sustainable Development. 2008. URL: https://climate-laws.org/document/law-13-09-on-renewable-energy-regulated-by-decree-2-10-578-and-amended-by-law-58-15_ab3e

References

1. Checchi A., Behrens A., Egenhofer C. Long-Term Energy Security Risks for Europe: A Sector-Specific Approach. *CEPS Working Document*, 2009, no. 309, Bruxelles, Center for European Policy Studies, 2009. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Long-Term-Energy-Security-Risks-for-Europe%3A-A-Checchi-Behrens/285afb579f-260628cd93254fbdf49449d1f52fc2>
2. Azzuni A., Breyer C. Global energy security index and its application on national level. *Energies*, 2020, vol. 13, iss. 10, art. 2502. URL: <https://doi.org/10.3390/en13102502>
3. Morgenthau H. J. The new diplomacy of movement. *Encounter*, 1974, no. 43 (August), pp. 52–58.
4. El-Badri A.S. Energy Security and Supply: a keynote / Organization of the Petroleum Exporting Countries. London, UK, 14 February, 2008. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/862.htm.
5. International Energy Agency. Morocco 2014. Energy policies beyond IEA countries. Report. Paris: IEA Publications, 2014. 132 p.
6. Schinke B., Klawitter J. Country Fact Sheet Morocco. Energy and Development at a glance 2016. Middle East North Africa Sustainable Electricity Trajectories. [S. l.], 2016. 58 p.
7. Overall Scores by Country – Regulatory indicators for sustainable energy: A Global Score card for policy makers 2016. World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/home>
8. Choukri K., Naddami A., Hayani S. Renewable energy in emergent countries: lessons from energy transition in Morocco. *Energy, Sustainability and Society*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 7–25.
9. Law 13 – 09 relating to renewable energy / Morocco Ministry of Energy, Mines and Sustainable Development. 2008. https://climate-laws.org/document/law-13-09-on-renewable-energy-regulated-by-decree-2-10-578-and-amended-by-law-58-15_ab3e

Библиографический список

1. Волчок В.А., Комар В.Н. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии. Солнечная энергетика. Гродно: ГрГУ, 2017. 55 с.
2. Елистратов В.В. Возобновляемая энергетика. Изд. 3-е, доп. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2016. 424 с.
3. Ковалев М.М., Кузнецов А.С. Будущее белорусской энергетики на фоне глобальных трендов: монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. 223 с.
4. Родионов В.Г. Энергетика: проблемы настоящего и возможности будущего. М.: ЭНАС, 2010. 344 с.
5. World Energy Resources. World Energy Council, 2016. 1028 p.

Информация об авторе

С.М. Гусейнова – преподаватель Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджан, Samira97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6532-0708>

Information about the author

S.M. Huseynova – Lecturer of Baku State University, Baku, Azerbaijan, samira@97mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6532-0708>

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 14.02.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 82–96.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 82–96.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 347.775

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/82-96>

«КЛАЙМЕТГЕЙТ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТРОПОГЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА

Марина Евгеньевна Пекарникова¹, Александр Борисович Полонский²

^{1, 2}Институт природно-технических систем РАН, Севастополь, Россия

¹pekarnikowa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Аннотация. Вследствие глобального характера проблемы изменения климата и последствий такого изменения эффективное ее решение возможно только путем объединения усилий всего мирового сообщества и согласования совместных действий по контролю над антропогенной эмиссией парниковых газов и аэрозолей. Такое согласование представляет собой исключительно сложную задачу, учитывая экономическую составляющую и чрезмерную политизированность проблемы. Одним из ярких примеров политизированности международной деятельности по контролю над климатическими изменениями стал скандал, вошедший в историю как «клайметгейт». История его возникновения и развития, а также политико-правовые аспекты «клайметгейта» анализируются в настоящей работе.

Ключевые слова: «клайметгейт», «уотергейт», изменение климата, оценочные отчеты ИРСС, частная переписка, персональные данные, Фил Джонс, доктор Манн, Климатическая доктрина Российской Федерации, климатический саммит.

Финансирование: Работа выполнена в рамках темы госзадания 121122300074-7.

Для цитирования: Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. «Клайметгейт» и его влияние на политико-правовые аспекты регулирования антропогенных изменений климата // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 82–96.

POLITICS

Original article

CLIMATEGATE AND ITS IMPACT ON THE POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF ANTHROPOGENIC CLIMATE CHANGE

Marina E. Pekarnikova¹, Alexander B. Polonskiy²

^{1, 2}Institute of Natural and Technical System, Sevastopol, Russia,

¹pekarnikowa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Abstract. Due to the global nature of the problem of climate change and the consequences of such changes, its effective solution is possible only by combining the efforts of the entire world community and agreeing on joint actions to control anthropogenic emissions of greenhouse gases and aerosols. Such coordination is an extremely difficult task, taken into account the economic component and the excessive politicization of the problem. One of the most striking examples of the politicization of international activities to climate change control was the scandal that went down in history as "Climategate". The history of its origin and development, as well as the political and legal aspects of "Climategate" are analyzed in this paper.

Keywords: Climategate, Watergate, climate change, IPCC assessment reports, private correspondence, Fill Jons, doctor Mann, personal data, Climate Doctrine of the Russian Federation, Climate Summit

Funding: the research was carried out within the state assignment 121122300074-7.

For citation: Pekarnikova M.E., Polonskiy A.B. Climategate and its impact on the political and legal aspects of regulation of anthropogenic climate change. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 82–96. (In Russ.).

Введение

В силу глобальности проблемы климатических изменений на земном шаре и контроля над ними ни одна из стран в мире не в состоянии справиться с ней в одиночку. «Стремление к углеродной нейтральности должно стать нормой – для каждой страны и компании, каждого города и финансового института, а также для целых секторов экономики, таких как авиация, судоходство, промышленность и сельское хозяйство», – подчеркнул Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, излагая свою позицию в преддверии ноябрьского Саммита по климату 2021 г. [1]. Год спустя на саммите в Шарм-эль-Шейхе А. Гуттерриш констатировал, что глобальная температура продолжает расти. Острота проблемы хорошо видна на примере труднопреодолимых сложностей с реализацией основных положений Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об из-

менении климата и Парижского соглашения [2–4]. В этой связи ясно: необходимы согласованные действия всего мирового сообщества, что представляет собой очень сложную и комплексную политико-экономическую проблему.

Одним из ярких примеров сложности и политизированности обсуждаемой проблемы и неоднозначного отношения к ней различных профессиональных групп является так называемый скандал «клайметгэйт» («Climategate»). Он назван так по аналогии с широко известным происшествием с прослушиванием штаб-квартиры Демократической партии в отеле Уотергейт 1972 г., приведшем к началу процедуры импичмента и последовавшей за этим отставкой 37-го Президента США Ричарда Никсона, который препятствовал расследованию этого преступления [5]. Термин «Уотергейт» стал нарицательным для обозначения всех скандальных происшествий, имеющих большой общественный резонанс и приведших к краху карьеры основных их участников, включая высших должностных лиц.

Начало «клайметгэйта»

Оно относится к ноябрю 2009 г., когда была опубликована конфиденциальная переписка директора климатического научно-исследовательского подразделения Университета Восточной Англии (the Climatic Research Unit-CRU at the University of East England) профессора Фила Джонса с коллегами. В этой переписке профессор нелицеприятно отзывался о противниках концепции глобального потепления антропогенного происхождения и предлагал всячески препятствовать опубликованию их точки зрения в ведущих профильных журналах. Переписка стала доступна хакерам, взломавшим почтовый ящик профессора. Этому предшествовало неоднократное обращение различных частных лиц к Филу Джонсу с просьбой предоставить данные его климатических исследований, в том числе первичную информацию о приземной температуре и программный код, используемый сотрудниками CRU для обработки глобальной базы данных о приземной температуре [6]. Частные лица обращались в организацию, возглавляемую профессором, не случайно. Именно CRU была одной из главных научно-исследовательских организаций, поставляющих данные о наблюдаемых изменениях глобальной температуры приземного слоя тропосферы Межправительственной группе экспертов по вопросам климатических изменений (IPCC) [7]. Поэтому нашлось довольно много энтузиастов, желающих проверить правильность обработки первичной информации и справедливость полученных на ее основании выводов о наличии выраженного глобального потепления. Фил Джонс оказался не очень дипломатичным человеком и после получения очередного требования такого типа отказался выполнять запрос по предоставлению данных. Причем он сделал это в довольно резкой форме, сославшись на занятость и невозможность заниматься в основном удовлетворением растущих запросов и требований общественности. Это было расценено как отказ от необходимости выполнения закона о свободном доступе к

открытой информации и, по-видимому, послужило одной из причин, приведшей к взлому почтового ящика Ф. Джонса.

Развитие «клайметгэйта»

После опубликования переписки профессора скандал стал стремительно развиваться. Фил Джонс был обвинен в действиях, недопустимых для честного исследователя, а именно: в подтасовке и сознательном искажении информации, недобросовестном использовании своего служебного положения, кампанийщине и прочих неблаговидных вещах. Учитывая большой общественный резонанс и важность проблемы изменения климата, в конце ноября 2009 г. была создана специальная группа из сотрудников Университета Восточной Англии для анализа обнародованных фактов и принятия решения о дальнейшей судьбе Фила Джонса. На время расследования профессор был отстранен от должности.

В марте 2010 г. была создана еще одна независимая комиссия по расследованию вскрытых фактов под руководством бывшего ректора Лондонского императорского колледжа, члена Королевского общества, барона Рона Оксбурга. На сей раз комиссия уже имела международный статус. В тексте подготовленного ею доклада говорилось о том, что экспертами были перепроверены аналитические заключения группы исследователей CRU, которой руководил Ф. Джонс, и все выводы CRU об изменении приземной температуры были подтверждены. Фактов нарушения общепринятых научных норм установлено не было. Комитет сравнил результаты работы группы сотрудников CRU, их данные и выводы с результатами других независимых исследователей из разных стран мира и пришел к выводу, что все эти данные согласуются друг с другом и достоверны. В докладе подробно рассматриваются все детали обвинений против климатологов, чья конфиденциальная переписка была проанализирована, описывается контекст и возможная трактовка тех слов из писем Ф. Джонса, которые вызвали наибольший гнев широкой общественности. В конечном счете, в том же 2010 г. Палата общин Парламента Великобритании опубликовала доклад, в котором полностью оправдала профессора Джонса.

Необходимо отметить, что в процессе слушаний по «клайметгэйту» в Парламенте Великобритании профессор Джонс выступал перед членами комитета Палаты общин по науке и технологиям и отстаивал право ученых не обнародовать исходные данные по любому запросу общественности. Вместе с тем Фил Джонс признал, что некоторые из написанных им писем с отказом предоставить данные были "ужасными". Он имел в виду, что они выглядели грубыми по форме, и это было позже отражено в докладе нижней палаты Парламента Великобритании. Что касается попыток препятствовать опубликованию альтернативной точки зрения на проблему климатических изменений, то профессор Джонс объяснил, что авторы работ, отрицающих наличие значимого антропогенного воздействия на климатическую систему, просто

безграмотны, и он старался способствовать сохранению высокого рейтинга специализированных научных журналов.

Одновременно в США проводилось аналогичное расследование по поводу добросовестности одного из главных корреспондентов профессора Джонса – известного климатолога, доктора Манна, который по большинству пунктов обвинений в нарушении научной этики также был оправдан. В феврале 2010 г. Университет штата Пенсильвания (The Pennsylvania State University), сотрудником которого был доктор Манн, опубликовал решение специальной комиссии, которая в течение двух месяцев изучала вопрос о возможном нарушении им научной этики. Климатолог был оправдан по трем пунктам из четырех. По одному пункту принято решение о продолжении расследования. Вместе с тем было отмечено, что комиссия по этике не нашла каких-либо свидетельств, говорящих о том, что доктор Манн совершил отклонения от общепринятых правил проведения научной работы и публикации своих результатов.

Таким образом, все комиссии подтвердили научную добросовестность основных фигурантов скандала и в целом высокий уровень Оценочных отчетов IPCC. Тем не менее многие критики концепции антропогенного характера глобального потепления не были удовлетворены. Они посчитали, что большинство членов созданных комиссий не являются беспристрастными экспертами, а выводы этих комиссий нельзя назвать объективными. В результате проведенных расследований профессор Джонс был отстранен от исполнения обязанностей директора за неумение конструктивно взаимодействовать с представителями прессы и общественностью. При этом он остался научным директором организации (т. е. фактически стал заместителем директора по научной работе), но его репутация в глазах критиков концепции антропогенного характера глобального потепления оказалась безнадежно испорченной. Перед своей отставкой Фил Джонс заявил: «Самое главное, чтобы CRU продолжал свои уникальные исследования без помех. После длительных размышлений я принял решение, что в свете идущего расследования это можно сделать, только если я уйду со своего поста. Я рад, что Университет поддержал меня в моем решении, и со своей стороны заявляю о полной поддержке проводимого расследования».

Необходимо отметить, что скандал, названный «клайметгэйтом», разразился в конце 2009 г. в преддверии Копенгагенской конференции ООН по изменению климата. В интернете были опубликованы более тысячи электронных писем и других документов сотрудников CRU и их коллег из разных стран, в том числе из России. Из этих материалов некоторые журналисты и «независимые» эксперты сделали необоснованные заключения о недобросовестности по крайней мере части экспертов IPCC. В частности, нескольких британских и американских ученых-климатологов несправедливо обвинили в сознательном завышении температурных трендов по натурным данным. Кроме того, «клайметгэйт» отразился на ходе переговоров, проводимых в

рамках 15-й конференции ООН по проблемам изменения климата, и, очевидно, усилил позиции противников концепции антропогенного характера глобального потепления.

Правовая оценка «клайметгейта»

Рассматривая правовую систему Великобритании в целом, необходимо отметить, что Соединенное Королевство не имеет собственного текста Конституции. Отдельные положения, регулирующие права и обязанности граждан, сформулированы в самых различных правовых актах.

Анализируя правовую сторону «клайметгейта», стоит обратить внимание на то, что по британским законам действия официального представителя Университета (отказ предоставить данные о приземной температуре) нарушают положения Конституционного акта о свободе информации [8]. В качестве наказания на нарушителя может быть наложен штраф, причем его размер не ограничен. Применение санкций возможно в течение полугода после нарушения. Поэтому отказ от предоставления критически важной информации, не подпадающей под ограничения, связанные с обеспечением безопасности страны, обоснованно были расценены как нарушения Конституционного акта. Но это не было главным пунктом обвинения, предъявленного Филу Джонсу. В первую очередь ему вменялись в вину те фрагменты из его личной переписки, которые касались публикации различных точек зрения на причину и величину глобального потепления и которые были добыты незаконным путем. Последнее следует из целой системы правовых актов, принятых в Великобритании в разные годы. Так, в 1998 г. Британский парламент утвердил Акт о правах человека, придающий Европейской конвенции по правам человека силу национального закона [9]. Этот процесс должен был завершиться законодательным утверждением права на неприкосновенность частной жизни. Акт вступил в силу в октябре 2000 г. [10]. Положения о неприкосновенности частной жизни содержатся и в ряде других законодательных актах, например, в Законе о реабилитации правонарушителей 1974 г., Законе о телекоммуникациях 1984 г. [11], Законе о полиции 1997 г., Законе о вещании 1996 г. и Законе о защите от преследований 1997 г. [9]. Некоторые положения перечисленных законов изменены или частично отменены в связи с принятием Закона о защите данных в редакции 1998 г. [12]. Этот Закон Парламент принял в июле 1998 г. с учетом требований Директивы о защите информации, принятой Европейским союзом (ЕС). Действие закона распространяется на учетные записи, ведущиеся государственными учреждениями и частными компаниями. Он налагает ряд ограничений на использование персональных данных и на доступ к учетным записям, а также обязывает юридические лица, ведущие такие записи, регистрироваться в Комиссариате по защите информации.

Закон о перехвате коммуникационных сообщений, принятый в 1985 г., устанавливал ряд ограничений, имеющих отношение к контролю над телекоммуникационными средствами. Позднее Министерство внутренних дел Великобритании издало рекомендации по установке подслушивающих устройств, предусматривающие внесение многочисленных поправок в действующее законодательство. В частности, предполагалось обеспечение содействия законной установке подслушивающих устройств со стороны провайдеров интернет-услуг; продление срока действия таких устройств до трех месяцев; разрешение на использование подслушивающих устройств с возможностями роуминга. Однако такие важные проблемы, как контроль со стороны судебных органов и государственный надзор за перехватами информации, в вышеназванных рекомендациях совершенно не затрагиваются.

На протяжении вот уже двадцати с лишним лет неоднократно предпринимались шаги к принятию закона о свободе информации, но безрезультатно. "Кодекс практики доступа к правительственной информации", принятый в 1994 г., открывает доступ к государственным архивам, но предусматривает 15 серьезных исключений. Те лица, чьи заявки на получение информации были отклонены, могут обратиться с жалобой через парламентского министра к парламентскому омбудсмену.

Соединенное Королевство, будучи членом Совета Европы, подписало и ратифицировало Конвенцию о защите частных лиц в отношении автоматической обработки персональных данных вместе с Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод человека. В Великобритании действует Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи (Директива о конфиденциальности и электронных средствах связи), которая требует от государств-членов ЕС гарантий по соблюдению прав и свобод физических лиц в связи с обработкой их персональных данных и в особенности их прав на конфиденциальность для обеспечения свободного движения потока информации о персональных данных в Сообществе [13].

В частности, в Директиве сообщается, что провайдер общедоступных услуг электронной связи должен принять необходимые технические и организационные меры для обеспечения безопасности предоставляемых услуг при необходимости совместно с провайдером сети связи общего доступа, если это касается вопроса безопасности сети. Принимая во внимание уровень развития технологий и стоимость их внедрения, данные меры должны гарантировать уровень безопасности, соответствующий имеющимся угрозам. Кроме того, при наличии определенной угрозы повреждения системы безопасности сети провайдер общедоступных услуг электронной связи должен информировать абонентов в отношении такой угрозы, а в случаях, когда угроза выходит за пределы средств защиты, доступных провайдеру, — о любых возможных средствах защиты, включая информацию о затратах на их приобретение.

Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС "О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных", принятая в Люксембурге 24 октября 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 29 сентября 2003 г.), установила следующие правила: "...системы обработки данных предназначены для службы человеку; ...эти системы должны соблюдать основные права и свободы, в том числе право на неприкосновенность частной жизни, и благоприятствовать экономическому и социальному прогрессу, развитию торговли и благополучию людей. Любая обработка персональных данных должна быть правомерной и добросовестной по отношению к соответствующим физическим лицам; ... данные должны быть достаточными, релевантными и не избыточными по отношению к целям, для которых они обрабатываются; такие цели должны быть явно выраженными и законными и должны быть определены во время сбора данных; цели обработки, следующей за сбором данных, не должны быть несовместимыми с первоначально определенными целями; ...обработка данных должна быть справедливой, субъект данных должен иметь возможность узнать о проведении обработки данных, и, если данные запрашиваются у него, ему должна быть предоставлена точная и полная информация, учитывающая обстоятельства сбора данных; ...оператор или его представитель должен предоставить субъекту, от которого получают относящиеся к нему данные, по меньшей мере, следующую информацию, кроме случаев, когда она у него уже имеется: наименование оператора и его представителя, если таковой имеется; цели обработки, для которых предназначены данные; любую другую дополнительную информацию, необходимую с учетом конкретных обстоятельств, в которых собираются данные, чтобы гарантировать их справедливую обработку в отношении субъекта данных..." [14].

В 2016 г. в развитие положений указанных нормативных актов была принята Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2016/943 от 8 июля 2016 г. о защите конфиденциальных ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия. В ней уточняется, что коммерческие и некоммерческие исследовательские учреждения, инвестирующие в приобретение, разработку и применение соответствующих продуктов ноу-хау, приобретают дополнительные конкурентные преимущества. Такое инвестирование в создание и применение интеллектуального капитала является определяющим фактором для повышения конкурентоспособности и эффективности инновационной деятельности на рынке. Следовательно, его можно считать фактором, потенциально повышающим норму инвестиционной прибыли. Таким образом, защита интеллектуальной собственности, оформленной в документальном виде, а также института коммерческой тайны является основным инструментом ограничения доступа конкурентов к результатам интеллектуальной деятельности, что позволяет достичь конкурентных преимуществ на рынке инновационных услуг.

Отношения в интернет-пространстве ЕС (членом которого Великобритания была в период развития «клаймтгейта») регламентируются также Директивой Европейского парламента и Совета ЕС 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи (Директива о конфиденциальности и электронных средствах связи) [13], которая согласно преамбуле стремится к соблюдению основополагающих прав и принципов, признанных в Хартии основных прав Европейского союза. В частности, упомянутая Директива стремится к обеспечению гарантий полного соблюдения прав, уставленных статьями 7, 8 этой Хартии, конфиденциальность коммуникаций гарантируется в соответствии с международными нормами, касающимися прав человека, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также конституциями государств-членов ЕС.

Кроме того, в Великобритании существует Комиссариат по защите информации. Он представляет собой независимое агентство, обеспечивающее соблюдение требований закона по защите данных. В частности, Управление комиссара по информации (Information Commissioner's Office, ICO) Великобритании опубликовало свод практических правил по управлению рисками, обусловленными анонимными вторжениями. Оно предлагает механизм, позволяющий оценить риски, связанные с защитой данных и идентификацией физических лиц.

Особого внимания заслуживает документ, принятый Европейским парламентом и Советом ЕС в 2016 г. – Регламент № 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных», который вступил в силу 25 мая 2018 г. Статьей 99 Регламента предусмотрено, что данный документ является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению в государствах – членах ЕС. В отношении юридических и физических лиц стран, не входящих в ЕС, следует руководствоваться статьями 2 и 3 Регламента. В статье 3 прямо указано, что настоящие Правила применяются в отношении обработки персональных данных в учреждениях ЕС независимо от того, обрабатываются эти данные в ЕС или нет. Другими словами, настоящие Правила применяются к обработке персональных данных субъектов персональных данных, контролёром или обработчиком которых являются не только субъекты, которые учреждены в ЕС, т. е. фактически эти Правила при определенных условиях носят экстерриториальный характер. При этом под мониторингом в данном случае предлагается понимать «отслеживание» поведения субъектов персональных данных в сети Интернет, включая последующую обработку персональных данных для составления профилей, в особенности для целей принятия решений в отношении таких субъектов или анализа и предсказания их поведения, предпочтений и жизненных позиций [15].

Исходя из анализа нормативно-правовых актов становится ясно, что требованию обеспечения безопасности персональных данных и защиты их целостности в законодательстве Великобритании уделялось и уделяется достаточное внимание. На оператора обработки персональных данных возлагается обязанность принять технические и организационные меры, необходимые для защиты персональных данных от случайного или незаконного уничтожения, потери, а также от изменения и любой другой несанкционированной (в том числе хакерской) обработки, включая случаи, когда обработка влечет передачу данных по сети Интернет. Факты, связанные с «клайметгэйтом», приводят к выводу, что, несмотря на развитое нормативно-правовое регулирование защиты частной переписки и персональных данных, провайдер общедоступных услуг электронной связи не принял в данном случае необходимые технические и организационные меры для обеспечения безопасности предоставляемых услуг. Вследствие этого частная переписка и документы отдельных представителей научного сообщества «просочились» в сеть и стали общедоступными. В результате обнародованные сведения, очевидно добытые с применением противоправных действий, послужили основой для официального разбирательства и применения мер дисциплинарного воздействия по отношению к лицу, явившемуся объектом хакерского взлома его частного почтового ящика.

Заключение

Необходимо отметить, что «клайметгейт» лишний раз свидетельствует об огромном внимании различных общественных групп, политиков, промышленников и бизнесменов к проблемам, касающимся антропогенных изменений климата и контроля за выбросами парниковых газов. В некоторых случаях те или иные заинтересованные лица готовы использовать любые сенсационные факты, в том числе добытые противоправным путем, для продвижения своих интересов. Симптоматично в этой связи принципиальное юридическое отличие «клайметгейта» от «уотергейта». Если «уотергейт» возник как реакция на противоправные действия высших должностных лиц, то «клайметгейт» начался в результате обнародования конфиденциальных данных, полученных в результате незаконного взлома личной почты.

Вместе с тем можно констатировать, что «клайметгейт», который относится к 2009–2010 гг., актуален и сегодня, поскольку интерес к вопросам, связанным с климатическими изменениями, контролем над ними, разработкой и совершенствованием соответствующей законодательной базы, со временем только усиливается. Одно из весомых доказательств этого вывода – результаты относительно недавнего саммита по климату, проходившего в Глазго в апреле 2021 г., на котором отмечалось, что мир далек от выполнения обещания об удержании повышения глобальной температуры в пределах 1,5 °С. Этот вывод был подтвержден данными, опубликованными в 2022 г. в работе [3] и в заключительном документе, подготовленном третьей

рабочей группой в рамках 6-го Оценочного отчета Международной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК/IPCC) (AR6 WGIII) [16].

Обеспокоенность проблемами изменения климата прослеживается в правовых документах многих стран мира, включая Россию. В частности, в развитие обсуждавшихся в 2021 г. на Международном саммите по климату инициатив в Российской Федерации подготовлен Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» [17], определяющий правовое регулирование отношений в сфере хозяйственной и иной деятельности, сопровождаемой выбросами парниковых газов как на территории РФ, так и на континентальном шельфе в исключительной экономической зоне РФ и российском секторе Каспийского моря. В октябре 2023 г. Президент Российской Федерации подписал новую Климатическую доктрину РФ, представляющую собой систему взглядов на цели, принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики по вопросам изменения климата, а также на обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. Намерение России по выполнению международных обязательств в сфере сокращения выбросов парниковых газов, достижения баланса между выбросами парниковых газов и их поглощением красной нитью проходит через все положения Доктрины [18]. Принципиально важно, чтобы все страны-эмитенты парниковых газов, отвечающие за основную долю их глобальных выбросов, не только декларировали, но и на деле проводили последовательную климатическую политику. В особенности это относится к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, чей вклад в суммарные выбросы парниковых газов превышает 50% [3].

Список источников

1. Климат и окружающая среда // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/02/396132-08.02.2021>
2. Парижское Соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) /FCCC/CP/2015/L.9/Rev.1. United Nations, 2015. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement>
3. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Анализ реалистичности достижения основной цели Парижского соглашения при существующей системе правового регулирования и контроля за антропогенными выбросами парниковых газов // Фундаментальная и прикладная климатология. 2022. Т. 8, № 2. С. 190–208. <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2022-2-190-208>
4. Полонский А.Б., Пекарникова М.Е. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий. Часть 1: от Рамочной конвенции ООН до Парижского соглашения // Государство и право. 2021. № 4. С. 104–113. <https://doi.org/10.31857/S102694520012719-1>
5. Баренбойм П.Д. Тридцатилетие Уотергейтского дела // Законодательство и экономика. 2004. № 8. С. 74–78.

6. Полонский А.Б. Изменения климата: мифы и реальность. Севастополь: Институт природно-технических систем, 2020. 223 с. <https://doi.org/10.33075/978-5-6044196-5-6>
7. IPCC, 2021: Summary for Policymakers // Climate Change 2021: The physical science basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. P. 3–32.
8. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Западной Европы». Т. 2 / под ред. В.И. Лафитского. М.: Контракт: ИЗиСП, 2012. 768 с.
9. Брылева Е.А. Неприкосновенность частной жизни: частные и публичные интересы // Информационное право. 2018. № 4. С. 4–7.
10. Иванова М.А., Черепова И.С. Судебная защита прав человека в Великобритании согласно положениям Акта о правах человека Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Адвокат. 2016. № 11. С. 71–75.
11. Hongqin Zhang. Cyber Law in the United Kingdom: review and comment // International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS 2014). [S. l.]: Atlantis Press, 2014. <https://doi.org/10.2991/icmess-14.2014.46>
12. Форд М. Недавнее законодательство. Закон о защите данных 1998 года // Журнал промышленного права. 1999. Т. 28, № 3. С. 57–60. <https://doi.org/10.1093/ilj/28.1.57>
13. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи (Директива о конфиденциальности и электронных средствах связи) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru>
14. Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных" (Принята в г. Люксембург 24.10.1995) (с изм. и доп. от 29.09.2003) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru>
15. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных/General Data Protection Regulation/GOPR) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru>
16. IPCC, 2022: Summary for Policymakers // Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. WMO/UNEP, Switzerland, 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/summary-for-policymakers/>

17. Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 296 // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru>

18. Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 г. № 812 // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru>

References

1. Climate and environment. *UN News*. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/02/396132-08.02.2021> (In Russ.).

2. Paris Agreement (Paris, December 12, 2015) /FCCC/CP/2015/L.9/Rev.1. United Nations, 2015. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (In Russ.).

3. Pekarnikova M.E., Polonsky A.B. Analiz realistichnosti dostizheniya osnovnoi tseli Parizhskogo soglasheniya pri sushchestvuyushchei sisteme pravovogo regulirovaniya i kontrolya za antropogennymi vybrosami parnikovyykh gazov [Analysis of the feasibility of achieving the main goal of the Paris Agreement under the existing system of legal regulation and control over anthropogenic greenhouse gas emissions]. *Fundamental'naya i prikladnaya klimatologiya*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 190–208. <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2022-2-190-208>

4. Polonsky A.B., Pekarnikova M.E. Antropogennye izmeneniya klimata i mezhdunarodno-pravovaya deyatel'nost' po smyagcheniyu ikh posled-stvii. Chast' 1: ot Ramochnoi konventsii OON do Parizhskogo soglasheniya [Anthropogenic climate changes and international legal activities to mitigate their consequences. Part 1: from the UN Framework Convention to the Paris Agreement]. *Gosudarstvo i pravo*, 2021, no. 4, pp. 104–113. <https://doi.org/10.31857/S102694520012719-1>

5. Barenboim P.D. Tridsatiletie Uotergeitskogo dela [Thirtieth anniversary of the Watergate case]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2004, no. 8. pp. 74–78.

6. Polonsky A.B. Izmeneniya klimata: mify i real'nost' [Climate change: myths and reality]. Sevastopol: Institute of Natural-Technical Systems, 2020. 223 p. <https://doi.org/10.33075/978-5-6044196-5-6>

7. IPCC, 2021: Summary for Policymakers. In: *Climate Change 2021: The physical science basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021, pp. 3–32.

8. Lafitsky V.I. (ed.). Comparative law: national legal systems. Legal systems of Western Europe. Vol. 2. Moscow: Contract: IZiSP Publ., 2012. 768 p. (In Russ.).

9. Bryleva E.A. Neprikosновенost' chastnoi zhizni: chastnye i publichnye interesy [Privacy: private and public interests]. *Informatsionnoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 4–7.

10. Ivanova M.A., Cherepova I.S. Sudebnaya zashchita prav cheloveka v Velikobritanii soglasno polozheniyam Akta o pravakh cheloveka Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Judicial protection of human rights in the

UK in accordance with the provisions of the Human Rights Act of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. *Advokat*, 2016, no. 11, pp. 71–75.

11. Hongqin Zhang. Cyber Law in the United Kingdom: review and comment. In: *International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS 2014)*. [S. l.]: Atlantis Press, 2014. <https://doi.org/10.2991/icmess-14.2014.46>

12. Ford M. Nedavnee zakonodatel'stvo. Zakon o zashchite dannykh 1998 goda [Recent legislation. Data Protection Act 1998]. *Zhurnal promyshlennogo prava*, 1999, vol. 28, no. 3, pp. 57–60. <https://doi.org/10.1093/ilj/28.1.57>

13. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 2002/58/EC of July 12, 2002 regarding the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Privacy and Electronic Communications Directive). *GARANT System*. URL: <http://base.garant.ru> (In Russ.).

14. Directive No. 95/46/EC of the European Parliament and the Council of the European Union “On the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free circulation of such data” (Adopted in Luxembourg on October 24, 1995) (as amended and additional dated September 29, 2003). *GARANT System*. URL: <http://base.garant.ru> (In Russ.).

15. Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Protection Regulation personal data/General Data Protection Regulation/-GDPR). *GARANT System*. URL: <http://base.garant.ru> (In Russ.).

16. IPCC, 2022: Summary for Policymakers. *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. WMO/UNEP, Switzerland, 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/summary-for-policymakers/>

17. On limiting greenhouse gas emissions: Federal Law of July 2, 2021 No. 296. *GARANT System*. URL: <http://base.garant.ru> (In Russ.).

18. On approval of the Climate Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated October 26, 2023 No. 812. *GARANT System*. URL: <http://base.garant.ru> (In Russ.).

Информация об авторе

М.Е. Пекарникова – главный юрисконсульт Института природно-технических систем РАН, Севастополь, Россия.

А.Б. Полонский – научный руководитель Института природно-технических систем РАН, член-корреспондент РАН, Севастополь, Россия.

Information about the author

M.E. Pekarnikova – Chief Lawyer of Institute of Natural and Technical System, Sevastopol, Russia

A.B. Polonsky – Scientific Supervisor of Institute of Natural and Technical System, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Sevastopol, Russia

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 97–115.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 97–115.

Научная статья

УДК 316.658.4:378.035.5(430)НСДАП(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/97-115>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ТЕХНОЛОГИИ НАЦИФИКАЦИИ И ИНДОКТРИНАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

**Алексей Юрьевич Мамычев¹, Андрей Юрьевич Мордовцев²,
Евгений Александрович Паламарчук³**

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

²Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

^{2,3}Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

³epalamar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и исследованию основных трендов, форм и технологий нацистской государственной политики, связанной с целевой установкой фашистских властных элит по мобилизации немецкого студенчества в сфере легитимации власти III Рейха, путем индоктринации сознания студенческой молодежи, «продавливания» национал-социалистического мировоззрения в ткань немецкой (молодежной) правовой и политической культуры. Особое внимание в работе уделено деятельности Национал-социалистического германского студенческого союза и анализу нацистских пропагандистских технологий. Авторы используют методы исторического, логического, сравнительного, дедуктивного и индуктивного, генетического изучения (реконструкции) заявленного в теме феномена.

Ключевые слова: нацизм, студенческая молодежь, правовое сознание, политическое сознание, политические технологии, индоктринация, высшие учебные заведения, нацификация, идеология, пропаганда, политическая культура.

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Паламарчук Е.А. Государственная политика и технологии нацификации и индоктринации студенческой молодежи в Третьем Рейхе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 97–115.

STATE POLICY AND TECHNOLOGIES OF NATIONALIZATION AND INDOCTRINATION OF STUDENT YOUTH IN THE THIRD REICH

Alexey Yu. Mamychyev¹, Andrey Yu. Mordovtsev², Evgeny A. Palamarchuk³

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia,
aum.07@mail.ru

³ Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia, epalamar@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and study of the main trends, forms and technologies of Nazi state policy related to the targeted installation of fascist power elites to mobilize German students in the field of legitimizing the power of the III Reich, by indoctrinating the consciousness of student youth, "pushing" the national socialist worldview into the fabric of German (youth) legal and political culture. Particular attention is paid to the activities of the National Socialist German Student Union and the analysis of Nazi propaganda technologies. The authors use the methods of historical, logical, comparative, deductive and inductive, genetic study (reconstruction) of the phenomenon declared in the topic.

Keywords: Nazism, student youth, legal consciousness, political consciousness, political technologies, indoctrination, higher educational institutions, nazification, ideology, propaganda, political culture.

For citation: Mamychyev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Palamarchuk E.A. State policy and technologies of nationalization and indoctrination of student youth in the Third Reich. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 97–115. (In Russ.)

Введение

Несмотря на то, что за десятилетия, прошедшие с момента падения гитлеровского политического (по мнению ряда зарубежных и отечественных исследователей, государственно-правового) режима, возникла обширнейшая историография, посвященная различным аспектам режима, интерес к основным направлениям политики, проводившейся нацистами в самой Германии и на оккупированных вермахтом территориях (в период Второй мировой войны), не только не ослабевает, но, напротив (в силу ряда современных трендов, процессов, событий), только обостряется, что в значительной степени обусловлено спецификой глобализационных процессов, погруживших мир в состояние перманентной нестабильности.

Демонстрируемая современным государственным руководством ведущих держав неспособность эффективно противостоять обладающим крайней степенью деструктивности новым глобальным вызовам (таким как миграционная проблема в Европе), приводит к усилению кризисных тенденций, способствующих определенному росту влияния праворадикальных политических партий и организаций в среде вузовской и иной молодежи.

Исследование любого политического режима, политической системы государства не может обойти вопрос их «человеческого измерения». В этом плане содержание политического режима, его аксиологическая ориентация, вектор развития, степень устойчивости всегда так или иначе сопряжены с механизмом индоктринации, его целями и смыслом, технологиями и спецификой функционирования участвующих в его проведении властных элит, институциональных образований (нормативных и организационных) и др. Особенности разного рода индоктринаций, их видов и форм, кроме всего прочего, выступают в качестве одного из важнейших параметров типизации политических режимов, их отнесенности к демократическим или антидемократическим состояниям конкретного политического мира.

В этой связи особый интерес представляет анализ соответствующего направления нацистской молодежной политики, нацеленного на превращение высших учебных заведений в центры своего влияния, «очаги» нацификации массового сознания, его «выпрямления» под национал-социалистские идеологические постулаты.

Методология исследования

Проблема индоктринации, рассмотрение сущностных и функционально-технологических аспектов этого феномена ставилась и анализировалась достаточно давно, т.е. имеет основательную традицию исследования. В общеметодологическом и теоретическом плане следует заметить, что еще Платон обращал внимание на важность технологий индоктринации в созданном им мире «идеального государства», считая, что если из поколения в поколения подданным государства постоянно повторять, внушать с помощью разных средств (в том числе философии и искусства, например поэзии) базовые идеи и принципы предлагаемого им государства, то они будут весьма прочно усвоены. Миф становится исторически первой формой индоктринации, исходящей от властных элит, и в разных своих видах сохраняет свое идеологическое значение и в настоящее время.

«Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей...» [1, с. 156]. Причем, если в миф не поверят ныне живущие поколения, то все последующие, воспитанные на таких мифах, неизбежно будут убеждены в соответствующем порядке вещей. В процессе индоктринации всегда

имеет место интенциональность, т.е. направленность на радикальное изменение сознания, в данном случае молодежи; прагматичность, связанная со стремлением государства с помощью мифа достигнуть важного для его сохранения и развития в рамках конкретного политико-правового режима и социально-правовой (антропологически-правовой) парадигмы результата; жесткое информационное цензурирование, в рамках которого сохраняется необходимое для государственной власти содержание мифа, его ценностная ориентация.

Оставаясь в таком эвристическом контексте, заметим, что в настоящее время значительных успехов в исследовании таких феноменов, как политический режим и идеологический механизм его легитимации историческая, политическая и юридическая науки добьются только после перехода на принципиально иные (чем, например, это имело место в советском гуманитарном дискурсе) методологические позиции: важно следовать принципу *взаимной дополнительнойности* с использованием методов *объяснения и понимания* в рамках системного (структурно-функционального) подхода.

В частности, для понимания природы человеческого поведения в любой сфере (и особенно в политической, правовой, духовной) принцип дополнительнойности приобретает явное эпистемологическое значение. Его применение означает признание следующей социально-политической и социально-правовой, культурологической специфики: с одной стороны, существующие в обществе государственно-правовые институты (в частности элементы правовой системы) неизбежно детерминируют, регулируют, направляют и даже оценивают поведение индивида как правомерное (допустимое, желаемое или необходимое) либо неправомерное, а с другой – эффективность функционирования этих институтов, направление их развития, особенности функционирования, роль в обществе и государстве всегда предопределяются *субъективным* или «личностным» фактором, т.е. происходит взаимное дополнение, *уравновешивание субъективного и объективного* в политическом, государственно-правовом или социально-правовом секторах общественных отношений, жизнедеятельности.

Эффективность работы и устойчивость во времени государственных и партийных структур Третьего рейха во многом определяется наличием механизма их социальной легитимации, оправданности в глазах большинства населения и прежде всего молодежи. Этот же механизм, в свою очередь, является результатом и индикатором успешности, «качественности» индоктринации и нацификации как видового проявления первого. Именно процесс постоянного повторения, внушения через образование (среднее и высшее), СМИ, общественные (например, молодежные, «трудовой фронт» и др.) организации в итоге приводит к «свертыванию» разных форм массового критического политико-правового и иного мышления: возникает своего рода идеологический «коридор», по которому лидеры (водители и др.) могут проводить свои

идеи, мнения, позиции, принимаемые и усваиваемые некритически, без какой-либо аргументации.

Индоктринация и ее разновидность – нацификация оказались способными в весьма короткие сроки разрушить социокультурное диалогическое пространство даже такого, в целом высоко философско-интеллектуального государства и общества (обладающего, как это показывают известные исторические события и процессы, искусством дискуссий, полемической культурой), каковым являлась Германия начиная примерно с XVI в. (Реформация М. Лютера и т.п.).

Проводя масштабную и целенаправленную индоктринацию (нацификацию), гитлеровский режим стремился породить поколения «послушников» как важнейшую опору для собственного существования. В этом плане вовлечение в изучение данного политического режима механизма индоктринации и нацификации предполагает использование метода генетической реконструкции, позволяющего выявить специфику возникновения и немецкого национал-социализма, и соответствующих ему форм (например, правления, государственного устройства, режима и др.) и институтов.

При обращении к «человеческому измерению» разных государственно-правовых пространств, в частности таких их элементов, как политические режимы и формы правления, весьма продуктивными оказываются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы познания. Только при их использовании исследование приобретает необходимый «градус критичности», позволяет сопоставить практики индоктринации, сформировавшиеся, по большому счету, в политических режимах одного типа (например, недемократических), но возникших в разных государствах. При этом можно либо проводить синхронное сравнение процессов и явлений как имеющих место в одно и то же время (например, индоктринация в Третьем Рейхе и в СССР 30-40-х годов), либо остановиться на асинхронном, рассмотрев индоктринационные тренды в несовпадающих временных параметрах (например, нацификацию Третьего Рейха и это же явление в ряде современных государств).

И в первом, и во втором случае простое сравнительное описание не может быть целью исследования, последнее должно быть направлено на выявление сути, важнейших качеств, свойств явлений, что и будет иметь эвристическое значение, представлять прогнозно-практический (социально футурологический) интерес (определение и оценка тенденций дальнейшего развития изученных путем сравнения политико-правовых и духовных форм, процессов, институционально-организационных и институционально-нормативных структур). История в таком ракурсе будет действительно выступать в качестве «учительницы жизни» (Цицерон), «надзирательницы», «наказывающей за невыученные уроки» (В.О. Ключевский), основы понимания не только прошлого, но и настоящего и будущего.

Основная часть

Высшие партийные и государственные инстанции Третьего Рейха, ставившие перед собой задачу охвата тотальным контролем всех возрастных групп и категорий молодежи, повышенное внимание уделяли студенчеству, поскольку, в значительной степени, именно специалистам с высшим образованием предстояло в дальнейшем стать активными проводниками национал-социалистической политики, в том числе и социальной, заняв ключевые посты в различных государственных и партийных структурах.

Еще при организационном оформлении Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) в целях распространения нацистского влияния среди студенчества в 20-й пункт ее программы было включено требование «предпринять полную реорганизацию национальной системы образования, с тем чтобы дать каждому способному и трудолюбивому немцу преимущества высшего образования и, вместе с тем, возможность занять свое место в национальном руководстве», а также предоставить образовательные льготы «для обучения за счет государства одаренных детей бедных родителей независимо от их профессии и классовой принадлежности» [2, р. 78–79].

В последние годы Веймарской республики университеты в гораздо большей степени, чем остальные учебные заведения, становятся оплотом национал-социализма [3, с. 264]. В этом отношении весьма показателен тот факт, что именно студенты-нацисты летом 1931 г. одержали победу на проходивших в Граце ежегодных выборах в имперское студенческое самоуправление [4, р. 67].

С установлением гитлеровского режима было начато осуществление «программы Лангемарка», открывавшей возможность поступления в университеты лицам, не имевшим сертификата об окончании средней школы – абитуры. Однако уже с 1934 г. вводится целый ряд ограничений, заметно сужавших круг лиц, которые могли рассчитывать на получение студенческого билета. Причем среди критериев, положенных в основу отбора абитуриентов, уровень их знаний стоял отнюдь не на первом месте: в качестве обязательного условия для поступления в вуз было объявлено наличие у выпускника средней школы характеристики, содержавшей заключение о его пригодности к получению высшего образования. Таковую, конечно же, выдавали не всем.

Кроме того, согласно заявлению руководства общегерманской организации «Немецкое студенчество» от 9 февраля и указу рейхсминистра внутренних дел, датированному 21 апреля 1934 г., все выпускники средних учебных заведений, стремившиеся поступить в вуз, должны были отбыть трудовую повинность в специальном лагере. По ее окончании им выдавалась «Тетрадь обязанности Немецкого студенчества», дававшая им право на зачисление в высшее учебное заведение [5, с. 124].

Помимо этих ограничительных мер в 1934 г., при наличии 30 тыс. абитуриентов, для поступающих в вузы была введена квота в 15 тыс. человек. Фактически же на

студенческие скамьи в том году сели 11 774 первокурсника. Это было вызвано как демографическим спадом в стране, так и обозначившимся при нацистах снижением престижности высшего образования вообще, гуманитарного в частности (о последнем говорит, например, тот факт, что если в период между Первой и Второй мировыми войнами 30% студенческой молодежи обучалось на филологических факультетах и именно из их среды выходило большинство учительских кадров средних школ, то в 1939 г. доля таких студентов снизилась до 10%, а в 1941 г. – до 5%) [3, с. 264].

Отныне студенчество должно было подчиняться требованиям строжайшей дисциплины. При этом, как и в средней школе, приоритет в вузах отдавался физическому воспитанию и формированию характера в ущерб академическому обучению. Уже в первом номере журнала «Немецкий студент», который стал издаваться в Третьем рейхе, утверждалась большая ценность для нового режима человека действия по сравнению с отстраненным наблюдателем. Иллюстрировалось это утверждение следующим примером: для того чтобы стать в будущем судьей, студенту-юристу достаточно двух семестров изучения права. Однако более важной задачей, стоявшей перед ним, являлось получение представления о реальной жизни, которое давала практическая работа на промышленных предприятиях или фермах. В связи с этим на студенчество была распространена трудовая повинность, которая отбывалась в период семестровых каникул и была рассчитана на десять недель [5, с. 124].

Рейхсминистр науки, образования и культуры Б. Руст в своем выступлении 16 июня 1933 г. перед первой группой студентов Берлинского университета, отправлявшейся в лагерь трудовой повинности, напутствовал их словами о том, что подлинной школой жизни для них станет не университет, а «лагеря трудовой повинности, так как там прекращаются обучение и развлечения и начинается действие» [3, с. 267]. «Тот, кто терпит неудачу в лагере, – подчеркивал министр, – утрачивает право управлять Германией как выпускник вуза». Здесь же уместно привести высказывание одного из нацистских авторов: «Национал-социализм вырвал немецкого студента из его изоляции, дал ему в руки лопату и поставил его на политической передовой трудового лагеря... Трудовой лагерь – это не гостиная и не великосветский салон; здесь господствует жизнь со всеми ее трудностями... с ее недостатками и благородством, взлетами и падениями... Цельный человек находится в цельной реальности» [6, р. 394].

«Политические солдаты в униформе, – подчеркивалось в указанной выше статье из «Немецкого студента», – двинутся в университеты. Интеллектуал боится такого варварства, но молодое поколение хочет вернуться в джунгли». В тех же выражениях было выдержано обращение к студентам профессора-историка Гамбургского университета А. Райна, с которым он выступил в начале 1933 г. «Мы немцы, – говорилось в нем, – долго несли прозвище варваров как символ чести – в варварских вторжениях в течение средних веков, когда пышно расцвел германский интеллектуальный

мир; мы были варварами в эпоху Ренессанса и в мировую войну. Бисмарка прозвали варваром. Если революцию (нацистскую – *авт.*) также называют варварской, значит, мы знаем, что мы на верном пути». (Студенты отреагировали громкими продолжительными аплодисментами) [6, р. 378, 381].

Еще более примечательным, на наш взгляд, является датированное ноябрем 1933 г. выступление М. Хайдеггера, ставшего весной того же года ректором Фрайбургского университета. Так, обращаясь к студентам, он заявил: «Ваши жизни не будут управляться догмами и «идеями». Сам фюрер, и лишь он один, теперь и в будущем – реальность Германии и ее закон».

В своей инаугурационной лекции в мае 1933 г. он провозгласил: «Множественно перевозносимая «академическая свобода» должна быть изгнана из германских университетов, поскольку эта свобода, будучи исключительно негативной, не является подлинной. Она означает, главным образом, беспечность, своевольное проявление намерений и склонностей, необязательность. Концепция свободы немецких студентов теперь возвращается к своему подлинному значению», из которого «будут проистекать будущие обязательства и обязанности немецкого студента. Первое обязательство – по отношению к народному сообществу... должно... внедряться Трудовой повинностью. Второе обязательство – по отношению к чести и судьбе нации среди других наций» – связано с военной службой. «Третье обязательство студента – духовная миссия немецкого народа...». Три службы, вытекающие из этих обязательств, – «трудовая... военная... и служба знаний – в равной степени обязательны и равнозначны...» [6, р. 382–383].

Таким образом, и в речи М. Хайдеггера, отражавшей официальную позицию нацистского руководства, несмотря на констатацию равнозначности перечисленных сфер приложения сил указанных категорий молодого поколения, овладение знаниями поставлено на последнее место. Последствия подобной политики в сфере высшего образования не заставили себя долго ждать. Командование вермахта отмечало у призывников «ежегодное снижение уровня знаний, способности мыслить логически...», а также «неадекватное владение немецким языком в его устной и письменной формах». Кроме того, многие молодые немцы устремились в бизнес и вермахт, где университетский диплом был необязателен.

В целом же общее количество студентов уменьшилось со 128 тыс. человек в 1931–1932 гг. до 57 тыс. в 1937–1938 гг. Особые потери понесли факультеты теологии и права. При этом в противовес программным установкам национал-социалистов произошло сокращение контингента студентов из среднего и нижнего среднего классов, тогда как одновременно в вузовских аудиториях возросло число молодых людей, чьи родители имели высшее образование [6, р. 396–397].

Достижению унификации студенческой жизни в Третьем рейхе должно было способствовать создание в 1933 г. Национал-социалистического германского сту-

денческого союза (НСГСС). Правда, поначалу большинство студентов стремились сохранить свободу или же отдавали предпочтение членству в многочисленных товариществах, в связи с чем возглавлявший Имперское студенческое руководство Г. Шеел высказывал беспокойство по поводу того, что студенты вполне открыто отказывались вступать в эту организацию «по идеологическим причинам» [7, р. 178].

Однако уже с апреля 1934 г. подобное поведение стало рассматриваться как несовместимое с пребыванием в вузе, членство в Союзе было объявлено обязательным для всего студенчества [8, с. 165], а в 1936 г. произошло насильственное слияние еще существовавших на тот момент товариществ с НСГСС [6, р. 379, 395].

В лице последнего власти получили довольно эффективный инструмент повседневного контроля за студенческой жизнью в Третьем рейхе и дисциплинирования студенчества, позволявший направлять характерную для молодежи тягу к радикализму в заданном режиме направления. С целью устранения каких бы то ни было помех на этом пути в вузах так же, как и в других организациях, была проведена чистка от «нежелательных элементов». К началу 1934 г. около 570 студентов были исключены из высшей школы по политическим мотивам. Ясно, что одними из первых под удар попали евреи. С принятием 25 апреля 1933 г. «Закона против переполнения германских школ и университетов» для еврейских студентов была установлена квота, составившая 1,5%, что соответствовало доле евреев среди населения страны в целом.

В некоторых же университетских городах дискриминационные меры против еврейской студенческой молодежи были введены еще ранее. Так, 1 апреля 1933 г., в день проведения общенационального антиеврейского бойкота, члены гамбургского отделения Союза добились от ректора местного университета и члена городского сената Офтердингера принятия решения ограничить доступ евреев к обучению в университете. Они же заручились согласием президента университетской администрации не рассматривать ходатайства студентов-евреев о предоставлении им финансовой помощи, а преподавателям-евреям не присваивать профессорские и доцентские звания. Кроме того, студенты еврейского происхождения регулярно подвергались со стороны своих «арийских» сверстников физическим и моральным унижениям. А в ноябре 1938 г., вслед за событиями «Хрустальной ночи», всем студентам-евреям пришлось покинуть университетские стены [6, р. 379; 8, р. 198–199].

Студенты германских вузов принимали активное участие в травле расово и политически чуждого профессорско-преподавательского состава. Так, 19 апреля 1933 г. глава «Немецкого студенчества» Г. Крюгер дал указание местным студенческим организациям разоблачать университетских преподавателей-евреев, коммунистов и социалистов, а также тех, чей подход к преподаванию «отражает их либеральную или, в особенности, пацифистскую направленность», что делает их непригодными для «обучения немецких студентов в националистическом государстве».

Естественно, очень часто мишенями становились профессора, известные как строгие экзаменаторы [6, р. 378] (правда, по некоторым данным, в 1933 г. НСГСС иногда выступал в защиту вузовских преподавателей-евреев [9, с. 164], но это были редчайшие исключения, своего рода издержки, связанные с тем, что вседозволенность в отношении «неарийцев» еще не стала всеобщей нормой жизни). В первые 12 месяцев национал-социалистического господства были уволены 14,34% всего преподавательского состава университетов и 11% профессоров. Дюссельдорф потерял 50%, Берлин и Франкфурт-на-Майне – по 32% каждый, Гейдельберг – свыше 24%, Бреслау – 22%, Геттинген, Фрайбург, Гамбург и Кельн лишились 18–19% своих педагогических кадров. В университете Киля жертвой этой кампании стали 28 представителей профессуры. Более того, студенческие активисты борьбы за «чистоту рядов» настаивали на том, чтобы в дальнейшем профессорам-евреям разрешалось публиковать свои работы только на еврейском языке, а трудоустройство работников высшей школы осуществлялось лишь с согласия студенчества. Такой же была ситуация и в других высших учебных заведениях.

Одновременно, в точном соответствии с законами драматургии тоталитарного режима, запреты и репрессии обрушились на печатную продукцию, не отвечавшую идеологическим установкам нацизма. Студенты национал-социалисты требовали изъятия из университетских библиотек учебников и курсов лекций, не вызывавших у них доверия в силу «неблагонадежности» их авторов [3, s. 266]. 10 мая 1933 г. произошло событие, вошедшее в историю Германии как «День сжигания книг» и напоминавшее о наиболее мрачных временах инквизиции.

По инициативе НСГСС на берлинской Франц-Йозеф-плац было устроено грандиозное аутодафе: студенты и другие национал-социалисты публично жгли книги 24 «нежелательных и вредных» авторов, среди которых оказались Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Стефан Цвейг, Генрих Манн, Эрих Кестнер (последний стал очевидцем происходившего) и др. В разгар этой вакханалии появился Й. Геббельс и обратился к собравшимся с зажигательной речью, «подлившей масла в огонь». «Век крайнего интеллектуализма теперь окончился, и успех германской революции вновь проложил дорогу германскому духу, – громкогласно провозгласил он. – Вы делаете правое дело, предавая дух прошлого пламени. Это сильный, великий и символический акт... Прошлое лежит в огне... Будущее поднимается из огня в наших собственных сердцах» [10, р. 68].

Именно на Национал-социалистический германский студенческий союз в значительной степени возлагалась и задача контроля за формированием у студентов национал-социалистического мировоззрения. Об этом прямо говорится в серии публикаций, помещенных в 1935 г. во втором номере журнала «Народ в становлении» (редакция последнего вообще уделяла много внимания проблемам студенчества).

Так, указав, что Союзу передано решение всех вопросов, связанных с политико-мировоззренческим воспитанием немецких студентов, Г. Мэнер, автор статьи «Политико-воспитательная работа в лагерях обучения НСГ (Национал-социалистического германского. – *авт.*) студенческого союза», отметил, что таким образом Студенческий союз продолжил выполнение той миссии, которую на предыдущем этапе осуществляли Гитлерюгенд и Трудовая повинность. Работа Союза, писал он, «способствует тому, чтобы сформировать национал-социалистических ученых, которые в будущем смогут... организовать национал-социалистически обоснованную науку». «Лучшая форма мировоззренческого воспитания немецкого студента, – продолжал Г. Мэнер, – проявилась в обучающем лагере», поскольку цель Союза – в том, чтобы воспитать людей, «которые понимают национал-социализм не только теоретически, но также живут им на практике... Такие люди не могут быть отобраны и воспитаны через доклады и лекции... а только в истинном сообществе, которое достигается лишь в дружественной совместной жизни и совместных работах, как это происходит в лагере обучения», где «господствует «закон команды» [11, s. 95]. При этом, подчеркивал Г. Мэнер, команда управляется фюрером лагеря, который является ее частью, деля со своими подчиненными радость и страдание.

Подобные лагеря функционировали в каникулярное время. Помимо «умственной обучающей работы» их обитатели занимались спортом и различными видами трудовой деятельности. В качестве примера автор статьи привел лагерь Студенческого союза, действовавшие во время осенних каникул 1934 г. Студенты «собирали в лесах дерево, размельчали сухие ветки и сучья, связывали их и грузили хворост в грузовики, в которых собранный горючий материал перевозился к пунктам организации «Зимней помощи», либо оказывали крестьянам окрестных деревень помощь в уборке урожая, «приобретая таким образом связь с крестьянскими фольксгеноссен, которая становилась намного искренней, чем того можно было достичь через общие митинги и праздники».

Не последнюю роль в сплочении таких студентов, по мнению Г. Мэнера, играли дружеские вечера, в ходе которых, собираясь «после тяжелой дневной работы» у костров, все дружно исполняли «старые боевые песни» нацистского движения, а фюрер лагеря зачитывал отрывки из национал-социалистической литературы [11, s. 96–98].

Сходные мысли приводились и в статье Х. Кремера «Культурно-политические задачи НСГ студенческого союза», напечатанной там же. «Национал-социализм в немецких высших школах, – говорилось в ней, – нуждается в команде, которая одержима сознанием социальных и национальных связей, охватывающих всю нацию, обладает желанием и силой, научными и культурными элементами, постановкой цели и системой для того, чтобы в прочном самовоспитании соответствующим образом выполнять общие требования...» [12, s. 99].

Начальник Имперской службы А. Дерихсвайлер в публикации «Студент движения» ставил на первое место долг студенчества перед фатерландом. «Мы хотим воспитывать парней, которые бы не ударили лицом в грязь во всех сферах и в любых жизненных ситуациях; тех, для кого мысль о народе и отечестве является всем и для кого сама жизнь означает исключительно обязанность и труд», – подчеркивал он [13, s. 84].

Руководитель Расово-политического управления НСДАП В. Гросс, чья статья «О новой боевитости студента» была опубликована в том же номере журнала, писал, что студенческая молодежь «должна... быть носителем духовной борьбы за единство нового образа мира», а для достижения поставленных перед ней режимом целей она нуждается в трех добродетелях – «послушания и дисциплины своего включения в народ; ...прилежания и верности своим профессиональным обязанностям; ...героя и борца, который ясно осознает величие своей борьбы и потому любит ее», черпая «из этой любви к великой борьбе... силу для победы» [14, s. 93].

Приведенные высказывания носили программный характер и в дополнительных комментариях не нуждаются.

Для реализации поставленных перед ним задач студенчество, как и молодежь в целом, должно было отличаться отменным здоровьем. В рамках организации «Имперское студенческое дело», созданной Законом от 2 ноября 1934 г. (она объединяла 64 имперские немецкие высшие школы и 51 местную студенческую организацию), была образована студенческая «служба здоровья», существовавшая исключительно за счет студенческих взносов.

Как отмечал Х. Штрайт, посвятивший ее деятельности специальную статью, к ее компетенции относились: осуществление отбора среди абитуриентов с целью отсева не подходивших по медицинским, расово-гигиеническим и наследственно-биологическим показателям; проведение обязательных обследований студентов, в частности в связи с широким распространением среди них туберкулеза; создание студенческих больничных касс, забота о больных, страхование при несчастных случаях. Неукоснительно следуя воле фюрера, требовавшего от руководства вузов обращать внимание, «во-первых, на здоровье, во-вторых, на выработку характера, в-третьих, на одаренность», «Имперское студенческое дело», подчеркивал автор статьи, «тесно сотрудничает со службами, в которых студент должен доказать свою человеческую и политическую позицию» – с Гитлерюгенд, СА, СС, Трудовой повинностью, рейхсвером, профсоюзами и НСГСС.

Согласно приводимым Х. Штрайтом данным, больничная касса компенсировала каждому из 100 тыс. студентов почти 70% всех расходов на лечение в случае болезни при среднем посеместровом взносе в размере шести рейхсмарок, взимаемом с каждого студента. Те же взносы в фонд страхования от несчастных случаев составляли 1 рейхсмарку, в то время как компенсация ущерба за счет этого фонда могла достигать суммы в 20 тыс. рейхсмарок. Помимо всего прочего, в рамках «Имперского

студенческого дела» действовала ссудная касса, из фондов которой, если верить Х. Штрайту, 30 тыс. студентов были выданы долгосрочные ссуды на общую сумму в 16 млн рейхсмарок [15, с. 131, 133–135].

Допуская, что указанные Х. Штрайтом цифры являются завышенными (такой вывод можно сделать из пропагандистского характера его публикации), и не имея возможности проверить их достоверность, мы, тем не менее, не видим сколько-нибудь веских оснований подвергать сомнению сам факт подобной поддержки, осуществлявшейся нацистами в отношении той части отвечавшего официальным критериям полноценности студенчества, которая испытывала материальные затруднения. Подобная политика в полной мере отражала тоталитарно-социальный характер Третьего рейха. Материальная помощь, оказывавшаяся определенным кругам студенческой молодежи (в том числе и за счет взносов самих студентов), безусловно, была реальной. Однако она имела свою вполне конкретную цену, позволяя властям коррумпировать студенческое сообщество и таким образом еще теснее привязать его к режиму, а в дальнейшем интегрировать в так называемое «народное сообщество».

Новый режим изначально декларировал негативное отношение к высшему женскому образованию (по мнению лидеров национал-социализма, женщины должны были рожать детей и заниматься домашним хозяйством, не помышляя о карьере). 25 апреля 1933 г. для студенток была установлена десятипроцентная квота, что привело в довоенный период к резкому сокращению их доли: с 18,5% в годы, предшествовавшие приходу нацистов к власти, до 11,2% в 1939 г. Те же немки, которые смогли пробиться в число «избранных», должны были, как и их сокурсники, помимо овладения знаниями брать на себя дополнительные обязательства по отношению к фа-терланду.

В статье, посвященной женскому высшему образованию (1935 г.), Р. Гензекке писала, что «осознание необходимости включить каждую студентку в дело строительства Третьего рейха, с тем чтобы она... находилась в центре своего народа, чувствовала себя частью происходящего в народе и содействовала этому», породило требование создания в немецком студенчестве главной службы для студенток. «Вот уже на протяжении трех семестров, – отмечала она, – каждая студентка... охвачена в рамках студенческого служебного плана, который требует от нее регулярных занятий спортом, сотрудничества в Национал-социалистической народной благотворительности [16], ...в организации «Зимней помощи» [17, с. 438–472], интенсивной подготовки в противовоздушной обороне, оказании первой помощи» [18, с. 114].

Уже в довоенные годы режиму удалось вовлечь подавляющее большинство всех категорий молодежи, не в последнюю очередь студенчества, в осуществление проводимой им политики. Несмотря на то, что именно в молодежной среде чаще, чем среди других групп населения, властям приходилось встречаться с проявлениями оппозиционности (это отчасти объяснялось возрастными особенностями молодежи),

основная часть молодого поколения послушно «держала шаг», демонстрируя ежеминутную готовность выполнить любой приказ своих фюреров. Это в полной мере проявилось в период войны, начало которой для вузов, по понятным причинам, ознаменовалось тем, что количественное соотношение между мужской и женской студенческой молодежью изменилось в пользу последней. К 1944 г. девушки и женщины составляли почти половину всех обучающихся в университетах рейха [6, р. 397].

Был поставлен вопрос и о сокращении части теологических факультетов. 6 марта 1940 г. Геббельс поручил статс-секретарю Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Л. Гуттереру направить соответствующий запрос в Министерство народного образования, обосновав его тем, что «количество студентов-богословов во многих университетах не соответствует числу преподавателей»¹. Это явилось отражением продолжавшихся усилий партийных и государственных инстанций рейха по ослаблению влияния церкви на молодежь, ставших в военное время еще более актуальными: на проводимом Геббельсом 31 июля 1940 г. инструктаже в министерстве Гуттерер получил указание министра проверить информацию о том, что некий потсдамский священник сказал в своей проповеди: «Господи! Смилуйся над нашей молодежью, которая бесцельно проводит жизнь». «В том случае, если это правда, – подчеркнул Геббельс, – Гуттерер должен в не допускающей сомнения форме объяснить священнику, что при повторении подобного его ожидает концлагерь»².

Разумеется, важную роль в нацификации (индоктринации) студенческой молодежи играли проводившиеся нацистским режимом в рамках осуществлявшейся им социальной политики меры поддержки стремившихся к получению высшего образования лиц, имевших военные заслуги перед Германией. Так, предписанием Руста от 20 апреля 1941 г., с изменениями и дополнениями от 30 апреля и 21 сентября 1942 г., «участникам нынешней войны, которые хотят учиться или намереваются продолжить уже начатую учебу», предоставлялись налоговые льготы и денежные дотации, суммы которых были тем больше, чем продолжительнее был срок их военной службы. «В случае необходимости, – говорилось в документе, – участники войны могут быть поощрены во время их учебы дополнительно получаемыми льготами». Освобождение от налогов распространялось на «супругов и детей, павших в нынешней войне, или участников войны, умерших вследствие ранения на военной службе».

При этом инвалиды войны, а также ее участники, чей срок выслуги составлял более трех с половиной лет действительной военной службы, из которых, по меньшей мере два года приходилось на военные годы, полностью освобождались от оплаты за обучение. Для остальных категорий военнослужащих устанавливалась сле-

¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 6. Л. 6.

² РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10. Л. 44.

дующая градация: свыше двух, двух с половиной, трех лет действительной военной службы (из них в каждом из перечисленных случаев, соответственно, не менее полу-года, года, полутора лет во время войны) давали право (в той же последовательности) не платить за четверть, половину, три четверти всего или оставшегося периода обучения. Тем же фронтовикам, которые уже являлись выпускниками вузов, но стремились продолжить свое образование, подобные льготы предоставлялись лишь в том случае, если для этого имелись серьезные основания: необходимость получения соответствующей профессии или смены последней вследствие ранения, приведшего к инвалидности¹. Ректор вуза, в который поступал такой льготник, мог по согласованию с местным студенческим фюрером аннулировать освобождение от оплаты в случае низкой успеваемости или плохого поведения последнего. Женам и детям павших в войне или умерших вследствие полученного в ней ранения предоставлялось право бесплатного получения образования на весь период обучения².

В то же время в годы войны, особенно на ее заключительном этапе, контроль за студенчеством был вынужденно временно ослаблен. Студенты, прибывавшие в краткосрочный отпуск для продолжения учебы, оставались под военной юрисдикцией и не были обязаны следовать приказам студенческих лидеров. В связи с этим они не выказывали особого пиетета по отношению к НСГСС.

Согласно донесениям СД подобные студенты предпочитали предаваться радостям свободной частной жизни, игнорируя участие в собраниях, партийной работе и тому подобных мероприятиях. «После их длительного пребывания в суровых условиях военной жизни они хотят вновь самостоятельно планировать свои собственные дела, посвящать себя... занятиям и самостоятельно распоряжаться своим временем», – констатировалось в одном из таких сообщений [7, р. 179]. Однако, несмотря на сказанное, если не считать деятельности подпольной организации «Белая Роза», сколько-нибудь заметной оппозиции режиму в студенческой среде не наблюдалось. Основная масса студенчества дисциплинированно выполняла диктуемые военным временем обязанности. В начале зимнего семестра 1944–1945 гг. 54% всех студентов были одновременно призваны на действительную военную службу. Те же из них, кого чаша сия миновала, и профессура должны были принимать участие в фольксштурме [7, р. 180].

Выводы

На основании изложенного можно констатировать, что поставленная нацистским политическим руководством цель индоктринации и нацификации студенческой молодежи в основном была достигнута. Созданный политико-правовой индоктринационный механизм работал эффективно, что, разумеется, дало свои результаты. За относи-

¹ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

² РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

ительно непродолжительный период существования гитлеровского режима национал-социалистическая идеология пустила в немецком студенчестве глубокие корни.

С одной стороны, это явилось следствием перманентного пропагандистского и карательного пресса, подавления малейших намеков на проявление инакомыслия со стороны отдельных представителей студенческого сообщества, установления для последних соответствующих карьерных барьеров. Однако не меньшее значение имело и то, что партийным и государственным структурам Третьего рейха удалось увлечь значительную часть вузовской молодежи стоявшими перед страной задачами в области внутренней и внешней политики, с решением которых геббельсовская пропаганда связывала возрождение Германии, возвращение ее в сонм мировых держав, выполнение «исторической миссии» сокрушения «неполноценных» в расовом отношении народов и ликвидации исходившей от них «цивилизационной угрозы». Лишь крах нацистского режима поставил крест на его планах соответствующего использования социального потенциала немецкого студенчества.

Рассмотрение и анализ обширного фактического материала позволяет выделить основные структурные элементы сформировавшегося в государственно-правовом и социальном пространстве Третьего рейха механизма индоктринации (нацификации):

1) национал-социалистская доктрина: «антропологическая парадигма», «образ семьи», смысл и значение образования (обучения, воспитания), его первоочередные цели и искомые результаты, место в идеологическом поле «арийского» государства, гендерные ценности и соответствующие им основы социальной политики;

2) нормативно-правовой (законодательный) элемент, предполагающий разработку законодательных актов, необходимых для индоктринационной работы в студенческо-молодежной среде;

3) институционально-организационная составляющая, т.е. молодежные (студенческие и иные) организации, университеты, школы, профессиональные корпорации и др., участвующие в нацификации подрастающего поколения;

4) технологический элемент, включающий в себя способы индоктринации и нацификации, методы воздействия на политическое и правовое сознание студентов и других представителей молодежи Германии в 30-х и 40-х годах XX в., символы и ритуалы, задействованные в этом процессе, и т.п. Ясно, что технологии индоктринации и нацификации постоянно «оттачивались», их эффективность была в центре внимания имперского идеологического аппарата.

Список источников

1. Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. 685 с.
2. Fascism. Three Major Regimes / ed. by H. Lubasz. New York, 1973. 188 p.
3. Koch H.W. Geschichte der Hitlerjugend. Ihre Ursprünge und ihre Entwicklung 1922–1945. Percha am Starnberger See: Verlag R. S. Schultz, 1975. 487 s.

4. Kater M.H. The Nazi Party. A social profile of members and leaders, 1919–1945. Cambridge; Massachusetts: Harward University Press, 1983. 415 p.
5. Ерин М.Е., Ермаков А.М. Имперская трудовая повинность в нацистской Германии (1933–1945). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1998. 195 с.
6. Noakes J. The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich // Journal of European Studies. Literature and ideas from the renaissance to the present. 1993. Vol. 23, part 4, no. 92. P. 394.
7. Giles G.J. The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich // The Shaping of the Nazi State / ed. by P.D. Stachura. London: Croom Helm; New York: Barnes and Noble Books, 1978. P. 153–180.
8. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 323 с.
9. Giles G.J. University Government in Nazi Germany: Hamburg // Minerva. A Review of Science, learning and policy. 1978. Vol. XVI, no. 2. P. 198–199.
10. Bramstedt E.K. Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925–1945. London, 1965. 488 p.
11. Mähner G. Die Politische Erziehungsarbeit in den Schulungslagern des NSD Studentenbundes // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 95.
12. Kremer H. Die kulturpolitischen Aufgaben des NSD Studentenbundes // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 99.
13. Derichsweiler A. Student der Bewegung // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 84.
14. Groß W. Vom neuen Kämpfertum des Studenten // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 93.
15. Streit H. Das Reichsstudentenwerk // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 131–135.
16. Legislative basis of activities of «National-Socialist People's Welfare» within the Framework of Social Legal Policy of the Nazi Regime / R.S. Izudinova, E.A. Palamarchuk, Y.P. Pariy-Sargeenko, I.A. Sarychev, G.G. Slobodyanyuk // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 181–188.
17. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха и ее законодательная основа (историко-правовое исследование). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. URL: <https://equuleusbook.xyz/books/sotsialnaya-politika-tretego-r>
18. Gaensecke R. Die Entwicklung des Frauenstudiums und seine Aufgabe im heutigen Staat // Volk im Werden. 1935. Jg. 3, no. 2. S. 114.

References

1. Plato. Essays. Moscow, 1971. Vol. 3. Part 1. 685 p. (In Russ.).
2. Lubasz H. (ed.). Fascism. Three Major Regimes. New York, 1973. 188 p.
3. Koch H.W. History of the Hitler Youth. Their origins and development 1922–1945. Percha on Lake Starnberg: Verlag R. S. Schultz, 1975. 487 p. (In Germ.).

4. Kater M.H. The Nazi Party. A. Social profile of members and leaders, 1919–1945. Cambridge; Massachusetts: Harward University Press, 1983. 415 p.
5. Erin M.E., Ermakov A.M. Imperskaya trudovaya povinnost' v natsistskoi Germanii (1933–1945) [Imperial labor conscription in Nazi Germany (1933–1945)]. Yaroslavl: Yarosl. University Publ. House, 1998. 195 p.
6. Noakes J. The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich. *Journal of European Studies. Literature and ideas from the renaissance to the present*, 1993, vol. 23, part 4, no. 92. P. 394.
7. Giles G.J. The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich. In: Stachura P.D. (ed.). *The Shaping of the Nazi State*. London: Croom Helm; N.Y.: Barnes and Noble Books, 1978, pp. 153–180.
8. Anikeev A.A., Kolga G.I., Pukhovskaya N.E. NSDAP: ideologiya, struktura i funktsii [NSDAP: ideology, structure and functions]. Stavropol: SSU Publ. House, 2000. 323 p.
9. Giles G.J. University Government in Nazi Germany: Hamburg. *Minerva. A Review of Science, learning and policy*, 1978, vol. XVI, no. 2, pp. 198–199.
10. Bramstedt E.K. Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925–1945. London, 1965. 488 p.
11. Mähner G. Political educational work in the training camps of the NSD Student Association. *People in the making*, 1935, vol. 3, no 2, pp. 95. (In German).
12. Kremer H. The cultural-political tasks of the NSD student union. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 99. (In Germ.).
13. Derichsweiler A. Student of the movement. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 84. (In Germ.).
14. Groß W. On the new fighting spirit of the student. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 93. (In Germ.).
15. Streit H. The Reich Student Union. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 131–135. (In Germ.).
16. Izudinova R.S., Palamarchuk E.A., Pariy- Sargeenko Y.P., Sarychev I.A., Slobodanyuk G.G. Legislative Basis of Activities of "National-Socialist People's Welfare" within the Framework of Social Legal Policy of the Nazi Regime. *Journal of Politics and Law*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 181–188.
17. Palamarchuk E.A. Sotsial'naya politika Tret'ego reikha i ee zakonodatel'naya osnova (istoriko-pravovoe issledovanie) [Social policy of the Third Reich and its legislative basis (historical and legal research)]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. URL: <https://equuleusbook.xyz/books/sotsialnaya-politika-tretego-r>.
18. The development of women's studies and its role in today's state. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 114. (In Germ.).

Информация об авторах

А.Ю. Мамычев – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

А.Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Information about the authors

A.Yu. Mamychev – Doctor of Political Studies, Associate Professor, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

A.Yu. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.

E.A. Palamarchuk – Doctor of Historical Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 116–127.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 116–127.

Научная статья

УДК 327(519.5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/116-127>

ПЕРВЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПРЕЗИДЕНТА ЮН СУК ЁЛЯ

Лариса Вячеславовна Забровская

Институт истории археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия,
larisa_zabrovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0076-4209>

Аннотация. Статья посвящена изучению концепции и основных направлений внешней политики нового южнокорейского президента Юн Сук Ёля. Прослежен порядок выбора членов команды Юн Сук Ёля и дана характеристика его предвыборной программы. В правительство Юн Сук Ёля вошли бывшие соратники президента Ли Мён Бака, что свидетельствует о намерении нового президента продолжить консервативный курс своего предшественника. В статье представлена оценка первых внешнеполитических шагов новой южнокорейской администрации. Исследовано содержание американо-южнокорейских переговоров и обращено внимание на намерение Юн Сук Ёля расширить контакты с Японией и усилить их общее давление на КНДР. Уделено внимание планам южнокорейских военных относительно атомного проекта КНДР.

Освещена позиция Республики Корея в отношении событий на Украине и пояснены меры, к которым прибегла новая южнокорейская администрация по поддержке украинских националистов. Представлена критическая оценка действий администрации президента Юн Сук Ёля в отношении Украины и НАТО. Проанализированы цели расширения военно-политического сотрудничества между США и РК, что выразилось в проведении совместных военно-морских учений, участии РК в совещании стран НАТО, намерении новой южнокорейской администрации присоединиться к другим американским военным структурам в Восточной Азии и избежать участия в китайской экономической инициативе «Один пояс и один путь». Сделан вывод о намерении администрации президента Юн Сук Ёля подчинить внешнюю политику своей страны интересам США, что, по его мнению, позволит Республике Корея укрепить свои внешнеполитические позиции и противостоять «агрессивным намерениям» КНДР.

Ключевые слова: Республика Корея, президент Юн Сук Ёль, президент Ли Мён Бак, Сеул, США, КНДР, Украина, Япония, внешняя политика, военно-морские маневры, НАТО.

Для цитирования: Забровская Л.В. Первые внешнеполитические шаги президента Юн Сук Ёля // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 116–127.

Original article

PRESIDENT YOON SUK YEOL'S FIRST FOREIGN POLICY STEPS

Larisa V. Zabrovskaya

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia,
larisa_zabrovskaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept and main directions of the foreign policy of the new South Korean President Yoon Suk Yeol. The procedure for selecting members of Yoon Suk Yeol's team is traced and a description of his election program is given. The government of Yoon Suk Yeol included former associates of President Lee Myung-bak, which indicates the new president's intention to continue the conservative course of his predecessor. The article presents an assessment of the first foreign policy steps of the new South Korean administration. The content of the US-South Korean negotiations is examined and attention is drawn to Yoon Suk Yeol's intention to expand contacts with Japan and increase their overall pressure on the DPRK. Attention is paid to the plans of the South Korean military regarding the DPRK nuclear project. The position of the Republic of Korea regarding the events in Ukraine is highlighted and the measures taken by the new South Korean administration to support Ukrainian nationalists are explained. A critical assessment of the actions of the administration of President Yoon Suk Yeol in relation to Ukraine and NATO is presented. The goals of expanding military-political cooperation between the United States and the Republic of Korea are analyzed, which was reflected in the conduct of joint naval exercises, the participation of the Republic of Korea in a meeting of NATO countries, the intention of the new South Korean administration to join other American military structures in East Asia and avoid participation in the Chinese economic initiative "One belt and one road." It is concluded that the administration of President Yoon Suk Yeol intends to subordinate the foreign policy of his country to the interests of the United States, which, in his opinion, will allow the Republic of Korea to strengthen its foreign policy positions and resist the "aggressive intentions" of the DPRK.

Keywords: Republic of Korea, President Yoon Suk Yeol, President Lee Myung-bak, Seoul, the USA, North Korea, Ukraine, Japan, foreign policy, naval maneuvers, NATO.

For citation: Zbrovskaya L.V. President Yoon Suk Yeol's first foreign policy steps. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 116–127. (In Russ.).

Введение

10 мая 2022 г. прошла инаугурация нового южнокорейского президента Юн Сук Ёля. Он пожелал войти в историю своей страны под лозунгом «Обновим Корею для своих граждан». Это подразумевает начало новой эпохи для страны, пережившей трудности пандемии COVID-19 и желающей сделать «большой рывок вперед». В качестве эмблемы правления Юн Сук Ёля использован «тонсимгёль» (сложный узел из цветных шнуров), символизирующий преданность новой Корее. На инаугурацию прибыло много зарубежных высокопоставленных гостей, выразивших поддержку новому президенту. В частности, Китай представлял заместитель председателя КНР Ван Цишан, являющийся вторым лицом в китайской политической иерархии, что, по-видимому, означало, что в Пекине придают важное значение отношениям с Республикой Корея (РК) на фоне военно-экономического противостояния с США. Японию представлял министр иностранных дел Ёсимаса Хаяси, близкий соратник премьер-министра Фумио Кисида, что также свидетельствует о намерении японской стороны улучшить отношения с Сеулом.

Личность нового президента

Каждые президентские выборы в РК являлись поводом для обсуждения актуальных внутренних проблем и результатов деятельности предыдущей администрации. Как правило, дискуссии затрагивали экономическую ситуацию в стране: уровень зарплат и налогов, состояние экологии, проблемы демографии и др. Внешняя политика и отношения с другими государствами мало интересны южнокорейцам. Поэтому внешнеполитические вопросы почти не обсуждались в ходе предвыборных дебатов, хотя каждый кандидат делал краткие заявления о своем видении внешней политики РК и её месте в мире.

Президентские выборы 2022 г. весьма необычны для РК. Это был выбор между непопулярными кандидатами. Поэтому отрыв выигравшего консервативного кандидата Юн Сук Ёля из Партии народной власти стал минимальным – 0,8% (перевес составил всего в 247 тыс. голосов). Привычки нового президента весьма нехарактерны для южнокорейца. Он бездетный и большой любитель домашних животных: владеет четырьмя собаками и тремя кошками. В прессе перечисляются имена всех животных. В еде непритворлив и предпочитает лапшу, а не рис. Является поклонником

иностранного политика – Уинстона Черчиля. Кроме всего прочего, он не служил в армии – большой минус для гражданина РК. Его оппоненты усматривают в этом недостаток патриотизма [1].

Будучи профессиональным юристом и занимая пост генпрокурора, он участвовал в расследовании коррупционных дел, в том числе и против предыдущего президента Пак Кынхе. Благодаря этому он прославился и стал популярным медийным лицом. Таких называют «искусственными политиками», так как они приходят в политику неожиданно и не имеют соответствующего опыта.

Юн Сук Ёль никогда не занимался внешней политикой, поэтому стал полагаться на южнокорейских дипломатов, которые ранее служили в администрации консервативного президента Ли Мён Бака. 15 марта 2022 г. Юн Сук Ёль объявил состав своей переходной группы, в которой три эксперта были включены в подкомитет по иностранным делам и безопасности. Это бывший заместитель министра иностранных дел Ким Сон Хан, бывший секретарь президента по стратегии национальной безопасности Ким Тэ Хё и бывший заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов Ли Чон Соп. Общее между ними заключалось в том, что все они занимали высокие должности в администрации консервативного президента Ли Мён Бака (2008–2013 гг.) [1], при котором отношения с КНДР были на грани войны. Судя по членам его команды, остается предположить, что во внешней политике он намерен продолжить консервативный курс президента Ли Мён Бака.

Во внутренней политике президент Юн Сук Ёль использует опытных технократов, которые уже имеют навыки руководства в государственных структурах. Так, после длительных споров южнокорейский парламент утвердил в должности премьер-министра Хан Док Суна, который в 2007–2008 гг. уже занимал эту должность в администрации президента Но Му Хёна. В своей речи новый южнокорейский премьер-министр заявил, что для «восстановления финансовой устойчивости и сплочения населения страны необходимо сосредоточить усилия на стабилизации экономики» [2]. Другой важной должностью является позиция спикера Национального собрания, по кандидатуре которой также разгорелись споры. В результате был избран депутат от оппозиционной Демократической партии «Тобуро» Ким Чжин Пхе. Он исполняет свои обязанности до новых парламентских выборов, которые пройдут в мае 2024 г. Избрание Ким Чжин Пхе стало результатом того, что Демократической партии «Тобуро» принадлежит большинство мест в парламенте. Таким путем произошло образование баланса сил на южнокорейском политическом поле.

Предвыборная программа Юн Сук Ёля

В ходе избирательной кампании Юн Сук Ёль неодобрительно высказывался о северо-корейской политике своего предшественника – президента Мун Чжэ Ина, считая, что РК должна занять более жёсткую позицию в отношении КНДР и согласовывать

свои действия с США. Поэтому произошло расширение американо-южнокорейского военного сотрудничества, проведение американо-южнокорейских военных маневров у демилитаризованной зоны и осуществлялись поставки американского вооружения. На это КНДР отвечает новыми запусками ракет, но при этом избегает проводить испытания ядерного оружия. Следовательно, межкорейская конфронтация вполне способна усилиться. Иными словами, Юн Сук Ёль показал себя как «политический ястреб» в отношении КНДР. Тем не менее в своей речи при вступлении в должность президента он смягчил риторику и выдвинул Пхеньяну относительно дружеские предложения, заявив: «Хотя ядерные программы Северной Кореи представляют угрозу не только для нашей безопасности, но и безопасности США в целом, дверь для диалога останется открытой, чтобы мы могли решить эту угрозу мирным путем» [3].

В своей предвыборной программе Юн Сук Ёль также подчеркивал важность усиления сдерживания КНДР путём налаживания отношений с южнокорейскими союзниками. Он раскритиковал политику своего предшественника в отношении КНДР как политику умиротворения. Юн Сук Ёль дал понять, что будет активно сотрудничать со «странами-демократиями», в частности с США. Ожидается, что РК станет послушным союзником США по введению санкций против России, Китая и других стран.

По традиции первый зарубежный визит Юн Сук Ёля планировался в Вашингтон, где стороны намеревались обсудить возможности по ужесточению политики против КНДР и укреплению военного союза между США и РК. Однако встреча двух президентов произошла в Сеуле 21 мая 2022 г., что довольно нехарактерно для истории американо-южнокорейских отношений. По всей видимости, это вызвано тем, что США, нуждаясь в РК как военно-политическом союзнике, стремятся показать своё одобрение внешнеполитическим планам Юн Сук Ёля.

На прошедшем 21 мая 2022 г. американо-южнокорейском саммите стороны договорились о сотрудничестве в области военно-экономической безопасности и участии РК в различных региональных политических и экономических структурах. Стороны также выразили единое мнение относительно требования к руководству КНДР отказаться от ядерного оружия. Кроме того, Юн Сук Ёль поддержал стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе и высказался за «свободу навигации в Южно-Китайском море, а также стабильность в Тайваньском проливе» [4]. Юн Сук Ёль обещал активно участвовать в американских проектах по выстраиванию новых глобальных цепочек поставок вооружения и планов сотрудничества в стратегически важных направлениях экономики и технологий, где не будет присутствовать Китай. Так, по мнению американских стратегов, станет реализовываться план по технологической изоляции Китая. В свою очередь Юн Сук Ёль фактически дал понять о неприемлемости для РК участия в китайской экономической инициативе «Один пояс и один путь».

Отношения с Китаем и военно-политический союз с США во многом определяют политическое и экономическое будущее РК. Остаётся предположить, что в пятилетний период своего правления Юн Сук Ёлю придётся балансировать между США и Китаем, на который приходится 27% внешней торговли РК [5]. Одновременно возможно расширение контактов между РК и Тайванем, поскольку южнокорейская экономика очень нуждается в тайваньских микрочипах. В то же время Россия не интересна администрации Юн Сук Ёля, и он намерен расширить экономические санкции против неё. Возможно, это связано с тем, что РК, закупая всего лишь 6% российского газа, сравнительно независима от энергетических поставок из России.

Одной из инициатив Юн Сук Ёля является восстановление двусторонних отношений с Японией. Сразу после прихода к власти он стремился провести с Токио двустороннюю встречу на высшем уровне, но не смог её организовать, поскольку две страны все ещё имеют разные взгляды на нерешённые исторические споры. Тем не менее Юн Сук Ёль публично выразил надежду на развитие двусторонних отношений с японским премьер-министром Кисидой, заявив после встречи в Мадриде, что он уверен, что Кисида «станет партнером в решении проблем между Южной Кореей и Японией». В данном случае имеется в виду, что Республика Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия были приглашены на саммит НАТО в Мадриде в июне 2022 г. и между ними должны были состояться переговоры [6]. Однако переговоры ограничились встречей между президентом Юн Сук Ёлем и японским премьером Кисидой.

Участие в саммите НАТО

Одним из значимых событий стал первый зарубежный визит президента Юн Сук Ёля в Мадрид для участия в совещании стран НАТО, хотя РК, как, впрочем, и Япония, не является членом Организации Североатлантического договора (НАТО). В ходе заседаний стран-участниц состоялась встреча лидеров США, РК и Японии. Поскольку главы этих трёх государств уверены, что Пхеньян готовится провести седьмое ядерное испытание, они договорились ответить на ядерные и ракетные угрозы КНДР посредством трёхстороннего сотрудничества. Во время трёхсторонних переговоров президент США Дж. Байден подчеркнул: «Наше трёхстороннее сотрудничество необходимо для достижения нашей общей цели, включая полную денуклеаризацию Корейского полуострова и свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» [6].

Президент Юн Сук Ёль выразил «искреннюю признательность» Байдену за организацию 25-минутной трёхсторонней встречи, отметив при этом, что он «рад встрече с премьер-министром Японии Кисидой Фумио». Он также отметил, что «...ядерные и ракетные угрозы КНДР продолжают развиваться, и глобальный ландшафт сталкивается с растущей неопределённостью, что делает наше трёхстороннее

партнерство еще более значимым». Во время своего короткого выступления Юн Сук Ёль призвал международное сообщество продемонстрировать свою твердую волю, чтобы «вытянуть Северную Корею на путь денуклеаризации». Он назвал ядерную и ракетную программы Севера «явным нарушением резолюций СБ ООН и серьезным вызовом миру и безопасности на Корейском полуострове и международному сообществу» [6].

В свою очередь МИД КНДР осудил «враждебность», которую проявили США, РК и Япония во время саммита НАТО, подчеркнув, что эти три страны «объединили свои усилия для конфронтации с КНДР и обсудили опасные совместные военные контрмеры против неё, включая запуск трёхсторонних совместных военных учений, оспаривая её законное право на осуществление самообороны без каких-либо ограничений» [7]. Пресс-секретарь МИД КНДР также отметил, что саммит НАТО доказал намерение США одновременно сдерживать Китай и Россию, «усиливая милитаризацию Европы» и «формируя военный альянс, подобный НАТО, в Азиатско-Тихоокеанском регионе». По словам представителя МИД КНДР, «трёхсторонний военный союз США, Южной Кореи и Японии является важным средством для реализации этого плана» [8]. В связи с этим пресс-секретарь МИД КНДР заявил, что его страна будет надежно защищать суверенитет страны и её территорию от разного рода угроз, вызванных «враждебными действиями США и их вассалов», и выполнять свой ответственный долг по обеспечению мира и безопасности на Корейском полуострове и в регионе.

Представители оппозиционной Демократической партии «Тобуро» выразили сомнения в оправданности визита на саммит НАТО, заметив, что страны-участницы обсудили возможности реагирования на «российскую и китайскую угрозу... это может быть воспринято как официальная позиция и ухудшит отношения РК с Китаем и Россией». Бывший дипломат и специалист по России Пак Пён Хван также подверг критике намерение Юн Сук Ёля посетить саммит НАТО в Мадриде, заметив, что «поездка не отвечает нашим национальным интересам и мы сами делаем всё, чтобы превратиться во врагов России» [9]. Тем не менее администрация президента Юн Сук Ёля продолжила курс на обострение отношений не только с КНДР, но и Россией.

Новая администрация РК и события на Украине

25 февраля 2022 г. администрация президента Мун Чжэ Ина ввела вслед за Евросоюзом и США санкции против России и Белоруссии, что подразумевало запрет на экспорт в эти две страны стратегического оборудования двойного назначения и электронных товаров. В зарубежной прессе отмечалось, что на Украине присутствуют южнокорейские наёмники, которые скорее всего являются наблюдателями, специально посланными южнокорейскими спецслужбами. Одновременно власти КНДР и РК обращали внимание на то, как разворачиваются события на Украине,

интересуясь, прежде всего, будет ли использовано ядерное оружие. Понятно, что южнокорейские военные уже сделали для себя определенные выводы. В связи с этим в начале апреля 2022 г. произошла перепалка между южнокорейскими военными и северокорейскими политиками. Дело в том, что южнокорейский министр обороны Су Юк заявил 1 апреля 2022 г., что РК так же, как и на Украине, способна нанести внезапный упреждающий удар по КНДР и разрушить её ядерные объекты.

На это северокорейские официальные лица ответили гневной речью, заявив, что тогда и КНДР нанесёт еще более мощный удар по РК. В перепалку вмешалась сестра Ким Чен Ына, подчеркнувшая, что КНДР является «атомной державой и не потерпит подобных заявлений». В данном случае северокорейская сторона увидела в украинских событиях шанс для повышения своей значимости, утверждая, что тоже способна «нанести упреждающий удар» [10]. Для Севера ценность ядерного оружия повысилась в качестве инструмента сдерживания и политического маневрирования. В свою очередь военные РК высказали намерение получить у США новейшее вооружение и еще раз заявили о необходимости создания собственного ядерного оружия.

Свою лепту в антироссийскую риторику внёс и южнокорейский президент Юн Сук Ёль, который провёл телефонные переговоры с украинским президентом В. Зеленским, выразил ему свою поддержку, пообещал гуманитарную помощь и пригласил посетить РК с официальным визитом после «окончания войны с Россией» [9]. 11 апреля 2022 г. В. Зеленский выступил по видеосвязи в южнокорейском парламенте и поблагодарил за оказанную помощь и поддержку. Министры иностранных дел РК и Украины также провели переговоры по видеосвязи и договорились о поддержке.

В 2022 г. РК отправила на Украину гуманитарную помощь общей стоимостью в 40 млн долл. Это в основном медикаменты и медицинское оборудование. Власти РК позволили гражданам Украины, у которых не было виз и иностранных паспортов, въехать на территорию РК на период в 90 дней в качестве туристов. Их статус будет продлеваться, если это потребуется. В апреле 2022 г. в РК находилось 370 беженцев из Украины. В связи с этим необходимо отметить, что согласно опросам общественного мнения, проведенного агентством «Хангук Гэлоп», 72% южнокорейцев высказались, чтобы южнокорейская помощь Украине ограничилась товарами невоенного назначения – медикаментами и продуктами питания. За военную помощь проголосовали лишь 15% опрошенных. В целом южнокорейцы не одобрили намерение администрации президента Юн Сук Ёля принять активное участие в конфликте на Украине [9].

Как видно, украинские события становятся ярким маркером, позволяющим определить цель и задачи каждой из сторон межкорейского противостояния и их стремления начать военные действия. Интересно отметить, что за три недели до

своего избрания президент Юн Сук Ёль заявил, что сама по себе «Украина Корею не интересна, но поскольку внимание мировой общественности сосредоточилось на Украине, то существует вероятность того, что Север сможет провести стратегические провокации» [1]. Однако его мнение резко изменилось после избрания президентом. Он сделал ряд заявлений в поддержку Украины. Одновременно он посетил американскую военную базу, провёл несколько встреч с американским командованием вооружёнными силами в Корею и сделал заявления относительно Украины, подчеркнув при этом необходимость укрепления военно-политического союза между РК и США.

После вступления в должность президент Юн Сук Ёль объявил о возобновлении американо-южнокорейских военных учений в полном объёме. Так, 2–4 июня 2022 г. США и РК провели в районе Окинавы совместные военно-морские учения, в которых приняли участие американский авианосец «Рональд Рейган», крейсер и эсминец, а также южнокорейский десантный корабль «Марато», эсминец «Король Сечжон» и эсминец «Король Мунму». Затем южнокорейские корабли последовали к Гавайским островам, где 29 июня–4 июля прошли международные военные учения BMC RIMPAC. В ходе учений отрабатывались задачи по борьбе с боевыми кораблями потенциального противника, в качестве которого была объявлена КНДР. После завершения учений представитель южнокорейского министерства обороны заявил, что «путём проведения совместных учений силами ударных групп Республика Корея и США укрепили свою готовность решительно отреагировать на любые провокации со стороны Северной Кореи» [12].

Первые внешнеполитические шаги президента Юн Сук Ёля были высоко оценены американскими экспертами. Так, в журнале *Foreign Policy* («Внешняя политика») была опубликована статья Сю Ми Терри под названием «Сильное начало Юна во внешней политике». В статье, в частности, отмечалось, что Юн Сук Ёль «...укрепил американо-южнокорейский союз и повысил авторитет Южной Кореи, её положение в мире, намеревается улучшить отношения с Японией на основании декларации 1998 года», а также то, что его «внешняя политика движется в правильном направлении» [13]. Как видно, при президенте Юн Сук Ёле РК будет полностью ориентироваться на запросы Вашингтона, что способно обострить не только межкорейские отношения, но и военно-политическую обстановку в СВА.

Заключение

Учитывая, что КНДР выражает поддержку России на Украине, а РК, напротив, поддерживает Украину, то, соответственно, можно сделать вывод, что в ближайшей перспективе отношения между Россией и КНДР значительно улучшатся, а между Россией и РК ухудшатся. Президент Юн Сук Ёль, являясь активным сторонником сближения с США, намеренно обостряет отношения с КНДР, провоцируя её на

ответные действия. На фоне расширения военно-политического американо-южнокорейского взаимодействия создается взрывоопасная ситуация. США стремятся окружить Китай за счет привлечения сил своих союзников из НАТО, создания новых восточноазиатских стратегических структур QUAD и AUKUS, активизации военных договоров с Японией, Австралией и РК. По всей видимости, в ближайшей перспективе военно-политическая ситуация на Корейском полуострове может обостриться и надо быть готовым к новым вызовам для России со стороны США и РК.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что первые шаги президента Юн Сук Ёля направлены на полный отход от внешнеполитической доктрины его предшественника в направлении безоговорочного подчинения южнокорейской внешней политики интересам США. Вряд ли это будет способствовать укреплению суверенитета РК и приветствоваться оппозицией и широкими слоями населения. Поэтому можно ожидать, что администрацию президента Юн Сук Ёля ждут тяжёлые времена.

Список источников

1. Ahn Hae Kyung. Will South Korea's Incoming President Recommit to Public Diplomacy? URL: <https://magazine.thediplomat.com/#/issues/Mxj3YLobyh0s-8ttFLw/preview/Mxj3ZJLEgkryBteDCxz>
2. Кирьянов О. Хан Док Сун вступил в должность премьер-министра. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.27.05.2022.pdf>
3. Shin M. At Inauguration, Yoon Suk-yeol Shows Old-School approach to North Korea. URL: <https://thediplomat.com/2022/05/at-inauguration-yoon-suk-yeol-shows-old-school-approach-to-north-korea/>
4. Кирьянов О. В Сеуле прошли переговоры глав США и Южной Кореи. URL: <https://www.itar-tass.ru>
5. Swanström N. South Korea's relations with China and the US Under President-elect Yoon Suk-yeol have his cake and eat it too when it comes to China Policy? URL: <https://thediplomat.com/2022/03/south-koreas-relations-with-china-and-the-us-under-president-elect-yoon>
6. Shin M. From Europe, Yoon Suk Yeol calls for international cooperation on North Korea's Nuclear and missile threats. URL: <https://thediplo-mat.com/2022/-06/from-europe-yoon-suk-yeol-calls-for-international-cooperation-on-north-koreas-nuc-lear-and-missile-threats/>
7. Shin Mitch. Following NATO Summit, North Korea denounces US-South Korea-Japan joint military cooperation. URL: <https://thediplomat.com/2022/07/following-nato-summit-north-korea-denounces-us-south-korea-japan-joint-military-cooperation/>

8. Howell E. How North Korea views the Ukraine Crisis. Has the Russian invasion of Ukraine changed North Korea's strategic calculus? URL: <https://thediplomat.com/2022/03/how-north-korea-views-the-ukraine-crisis/>

9. Кирьянов О. Кимчи хороша с салом: Сеул втягивается в конфликт на Украине. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.17.06.2022.pdf>

10. Kim Jong-un's Sister warns South Korea. URL: <https://www.korea.net/Events/Overseas/view?articleId=13949>

11. Lee Jihae. President-elect hopes to meet Ukrainian Leader after War ends. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=212548>

12. Кирьянов О. Южная Корея и США пригрозили Пхеньяну авианосцем. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.10.06.2022.pdf>

13. Lee Jihae. President Yoon's Diplomacy sees 'Strong Start': US-based Expert. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=219738>

References

1. Ahn Hae Kyung. Will South Korea's Incoming President Recommit to Public Diplomacy? URL: <https://magazine.thediplomat.com/#/issues/Mxj3YLobyh0s-8ttFLw/preview/Mxj3ZJIEgkryBteDCxz>

2. Kiryanov O. Khan Dok Sun vstupil v dolzhnost' prem'er-ministra [Han Deok Soon took office as Prime Minister]. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.27.05.2022.pdf>

3. Shin M. At Inauguration, Yoon Suk-yeol Shows Old-School Approach to North Korea. URL: <https://thediplomat.com/2022/05/at-inauguration-yoon-suk-yeol-shows-old-school-approach-to-north-korea/>

4. Kiryanov O. V Seule proshli peregovory glav SShA i Yuzhnoi Korei [Negotiations between the heads of the United States and South Korea took place in Seoul]. URL: <https://www.itar-tass.ru>

5. Swanström N. South Korea's Relations with China and the US under President-elect Yoon Suk-yeol have his cake and eat it too when it comes to China Policy? URL: <https://thediplomat.com/2022/03/south-koreas-relations-with-china-and-the-us-under-president-elect-yoon>

6. Shin M. From Europe, Yoon Suk Yeol Calls for international cooperation on North Korea's Nuclear and Missile Threats. URL: <https://thediplomat.com/2022/-06/from-europe-yoon-suk-yeol-calls-for-international-cooperation-on-north-koreas-nuclear-and-missile-threats/>

7. Shin M. Following NATO Summit, North Korea denounces US-South Korea-Japan joint military cooperation. URL: <https://thediplomat.com/2022/07/following-nato-summit-north-korea-denounces-us-south-korea-japan-joint-military-cooperation/>

8. Howell E. How North Korea views the Ukraine Crisis. Has the Russian invasion of Ukraine changed North Korea's strategic calculus? URL: <https://thediplomat.com/2022/03/how-north-korea-views-the-ukraine-crisis/>

9. Kiryanov O. Kimchi khorosha s salom: Seul vtyagivaetsya v konflikt na Ukraine [Kimchi is good with lard: Seoul is being drawn into the conflict in Ukraine]. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.17.06.2022.pdf>

10. Kim Jong-un's Sister warns South Korea. URL: <https://www.korea.net/Events/Overseas/view?articleId=13949>

11. Lee Jihae. President-elect hopes to meet Ukrainian Leader after War ends. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=212548>

12. Kiryanov O. Yuzhnaya Koreya i SSHA prigrozili Pkhen'yanu avianostsem [South Korea and the US threatened Pyongyang with an aircraft carrier]. URL: <https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.10.06.2022.pdf>

13. Lee Jihae. President Yoon's Diplomacy sees 'Strong Start': US-based Expert. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=219738>

Информация об авторе

Л.В. Забровская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Information about the author

L.V. Zabrovskaya – Doctor of Historical Studies, Leading Researcher with the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 18.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 128–146.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 128–146.

Научная статья

УДК 325.25-055.2(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/128-146>

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Евгения Юрьевна Каткова¹, Майя Георгиевна Новоселова²

^{1,2} Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
кафедра востоковедения и африканистики, Москва, Россия

¹katkova_eyu@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2855-3163>

²1maykanov@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению феномена женской международной миграции из материкового Китая. Исследование данной проблематики затруднено фрагментарной и неполной статистикой по странам пребывания и отсутствием комплексных работ, касающихся женской эмиграции из Китая. Как правило, научные работы и исследования, связанные с участием китайских женщин в миграционных процессах, в основном сосредоточены на изучении внутренней миграции, а внешняя миграция представительниц материкового Китая остается мало исследованной областью знаний. С точки зрения методологии статья построена на концепции феминистической теории международных отношений (использованы труды Дж.Э. Тикнер, С.Х. Энло, В.С. Петерсон, Кристин Сильвестр), в частности на идеях дифференциального феминизма (авторы придерживаются позиции о том, что гендерная принадлежность во многом определяет характер переселения мигранта за рубеж, условия проживания в стране пребывания и сам опыт миграции).

При написании статьи были использованы такие методологические инструменты, как герменевтический метод, анализ и синтез данных, статистические данные проанализированы с применением квантификационного метода и метода сравнительного анализа. Особое внимание уделяется проблемам мигранток, а также статистике по участию китайских женщин в миграционных потоках, вопросам занятости женщин-мигрантов, их дискриминации и сегрегации в странах назначения, студенческой и брачной миграции. Отдельно рассматривается связанная с женской миграцией проблема торговли людьми.

Ключевые слова: гендер, женщины-мигранты, международная миграция, Китай, женщины, КНР, женская миграция, феминизация миграции, гендерная дискриминация, трудовая миграция.

Для цитирования: Каткова Е.Ю., Новоселова М.Г. Женское лицо китайской миграции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 128–146.

Original article

THE FEMALE FACE OF CHINESE MIGRATION

Evgenia Y. Katkova¹, Maya G. Novoselova²

^{1,2} RUDN University, Moscow, Russia

¹katkova_eyu@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2855-3163>,

²maykanov@list.ru

Abstract. This article aims to study the phenomenon of women's international migration from mainland China. The study of this issue is complicated by fragmentary and incomplete statistics on host countries and the lack of comprehensive works devoted to female emigration from China. As a rule, scientific works and research related to the participation of Chinese women in migration processes are mainly focused on the process of internal migration, while external migration of representatives of mainland China remains a poorly researched area of knowledge. From a methodological point of view, the article is based on the concept of feminist theory of international relations (including the works of J.E. Tickner, S.H. Enloe, V.S. Peterson, Christine Sylvester), in particular, on the ideas of differential feminism (the author takes the position that gender largely determines the nature of a migrant's resettlement abroad, living conditions in the host country and the migration experience itself). When writing the article, the authors used methodological tools such as the hermeneutic method, data analysis and synthesis. Statistical data were analyzed using the quantification method and the comparative analysis method. Particular attention is paid to the problems of female migrants, as well as statistics on the participation of Chinese women in migration flows, employment issues of female migrants, their discrimination and segregation in destination countries, student and marriage migration. The problem of human trafficking related to female migration is discussed separately.

Keywords: gender, female migrants, international migration, China, women, PRC, women's migration, feminization of migration, gender discrimination, labor migration.

For citation: Katkova E.Y., Novoselova M.G. The female face of Chinese migration. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 128–146. (In Russ.).

Введение

Женщины всегда составляли значительную часть международных миграционных потоков, но в настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа женщин-мигрантов. Женщины непосредственно вовлечены во внешнюю и внутреннюю миграцию. Перемещение женщин может быть добровольным или вынужденным, присутствие в принимающей стране – законным и незаконным.

Актуальность изучения гендерных аспектов миграционных процессов обусловлена тем, что на протяжении долгого времени не проводились самостоятельные исследования данного вопроса, а женская миграция рассматривалась исключительно в контексте женщин, сопровождающих супругов за границей.

Тем не менее анализ миграционных трендов с точки зрения гендера представляется необходимым из-за существенного различия положения мигрантов разного пола, рисков и проблем, с которыми они сталкиваются, и поведенческих паттернов, которых они придерживаются. Пол мигранта во многом определяет его жизнь в месте назначения [1]. Весь миграционный опыт женщины зависит от ее социальной роли, степени автономии, доступа к различным ресурсам, а также гендерной стратификации в странах происхождения и назначения.

Чрезвычайно важно также понимать причины, обуславливающие женскую миграцию, и связь между миграцией женщин и гендерным неравенством как в стране происхождения, так и в стране назначения. Социальное значение имеют вопросы о том, приводит ли к миграции неравноправное положение женщин в обществе, а также какое влияние оказывает переселение на жизнь женщины-мигранта – способствует ли миграция улучшению положения женщины или, напротив, закреплению гендерного неравенства в обществе.

Женская миграция в мире

В международных миграционных потоках наблюдается незначительный перекоп в сторону мужчин. В 2000 г. на 88 млн мужчин-мигрантов приходилось 86 млн женщин (50,6% и 49,4% соответственно). К 2020 г. при общем росте количества международных мигрантов гендерное соотношение практически не изменилось: 51,9% мужчин (146 млн) на 48% женщин (135 млн) [2, с. 27]. По состоянию на 2019 г. на 98,9 млн мужчин-мигрантов (58,5%) пришлось 70,1 млн женщин-мигранток (41,5%) [3].

Схожие гендерные пропорции наблюдаются в соотношении трудовых мигрантов разных полов. По состоянию на 2019 г., 58,5% трудовых мигрантов составляли мужчины (99 млн), а 41,5% – женщины (70 млн). Женщины-мигранты в меньшей степени, чем мужчины, представлены на рынках труда стран назначения (59,8% против 77,5%) [3].

При этом необходимо учитывать, что, несмотря на общие глобальные тренды, для миграционных процессов характерны значительные региональные различия.

В то время, как в азиатском регионе женщины-мигранты составляют около 41,8% (на 2020 г.), в Европе и Северной Америке доля женщин-мигрантов превысила долю мужчин-мигрантов (51,6% и 51,8 % соответственно). В XXI в. более быстрыми темпами идет рост количества мужчин, мигрирующих в азиатские страны: за период 2000–2020 гг. их число выросло на 89%, в то время как количество женщин – лишь на 57% [3].

В настоящее время в значительной степени меняется характер женской миграции. Если ранее женщины в основном выступали иждивенцами, сопровождающими членов своей семьи за границей, то сейчас женщины все чаще переезжают за рубеж самостоятельно, преследуя личные амбиции и выступая основными добытчиками в семьях. Это демонстрирует статистика эмиграции из развивающихся стран, где уровень эмиграции образованных и квалифицированных женщин значительно выше, чем мужчин с аналогичной квалификацией. В таких странах, как Афганистан, Гана, Гватемала, Замбия, Малави, Папуа-Новая Гвинея, Уганда и Замбия, женщины на 40% чаще эмигрируют в развитые страны [4].

С. Касл и М. Миллер в начале 1990-х гг. выявили тенденцию к глобальной «феминизации» миграционных процессов на международном уровне, что, в частности, было проиллюстрировано на примере трансграничного потока рабочей силы в регионе АТР. Тренд на «феминизацию» миграции был объяснен распространением гендерной сегментации на международном рынке труда, увеличением вовлеченности женщин в ряды рабочей силы и ростом спроса на женщин в традиционно «женских» профессиях [5, с. 16]. На более базовом уровне увеличение потоков женской миграции объяснялось развитием туризма и набирающим силу процессом глобализации, неравномерным экономическим развитием и влиянием капитализма [6, с. 138].

Для женской международной миграции характерен ряд проблемных аспектов и неблагоприятных факторов, которые непосредственно затрагивают женщин, переезжающих за рубеж, и угрожают их жизненному благополучию.

Уязвимость и незащищенное положение в стране пребывания. Многие национальные законы, регулирующие прием и пребывание международных мигрантов, содержат положения, которые угрожают правам женщин-мигрантов [7, с. 29]. Более чем в 20 странах существует ограничение на самостоятельное получение женщиной заграничного паспорта. В Свазиленде, Мьянме и Саудовской Аравии женщина не обладает правом свободного выезда за границу. В ряде арабских стран (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия) незамужних женщин-мигрантов высылают на родину в случае беременности. Кроме того, уязвимость правового положения женщин-мигрантов распространяется и на сферу труда – многие принимающие страны не обеспечивают мигрантам стандартные условия охраны женского труда [4].

Неравенство в сфере труда. Женщины-мигранты зачастую сталкиваются с гендерной дискриминацией при приеме на работу, неравенством в льготах и уров-

не заработной платы, ограниченными возможностями карьерного роста. Наиболее неравноправно положение нелегально пребывающих в стране мигранток, а также неофициально трудоустроенных женщин и домработниц [7, с. 28]. В сфере трудоустройства мигрантов характерна сегментация рынка труда: происходит концентрация женщин-мигранток в традиционно «женских» профессиях (медсестры, секретари, швеи, няни и т. д.), что определяет более низкий уровень заработной платы работниц по сравнению со средней заработной платой мужчин-мигрантов [7, с. 28]. Для малообразованных мигранток из развивающихся стран возможности занятости ограничиваются уходом за детьми, работой домработницами/прислужой и неофициальным трудоустройством. Зачастую низкая оплата труда не оставляет возможности для улучшения благосостояния женщины, а тяжелые условия и отсутствие механизмов материального вознаграждения вовлекают работниц в состояние бедности. При этом интересно отметить, что даже малообеспеченные женщины-мигранты посылают домой большую часть заработанных средств, чем мужчины на схожих позициях [7, с. 28]. Мигрантки чаще сталкиваются с безработицей или занятостью в сфере низкоквалифицированного труда, чем мужчины-мигранты и уроженки страны пребывания [2, с. 98].

Торговля людьми. Женская миграция зачастую неразрывно связана с торговлей людьми. При этом торговля женщинами и девочками может выступать и как последствие переезда в другую страну, и как непосредственная причина миграции. По данным ООН, около 70% жертв торговли людьми составляют женщины и девочки. Они чаще всего привлекаются к сексуальной эксплуатации и принудительному труду [7, с. 29].

Здравоохранение. В случае вынужденной миграции зачастую складываются неблагоприятные условия для поддержания здоровья женщины, что осложняется различными ограничениями административного характера для получения женщиной-мигранткой медицинской помощи, недостаточной осведомленностью мигранток о доступных услугах, языковым барьером, низким уровнем жизни, не позволяющим женщине рассматривать заботу о собственном здоровье в качестве приоритета. Это приводит к повышенным рискам неблагоприятного исхода беременности и родов у женщин-мигрантов. Согласно статистике, женщины-мигрантки чаще сталкиваются с жестоким обращением и насилием, чем мужчины-мигранты [2, с. 72–73]. Сексуальное насилие и проституция, часто сопровождающие переселение женщин за рубеж, приводят к заражению мигранток ВИЧ/СПИДом и заболеваниями, передающимися половым путем. Исследование, проведенное в арабских странах, показало, что женщины-мигранты представляют собой уязвимую категорию по отношению к ВИЧ [4]. Согласно опросам, большинство молодых незамужних женщин-иммигранток никогда не были в больницах в странах пребывания, а если и обращались, то только во время родов или операций. В основном женщины предпочитают прибегать

к профилактике заболеваний, традиционной медицине или покупке лекарств в аптеках у соотечественниц [8, с. 131].

В то время, как мужчины-мигранты зачастую также становятся жертвами дискриминации в странах пребывания, женщины испытывают на себе «двойной гнет» дискриминации – ксенофобии по отношению к мигрантам и гендерной сегрегации [3]. Особенно незащищенным и уязвимым является положение мигранток, сопровождающих семьи за границей, переезжающих за рубеж принудительно или в статусе беженцев. С ростом количества женщин, мигрирующих самостоятельно с целью поиска более широких возможностей для профессиональной самореализации и более комфортных условий для жизни, можно рассчитывать на снижение описанных выше рисков и постепенное улучшение положения мигранток в странах пребывания.

Женская эмиграция из Китая в цифрах

Китай является крупным источником международных мигрантов. КНР занимает четвертое место в международном рейтинге по исходящему потоку мигрантов (после Индии, Мексики и Российской Федерации), в 2020 г. число мигрантов из КНР превысило 10 млн человек [2, с. 25]. Большое количество китайских мигрантов за рубежом является лишь незначительной долей полуторамиллиардного населения КНР.

По данным на 2013 г., основными направлениями эмиграции из Китая были Гонконг (более 2 млн чел.), США (более 2 млн чел.), Республика Корея (более 600 тыс. чел.), Япония (более 600 тыс. чел.) и Канада (более 600 тыс. чел.) [9]. В 2020 г. в США проживало около 2 млн китайцев-мигрантов [2, с. 75]. Коридор КНР–США является одним из крупнейших коридоров в международных миграционных потоках. У КНР одна из самых крупных международных диаспор в мире. Большое количество китайских мигрантов проживает также в Канаде, Италии, Австралии, Республике Корея, Японии и Сингапуре.

Кроме того, в 2020 г. Китай занял второе после Индии место по объему полученных из-за рубежа денежных переводов (всего мигрантами было отправлено семьям 59,51 млрд долл. США) [2, с. 40]. Китай не только является одним из крупнейших получателей денежных переводов из-за рубежа, но и третьим по величине отправителем денежных переводов в Азии (около 18 млрд долл. США), что вызвано растущим объемом исходящего миграционного потока из Китая [2, с. 83].

В XXI в. доля женщин в исходящих из материкового Китая миграционных потоках снижается. Если в 2000 г. женщины составляли половину эмигрантов (50.0%), то к 2019 г. их доля снизилась до 38,6% [10].

При текущем тренде на снижение доли женщин в общем числе китайских эмигрантов статистика по ключевым странам пребывания китайских мигрантов свидетельствует о том, что женщины по-прежнему составляют больше половины приезжих из КНР.

Таблица / Table 1

**Гендерное соотношение иммигрантов из КНР в странах-членах ОЭСР
(2012–2021 гг.)**

Страна	2012 г.			2017 г.			2021 г.		
	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)
Австрия	9 669	5 392	56	12 685	7 313	58	13 000	8 000	62
Бельгия	10 400	5 585	54	12 058	6 549	54	13 000	7 000	54
Чехия	5 579	2 571	46	6 126	2 971	48	8 000	4 000	50
Дания	7 494	4 265	57	10 140	5 765	57	11 000	6 000	55
Финляндия	6 159	3 283	53	8 480	4 588	54	10 000	6 000	60
Франция	93 820	52 920	56	102 100	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Германия	86 435	44 400	51	129 150	68 095	53	146 000	78 000	53
Греция	1 174	134	11	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Венгрия	10 114	4 568	45	19 111	9 416	49	19 000	9 000	47
Италия	197 064	97 136	49	281 972	139 745	50	330 000	164 000	50
Япония	674 879	394 714	58	695 522	391 970	56	778 000	422 000	54
Корея	610 713	305 667	50	824 464	420 359	51	817 000	414 000	51
Мексика	15 246	6 174	40	21 450	8 815	41	нет данных	нет данных	нет данных
Нидерланды	23 900	12 324	52	31 437	17 006	54	39 000	20 000	51
Норвегия	4 354	2 525	58	5 551	3 254	59	6 000	4 000	67
Португалия	16 795	8 142	48	22 555	11 217	50	26 000	13 000	50
Словакия	684	348	51	973	481	49	1 000	1 000	100
Словения	888	398	45	1 083	491	45	1 000	1 000	100
Испания	170 839	81 008	47	177 519	88 703	50	198 000	101 000	51
Швеция	15 494	8 233	53	17 331	9 317	54	22 000	12 000	55
Швейцария	9 413	5 572	59	14 530	8 585	59	17 000	10 000	59
Турция	2 875	979	34	15 628	5 654	36	нет данных	нет данных	нет данных
Великобритания	86 621	44 962	52	132 000	71 000	54	нет данных	нет данных	нет данных
США	797 147	410 210	51	1 118 908	592 194	53	нет данных	нет данных	нет данных

Источник: Международная база данных по миграции ОЭСР [11].

Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (табл. 1) по численности китайских иммигрантов в странах-членах организации демонстрируют, что в большинстве стран доля женщин-иммигрантов превышает половину общего числа иммигрантов, проживающих в стране (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия и др.). В этих странах доля женщин-иммигрантов из Китая с годами, как правило, сохраняется на прежнем уровне или растет. Ряд стран (Греция, Мексика, Турция) достаточно сильно отстают по процентному соотношению китайских женщин в общей численности иммигрантов. Примечательно, что, согласно статистике по гендерной принадлежности иммигрантов в России, доля женщин-трудových мигранток в иммиграционном потоке из Китая (крупнейшего донора трудовых мигрантов из дальнего зарубежья) в РФ составляет лишь 18%, что ставит Россию по данному показателю в один ряд с Грецией, Мексикой и Турцией [12, с. 83]. Вероятно, доля женщин в общей численности иммигрантов находится в прямой зависимости от степени экономического развития региона и уровня жизни в стране.

ОЭСР также отслеживает статистику по притоку женщин-иммигрантов в страны назначения (табл. 2). Как показывает таблица, в ряде стран Центральной (Чехия, Словения) и Северной (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция) Европы, а также во Франции, Нидерландах и Швейцарии доля женщин в потоке иммигрантов с годами сокращается. В то же время все больше женщин-иммигрантов прибывает в страны Южной

Европы (Испания, Италия Португалия), в отдельные страны Центральной Европы (Австрия, Венгрия, Словакия), в США, Исландию и Новую Зеландию.

Таблица / Table 2

**Доля женщин во входящем миграционном потоке из КНР
в страны-члены ОЭСР (2010–2020 гг.)**

Страна	2010			2015			2020		
	Приток иммигрантов из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)	Приток иммигрантов из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)	Приток иммигрантов из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)
Австралия	24525	13541	55	27924	15839	57	18798	10481	56
Австрия	1297	663	51	2053	1263	62	1060	598	56
Бельгия	1360	730	54	1236	694	56	935	508	54
Канада	30378	16232	53	19531	10761	55	16525	нет данных	нет данных
Чехия	459	260	57	469	277	59	546	280	51
Дания	791	481	61	1288	706	55	1038	550	53
Финляндия	566	331	58	732	419	57	876	417	48
Франция	5720	3232	57	4991	2804	56	3525	1845	52
Германия	16248	8052	50	25511	13412	53	11368	5728	50
Венгрия	1141	461	40	3524	1775	50	1189	531	45
Исландия	76	30	39	60	39	65	59	35	59
Италия	22866	11025	48	14866	7473	50	4926	2682	54
Респ. Корея	155252	75977	49	177001	89432	51	96256	48089	50
Люксембург	149	87	58	448	241	54	308	181	59
Нидерланды	4466	2388	53	5406	3077	57	4398	2259	51
Новая Зеландия	7647	4042	53	15031	8303	55	3833	2144	56
Норвегия	955	545	57	903	509	56	423	225	53
Польша	2267	нет данных	нет данных	3759	1719	46	2274	1023	45
Португалия	1653	859	52	2576	1328	52	1378	750	54
Словакия	29	10	34	28	11	39	10	6	60
Словения	170	83	49	80	30	38	128	50	39
Испания	10473	5345	51	10134	5634	56	5064	2818	56
Швеция	3186	1690	53	2326	1227	53	1694	869	51
Швейцария	1945	1178	61	3265	1942	59	3119	1686	54
США	71434	40884	57	74390	42321	57	41749	24053	58

Источник: Международная база данных по миграции ОЭСР [11].

В странах, которые традиционно выступают основными направлениями исходящих с территории материкового Китая миграционных потоков женщины, как правило, составляют больше половины всех иммигрантов. Так, в США женщины составляют около 55% иммигрантов из материкового Китая, гендерный перекося в сторону женщин наблюдается среди иммигрантов всех возрастов и достигает максимума в младшей возрастной группе (девочки составляют 69% детей до 16 лет, рожденных в КНР и проживающих в США) [13, с. 3]. В 2008 г. женщины составляли 54% от общей численности китайских иммигрантов на территории США (около 1,6 млн чел.) [14]. Ряд исследователей объясняет подобный гендерный дисбаланс особенностями иммиграционной политики США: мужчины более широко были представлены в группах иммигрантов, прибывших до 1965 г., тогда как иммиграционная политика после 1965 г. с упором на воссоединение семей отдает предпочтение женщинам [13, с. 3].

В Республике Корея, по статистике на 2022 г., из 204 150 китайских иммигрантов 56,12% составляли женщины (114 570 чел.) [15]. В Японии, согласно статистике за 2019 г., на 30 женщин-иммигрантов из КНР приходится 25 мужчин [16, с. 4]. Схожая ситуация наблюдается в Канаде: из 755 698 китайских по происхождению иммигрантов (учитывая выходцев из КНР – 50%, Гонконга – 37,5% и Тайваня –

12,4%), прибывших в страну в период 1980–2001 гг., мужчины составляли 47,9%, а женщины – 52,1% мужчин [17, с. 9]. Женщины составляют больше половины мигрантов из Китая в Австралию. Так, из 1193 лиц китайского происхождения, прибывших в Австралию в 1982–1983 гг., 53% составляли женщины. В 1994–1995 гг. женщины составили 59,4% от общего количества переселенцев с материкового Китая в Австралию (3708 чел.) [18, с. 96]. В 2001 г. доля женщин-мигранток в китайской диаспоре Австралии по-прежнему превышала половину – 53% [19, с. 366].

Занятость женщин-мигрантов из КНР

Присутствие женщин-мигрантов китайского происхождения охватывает весь мир. Покинувшие страну добровольно или не по своей воле, ради профессиональной самореализации, образования, сопровождения семей, воссоединения с близкими, китайские женщины представлены в разных географических регионах, сферах труда, категориях мигрантов (как участники трудовой, коммерческой, учебной, семейной и религиозной миграции), а также как потомки ранее переселившихся выходцев из материкового Китая (хуацяо).

Возможности трудоустройства китайских иммигранток зависят от конъюнктуры рынка труда и институциональных процессов, а также от гендерной и расовой сегрегации в стране пребывания.

Исследование, проведенное в конце XX в., выявило, что сообщества китайских женщин за рубежом отличались усиленным стремлением к материальному обогащению и исключительной трудовой этикой, что было вызвано повышенной мобильностью, более широкими экономическими возможностями и благоприятными условиями для трудоустройства женщин в стране пребывания по сравнению с их родиной. При этом китайки-иммигранты в меньшей степени, чем уроженки западных стран, были озабочены проблемой совмещения работы с воспитанием детей и более положительно относились к перспективе использования государственных учреждений и центров для заботы о детях. Подобное отношение объясняется тем, что китайки, как выходцы из социалистического Китая, сами с рождения воспитывались работающими матерями и много времени проводили в яслях и детских садах [18, с. 99].

Исследование занятости китайских иммигрантов в Австралии обнаружило, что женщины вносили большой вклад в развитие семейного бизнеса, выступая работницами, управленцами и совладельцами фирм. Совладельцами 52% семейных фирм в городе Брисбен и 41% в городе Сидней выступали члены семьи, при этом совладельцами фирм выступало абсолютное большинство (39 из 40) женщин, работающих в семейной фирме полный рабочий день. В сферах бизнеса, где совладение было ограничено законодательно, женщины являлись администраторами и управленцами. Также было выявлено 16 предприятий, основанных женщинами самостоятельно или в партнерстве, 11 из 16 фирм оставались под единовластным контролем женщины-

учредителя [18, с. 99]. В Австралии женщины китайского происхождения часто добиваются больших успехов в построении карьеры, в частности в сферах науки и искусства, здравоохранения, СМИ, бизнеса и даже государственного управления. Однако наряду с квалифицированными кадрами, эмигрирующими из Китая, в Австралию переселяется также большое количество малообразованных женщин без профессионального образования и с ограниченным знанием английского языка. Возможности карьерного роста для таких мигранток крайне ограничены, зачастую такие иммигрантки становятся нянями, домработницами и работницами секс-индустрии [18, с. 100–103].

В США китайские рабочие-иммигранты обоих полов широко представлены в управленческом бизнесе, финансовой сфере, областях цифровых технологий, науке и технике, образовании и здравоохранении, СМИ, индустрии развлечений. В меньшей степени иммигранты из Китая заняты в строительстве и ремонте, добыче полезных ископаемых, транспорте и логистике, на производстве, а также в сельском хозяйстве. При этом женщины-иммигранты в меньшей степени, чем мужчины, представлены в социальной службе, юридических и медицинских учреждениях, на позициях администраторов и управленцев [13, с. 5].

Изучая особенности занятости китайских женщин в Канаде, ряд авторов выделяют проблему утраты/снижения квалификации женщин-мигрантов, переселяющихся в страну из материкового Китая. Особенности государственной политики, местной системы профессиональной аккредитации, требований при приеме на работу и конъюнктуры на рынке труда маргинализируют китайских женщин-иммигрантов, ограничивая их возможности трудоустройства неполным рабочим днем, нестабильной занятостью, превращая квалифицированные кадры в чернорабочих или безработных [20, с. 135]. С 1967 г. правительство Канады придерживается курса на преимущественное привлечение высококвалифицированных образованных иммигрантов в страну. Однако приезжающие в Канаду уроженки Китая часто подвергаются дискриминации и не могут найти себе достойное место в обществе, несмотря на свое образование, навыки и умения. Так, в конце XX в. произошло сокращение среднего заработка китайских женщин-иммигрантов с 21 тыс. долл. США в 1980 г. до 16 тыс. долл. США в 1996 г. (в то же время заработок уроженок Канады вырос с 19 тыс. долл. США до 21 тыс. долл. США). В 1986–1996 гг. уровень занятости среди женщин-иммигрантов снизился с 58 до 51% (примечательно, что занятость мужчин-иммигрантов в это время была на уровне 70–80%). Одновременно уровень занятости уроженок Канады вырос с 8 до 73% [20, с. 140].

Студенческая миграция и «утечка мозгов»

Анализируя особенности женской миграции, нельзя не упомянуть о феномене «утечки мозгов», подразумевающим массовую эмиграцию специалистов, ученых и квалифицированных работников из страны. Женщины-исследователи при построении

академической карьеры по-прежнему сталкиваются со «стеклянным потолком» и другими барьерами и все чаще прибегают к международной миграции в качестве социального лифта и инструмента для расширения своих возможностей профессиональной реализации.

Сегодня Китай последовательно придерживается курса на «привлечение извне» высококлассных специалистов, создавая привлекательные условия для их переезда, и уже обогнал Германию, заняв третье место в рейтинге стран по популярности среди исследователей-мигрантов обоих полов [21, с. 5]. Впрочем, происходит и обратный процесс «утечки мозгов» из материкового Китая. Интересно отметить, что была выявлена связь между полом исследователя и дистанцией переселения (женщины-исследователи, эмигрирующие из Китая, как правило, выбирали более далекие страны, чем их коллеги-мужчины) [21, с. 4].

Научный интерес представляет также анализ гендерного фактора в студенческих миграциях из КНР. Согласно статистике за 2014 г., представительницы женского пола составляли 51% китайских студентов, проходящих обучение в США, 55% студентов в Канаде и 63% студентов в Великобритании [22]. Приведенные данные о гендерной диспропорции весьма примечательны, учитывая текущий гендерный дисбаланс в китайском обществе и традиционное предпочтение сыновей 重男轻女 (преобладание девушек-студентов за границей свидетельствует о том, что китайские семьи не склонны отдавать предпочтение в пользу образования сыновей, предоставляя равные возможности образования за рубежом детям обоих полов). В ходе социального опроса китайских студенток, проведенного в 2016 г. исследователем Ф. Мартин [23], было выявлено, что образовательная миграция за рубеж часто представляется для молодых женщин в Китае возможностью «вырваться» из круга традиционных гендерных установок, в том числе критики «женщин-объедков», представлений о браке и деторождении как ключевых жизненных ориентирах для женщины. Молодые женщины, не стремящиеся к самореализации в качестве жены и матери, посвящающие себя получению высшего образования и продвижению по карьерной лестнице, подвергаются жесткой общественной критике и осуждению семьи, что подталкивает их к студенческой миграции за рубеж, сулящий им больше свободы для самоопределения.

Брачная миграция

В Китае, как и в других странах Восточной Азии, распространена брачная эмиграция, осуществляемая в основном женщинами. Эмиграция с целью заключения брака является своего рода социальным лифтом для женщин из более бедных регионов, повышающим их мобильность и позволяющим переселиться в более богатые страны и регионы.

В Китае существует феномен брачной иммиграции, получающий популярность при текущей демографической ситуации в стране, связанной с сильным гендерным

дисбалансом и большим количеством «невостребованных» мужчин-холостяков («голых веток»). Крупнейшим «рынком невест» выступают Филиппины: в период 1991–2000 гг. более 22 000 женщин и детей было перевезено в Китай для заключения брака с местными мужчинами [24, с. 94].

При существующем гендерном дисбалансе в китайском обществе тем более примечательна обратная тенденция – брачная эмиграция китайских женщин. Китайские женщины чаще всего эмигрируют с целью заключения брака в Японию, Республику Корею и на Тайвань. По состоянию на 2001 г. 5% всех браков в Японии было заключено между гражданами Японии и гражданами из зарубежных стран. При этом в 44% случаев японцы, женившиеся на иностранках, брали себе в жены жительниц материкового Китая [24, с. 92]. Согласно статистике, по количеству браков с иностранными гражданами в Японии в 2006–2010 гг. было почти 60 тыс. подобных брачных союзов [25].

На Тайване до 2003 г. около 60% браков заключалось с жительницами материкового Китая. Несмотря на изменения в иммиграционной политике и недолговременное сокращение количества браков, заключенных «через Тайваньский пролив», к 2010 г. доля браков с уроженками материка достигла 70% [25]. В Республике Корея в 90-х годах в браках, заключенных с иностранцами, большую долю занимали браки с женщинами китайского происхождения (60%). Однако в этом регионе китайские невесты постепенно уступили свое место уроженкам других стран (Вьетнама, Камбоджи, Филиппин, Монголии и Узбекистана) [25].

Необходимо учитывать, что миграция с целью заключения брака часто является добровольным решением женщины, стремящейся к созданию семьи, самореализации за рубежом и улучшению своих условий жизни, однако зачастую перемещение женщин за границу в качестве невест является насильственным действием. Брачная миграция неразрывно связана с торговлей женщинами и контрабандой людей.

Торговля женщинами и девочками

Большое количество женщин и девочек в Китае становятся жертвами торговли людьми, которая осуществляется как внутри страны (между провинциями), так и за границами Китая. В пределах Китая масштабы торговли женщинами оцениваются в несколько тысяч человек ежегодно (от 10 до 20 тыс. чел.). За 2010–2014 гг. китайские суды рассмотрели 7719 дел о торговле детьми и женщинами, в общей сложности 12 963 человека были обвинены в торговле людьми [26, с. 1–2]. Основное направление межпровинциальной торговли женщинами – густонаселенные сельские районы в центральных провинциях (Хэнань, Хубэй и Аньхой), где особенно существенно проявляется гендерный дисбаланс населения. Жертвами торговли чаще всего становятся жительницы сельских провинций на юго-западе Китая (Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань) [26, с. 2].

Подобные масштабы торговли женщинами в Китае обусловлены в первую очередь демографической политикой страны. Проводившаяся с 1979 г. в Китае политика «Одна семья – один ребёнок» непосредственно привела тому, что многие семьи в надежде на последующее рождение сына отдавали новорожденных дочерей на продажу. Кроме того, косвенно вызванный политикой контроля рождаемости текущий гендерный дисбаланс в китайском обществе рождает спрос на женщин у неженатых мужчин (поэтому торговля женщинами часто принимает форму их насильственной выдачи замуж в другие провинции).

Согласно статистическим данным, приведенным в исследовании с выборкой в 463 кейса торговли, в 48% случаев женщины были жертвами международной контрабанды. Жертвы международной контрабанды, как правило, моложе жертв межпровинциальной торговли (53% женщин были моложе 20 лет, а 70% – моложе 30 лет). Средняя цена на продажу женщин за рубеж была в 5–10 раз выше, чем при продаже женщин внутри страны (около 45 000 юаней). В случае международной контрабанды в 100% случаев женщины были проданы с целью выдачи замуж за рубеж [26, с. 5]. При этом некоторые из жертв также принуждались к длительной сексуальной эксплуатации [27, с. 49]. Зачастую жертвами контрабанды являются представительницы национальных меньшинств, более чем в половине случаев жертвы попадают в ловушку торговцев, добровольно вступая в схему контрабанды из-за надежд на высокооплачиваемую работу, удачное замужество и улучшение условий жизни.

Продажа китайских женщин за рубеж часто осуществляется в страны ЮВА (Малайзия, Таиланд, Мьянма), США, западные страны. Важнейшим хабом в каналах торговли людьми выступает южная провинция Фуцзянь. На протяжении целого века из провинции осуществлялась нелегальная эмиграция и отправка людей на Запад [27, с. 43]. В 1990-х годах сложились три основных канала контрабанды людей из материкового Китая в США: через территорию Мексики или Канады, прямыми авиарейсами в американские города с использованием фальшивых документов, на рыболовных траулерах и грузовых судах [27, с. 46].

При контрабанде женщин некитайского происхождения на территорию Китая основными странами происхождения жертв выступают Вьетнам (53,91%), КНДР (26,00%) и Мьянма (20,09%). Жертвы из Вьетнама и Мьянмы, как правило, из приграничных районов транспортируются в центральные провинции (Хэнань и Аньхой), а жертвы из КНДР обычно переправляются в географически близкий северо-восточный регион Китая [26, с. 9].

Масштабы проблемы подтверждает судебная статистика: так, с 1995 по 2000 г. Департамент общественной безопасности округа Цзянчэн получил 45 сообщений о торговле женщинами и детьми, однако гораздо больше случаев остается незарегистрированными. В период с 1996 по 2000 г. Департаментом общественной безопасности

округа Мэнхай было рассмотрено 51 дело о торговле, жертвами которой стали 85 человек [27, с. 48].

Заключение

Проанализировав исходящие из материкового Китая миграционные потоки с точки зрения гендера, можем сделать ряд выводов о причинах, характере и степени участия женщин китайского происхождения в этом процессе.

Женщины китайского происхождения, переселяющиеся за рубеж, преследуют различные цели: сопровождение супруга/семьи, замужество, получение образования, трудоустройство и др. При этом прослеживается общая тенденция к постепенному сокращению количества женщин, мигрирующих за рубеж в роли иждивенцев, и, соответственно, увеличению количества женщин, переезжающих в другие страны автономно, без сопровождения. Вне зависимости от конкретной причины переезда, если решение о миграции принимается женщиной самостоятельно, миграция рассматривается ею в качестве социального лифта, открывающего возможности для повышения личной мобильности и улучшения условий жизни. Часто к миграции женщин побуждает сохраняющееся в современном Китае гендерное неравенство, устаревшие представления о гендере и браке, роли женщин в обществе и семье.

В международных миграционных потоках традиционно наблюдается преобладание представителей мужского пола, в КНР доля женщин в общей численности мигрантов значительно снизилась в XXI в., однако в этом отношении наблюдается сильная дифференциация в зависимости от стран назначения. Так, в странах с более высоким уровнем жизни женщины-мигранты из КНР превышают половину общего числа иммигрантов, в то время как в менее «привлекательных» для переселения странах с не такой благоприятной экономической конъюнктурой доля женщин в общей численности мигрантов значительно ниже.

На трудоустройство и занятость китайских иммигранток в странах назначения оказывают сильное влияние особенности рынка труда и институциональных процессов в стране. Стремление к профессиональному росту, развитая трудовая этика и приоритезация карьеры, свойственные китайским иммигранткам, зачастую не приводят их к успешному карьерному росту из-за административных препятствий и гендерной дискриминации на рабочем месте.

Интерес представляет анализ женской эмиграции из Китая в совокупности с гендерным дисбалансом в стране. С одной стороны, гендерный перекос в сторону мужчин напрямую приводит к распространению торговли женщинами, «импорту невест» из-за рубежа. С другой стороны, популяризация среди китайских женщин брачной и образовательной эмиграции, нелегальный вывоз и контрабанда женщин за рубеж обуславливают дальнейшее усугубление гендерного дисбаланса в стране. В целях сокращения темпов оттока женщин из страны представляется необходимым принятие пра-

вительством КНР дополнительных усилий по искоренению гендерного дисбаланса, улучшению положения женщины в Китае, повышению мобильности женского населения. Насущной и нерешенной остается проблема недобровольной эмиграции и торговли женщинами, эти процессы требуют усиления административного надзора.

Список источников

1. The Female Face of Migration. Background paper // Caritas Internationalis. 2010. URL: <http://www.caritas.org/includes/pdf/backgroundmigration.pdf>
2. World Migration Report 2022 / ed. by M. McAuliffe, A. Triandafyllidou. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2021. 524 p.
3. Gender and migration // Migration Data Portal. 2023. URL: [https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20\(ILO%2C%202021\)](https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20(ILO%2C%202021))
4. Кругман Д. Женщины-мигранты: одинаковые цифры, несоразмерные трудности // Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие (пресс-релиз). Программа развития ООН (ПРООН). 2009. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_pr5.pdf
5. Castles S., Haas H., Miller M.J. The Age of migration international population movements in the modern world. London: Macmillan, 1993. 306 p.
6. Gransow B. Gender and migration in China: Feminisation trends // Crossing Borders and Shifting Boundaries. Vol. I: Gender on the Move / ed. by M. Morokvasic, U. Erel, K. Shinozaki. [S. l.], 2003. P. 137–154.
7. Women and International Migration // UN. Division for the advancement of women. Department of Economic and Social Affairs. The summary of the World Survey on the role of women in development. 2004. URL: <https://www.un.org/ru/>
8. 陈雪. 多元交织理论框架下的女性移民健康研究 // 云南社会科学. 2017. 1. 127–133. Чэнь Сюэ. Исследование здоровья женщин-иммигрантов в рамках теории множественного пересечения // Журнал Юньнаньского университета: социальные науки. 2017. № 1. С. 127–133.
9. Migration Profiles. China // Unicef. URL: <https://esa.un.org/migmgmprofiles/indicators/files/China.pdf>
10. International Migration 2019: Wall Chart // UN-iLibrary. 2019. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210045452>
11. International Migration Database // OECD.stat. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>
12. Флоринская Ю.Ф. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1. С. 78–90.
13. Hu X. Chinese Immigrants in the United States – New Issues and Challenges // People of Color in the United States. 2016. Vol. 4: Contemporary Issues in Immigration. P. 1–12.

14. Chinese immigrants in the United States // Migration Policy Institute. 2010. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2008#top>
15. Number of foreign citizens living in South Korea in 2022, by country of origin and gender // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1297886/south-korea-foreign-citizens-by-origin-and-gender/>
16. Wang X. Chinese Migrants' sense of belonging in Japan: between digital and physical spaces // Migration Research Series. No. 61. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2020. URL: <https://publications.iom.int/books/mrs-no-61-chinese-migrants-sense-belonging-japan-between-digital-and-physical-spaces>
17. Guo S., De Voretz D.J. The changing face of Chinese immigrants in Canada // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. 2007. Vol. 7. Art. no. 3018.
18. Ryan J. Chinese women as transnational migrants: gender and class in global migration narratives // International Migration. 2002. Vol. 40, no. 2. P. 93–116.
19. Da W.W. Gender Relations in Recent Chinese Migration to Australia // Asian and Pacific Migration Journal. 2003. Vol. 12, no. 3. P. 361–384.
20. Man G. Gender, work and migration: Deskilling Chinese immigrant women in Canada // Women's Studies International Forum. 2004. Vol. 27. P. 135–148.
21. Zhao X., Akbaritabar A., Kashyap R., Zagheni E. A Gender perspective on the global migration of scholars // PNAS. 2023. Vol. 120. Art. no. 10.
22. Tu Mengwei. For Chinese women, foreign study doesn't bring gender equality // Sixth Tone. 2018. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1001634>.
23. Fran M. Overseas study as 'escape route' for young Chinese women // Asia Research Institute. 2016. URL: <https://theasiadialogue.com/2016/06/22/single-and-mobile-overseas-study-as-escape-route-for-young-chinese-women/>.
24. Davin D. Marriage migration in China and East Asia // Journal of Contemporary China. 2007. Vol. 16, no. 50. P. 83–95.
25. Chung C., Kim K., Piper N. Marriage migration in Southeast and East Asia revisited through a migration-development nexus lens // Critical Asian Studies. 2016. Vol. 48, no. 4. P. 463–472.
26. Mapping trafficking of women in China: evidence from court sentences / Y. Xia, Y. Zhou, L. Du, T. Cai // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 29, no. 122. P. 238–252.
27. Chu C. Y.-Y. Human trafficking and smuggling in China // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20, no. 68. P. 39–52.

References

1. The Female Face of Migration. Background paper. *Caritas Internationalis*, 2010. URL: <http://www.caritas.org/includes/pdf/backgroundmigration.pdf>

2. McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.). *World Migration Report 2022*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2021. 524 p.
3. Gender and migration. *Migration Data Portal*, 2023. URL: [https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cen%20\(ILO%2C%202021\)](https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cen%20(ILO%2C%202021))
4. Klugman D. Migrant women: same numbers, disproportionate difficulties. *Human Development Report 2009. Overcoming barriers: human mobility and development (press release)*. United Nations Development Program (UNDP). 2009. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_pr5.pdf (In Russ.).
5. Castles S., Haas H., Miller M.J. *The Age of migration international population movements in the modern world*. London: Macmillan, 1993. 306 p.
6. Gransow B. Gender and migration in China: Feminisation trends. In: Morokvasic M., Erel U., Shinozaki K. (eds.). *Crossing Borders and Shifting Boundaries*, vol. I: Gender on the Move. [S. l.], 2003, pp. 137–154.
7. Women and International Migration. UN. *Division for the advancement of women. Department of Economic and Social Affairs. The summary of the World Survey on the role of women in development*. 2004. URL: <https://www.un.org/ru/>
8. Chen Xue. A study of the health of immigrant women within the framework of multiple intersection theory. *Journal of Yunnan University: Social Sciences*, 2017, no. 1, pp. 127–133. (In Chin.).
9. Migration Profiles. China. *Unicef*. URL: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/China.pdf>
10. International Migration 2019: Wall Chart. *UN-iLibrary*. 2019. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210045452>
11. International Migration Database. *OECD.stat*. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>
12. Florinskaya Yu.F. Zhenskaya trudovaya migratsiya v Rossiyu: chislennost', strany-donory, nishi na rynke truda [Female labor migration to Russia: numbers, donor countries, niches in the labor market]. *Problemy prognozirovaniya*, 2022, no. 1, pp. 78–90.
13. Hu X. Chinese Immigrants in the United States – New Issues and Challenges. *People of Color in the United States*, 2016, vol. 4: Contemporary Issues in Immigration, pp. 1–12.
14. Chinese immigrants in the United States. *Migration Policy Institute*, 2010. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2008#top>
15. Number of foreign citizens living in South Korea in 2022, by country of origin and gender // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1297886/south-korea-foreign-citizens-by-origin-and-gender/>

16. Wang X. Chinese Migrants' sense of belonging in Japan: between digital and physical spaces. *Migration Research Series. No. 61. Geneva: International Organization for Migration (IOM)*, 2020. URL: <https://publications.iom.int/books/mrs-no-61-chinese-migrants-sense-belonging-japan-between-digital-and-physical-spaces>
17. Guo S., De Voretz D.J. The changing face of Chinese immigrants in Canada. *Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale*, 2007, vol. 7, art. no. 3018.
18. Ryan J. Chinese women as transnational migrants: gender and class in global migration narratives. *International Migration*, 2002, vol. 40, no. 2 pp. 93–116.
19. Da W.W. Gender Relations in Recent Chinese Migration to Australia. *Asian and Pacific Migration Journal*, 2003, vol. 12, no. 3, pp. 361–384.
20. Man G. Gender, work and migration: Deskillling Chinese immigrant women in Canada. *Women's Studies International Forum*, 2004, vol. 27, pp. 135–148.
21. Zhao X., Akbaritabar A., Kashyap R., Zagheni E. A Gender perspective on the global migration of scholars. *PNAS*, 2023, vol. 120, art. no. 10.
22. Tu Mengwei. For Chinese women, foreign study doesn't bring gender equality // Sixth Tone. 2018. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1001634>
23. Fran M. Overseas study as 'escape route' for young Chinese women. *Asia Research Institute*. 2016. URL: <https://theasiadialogue.com/2016/06/22/single-and-mobile-overseas-study-as-escape-route-for-young-chinese-women/>
24. Davin D. Marriage migration in China and East Asia. *Journal of Contemporary China*, 2007, vol. 16, no. 50, pp. 83–95.
25. Chung C., Kim K., Piper N. Marriage migration in Southeast and East Asia revisited through a migration-development nexus lens. *Critical Asian Studies*, 2016, vol. 48, no. 4, pp. 463–472.
26. Xia Y., Zhou Y., Du L., Cai T. Mapping trafficking of women in China: evidence from court sentences. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 29, no. 122, pp. 238–252.
27. Chu C. Y.-Y. Human trafficking and smuggling in China. *Journal of Contemporary China*, 2011, vol. 20, no. 68, pp. 39–52.

Информация об авторах

Е.Ю. Каткова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения и африканистики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

М.Г. Новоселова – магистрант специальности «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Information about the authors

E.Y. Katkova – Candidate of Historical Studies, Senior Lecturer, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

M.G. Novoselova – Master's Degree Student of Foreign regional studies, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 147–161.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 147–161.

ПРАВО

Научная статья

УДК 336.027

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/147-161>

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Вячеслав Иванович Селиверстов¹, Виктор Вячеславович Степанов²

^{1, 2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, г. Москва, Россия

¹Московский государственный лингвистический университет,
Институт международного права и правосудия, г. Москва, Россия

¹vis_home@list.ru <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

²vvs-tamb@mail.ru

Аннотация. В статье представлены сложившиеся научные территориальные центры, обеспечивающие в современных условиях научные исследования проблем исполнения (отбывания) уголовных наказаний. В качестве таковых рассматривается Москва, Рязань и Томск. Дополнительно анализируется потенциал ведомственных образовательных организаций ФСИН России и отдельных федеральных университетов. Сделаны выводы о более тесной интеграции университетской (академической) и ведомственной науки.

Ключевые слова: наука, уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная система, концепция, научно-образовательный центр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Академия ФСИН России, Томский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет.

Для цитирования: Селиверстов В.И., Степанов В.В. О территориальном развитии уголовно-исполнительной науки // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 147–161.

Original article

ON THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF PENAL SCIENCE

Vyacheslav I. Seliverstov¹, Viktor V. Stepanov²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Moscow, Russia

¹ Moscow State Linguistic University, Institute of International Law and Justice, Moscow, Russia.

¹vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

²vvs-tamb@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the established scientific territorial centers that provide scientific research on the problems of execution (serving) of criminal penalties in modern conditions. Moscow, Ryazan and Tomsk are considered as such. Additionally, the potential of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia and individual federal universities is analyzed. Conclusions are drawn about closer integration of university (academic) and departmental science.

Keywords: science, penal enforcement law, penal enforcement system, concept, scientific and educational center, Lomonosov Moscow State University, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk State University, Far Eastern Federal University.

For citation: Seliverstov V.I., Stepanov V.V. On the territorial development of penal science. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 147–161. (In Russ.).

Введение

Прошло почти три года с момента принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (Концепция-2030). За это время одни положения данного концептуального документа стали обретать реальные перспективы их реализации. Например, принят и с 1 января 2024 г. вступил в силу (за исключением некоторых норм) Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации». Подготовлена подзаконная нормативно-правовая база его реализации. В судебной практике расширено применение уголовного наказания в виде принудительных работ, в основном путем замены лишения свободы принудительными работами.

Другие положения имеют лишь отдаленную перспективу воплощения в правовую реальность. Речь идет о расширении правовой возможности применения уголовного

наказания в виде принудительных работ и о создании в уголовно-исполнительной системе (УИС) так называемых «объединенных учреждений». Год открытия первого экспериментального объединенного учреждения наступил, но пока гарантировать его (срок) никто не может.

Третьи положения (а их большинство) «застыли» в первоизданном виде в строках Концепции-2030. Например, тезис о повышении эффективности уголовно-исполнительной системы и учреждений, исполняющих наказания, упирается в отсутствие адекватных показателей этой эффективности, поскольку по-прежнему игнорируется интегрированный показатель эффективности в виде изменения уровня постпенитенциарного рецидива. Сюда же следует отнести повышение престижа деятельности сотрудников УИС и многое другое. По претворению в жизнь этих положений не предпринимается каких-либо усилий, и в плане реализации их на практике полная неопределенность.

Время для выполнения положений Концепции-2030 еще есть, и чтобы ее не постигла участь предшествующего концептуального документа, представляется необходимым в большей степени привлекать науку к проработке вопросов реализации отдельных направлений. Перед учеными следует ставить задачи определения не только путей и форм реализации концептуальных положений, но и целесообразности их выполнения. Дело в том, что Концепция-2030 разрабатывалась и принималась в 2020–2021 гг., когда не было обострения международной обстановки, вызванной проведением специальной военной операции. Последняя изменила не только внешнеполитические приоритеты, но и внутренние социально-экономические условия в России. Вовремя оценить изменение данных приоритетов и условий и на этой основе скорректировать рассматриваемый концептуальный документ также является важной функцией науки, исследующей сферу исполнения уголовных наказаний.

Для примера следует привести активные возражения ученых по поводу тюремной реформы, запланированной в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Именно позиция науки привела к тому, что после пяти лет реализации тюремного проекта в 2015 г. от него отказались по ряду причин экономического и социального порядка [1, с. 159–161].

Однако насколько оптимистично возлагать на уголовно-исполнительную науку столь сложную задачу, способна ли она предложить и обосновать ее оптимальное решение? Дело в том, что в отличие от других отраслей наук уголовного профиля развита она не столь масштабно. Фактически представлена тремя значимыми территориальными научными центрами (Москва, Рязань и Томск), в разной степени приоритетности проводящими исследования в областях уголовно-исполнительного права, пенитенциарной криминологии, педагогики, психологии, экономики, а также управления органами и учреждениями, исполняющими наказания.

Основная часть

Не ставя задачу ранжировать территориальные научные центры по их значимости и эффективности, представим их по алфавиту и дадим выборочную характеристику.

Москва. Научные исследования по фундаментальным проблемам исполнения уголовного наказания проводятся в образовательных организациях высшего профессионального образования и научно-исследовательских институтах столицы. Среди университетов Москвы следует отметить Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Зарождение школы тюремного (пенитенциарного) права в МГУ имени М.В. Ломоносова произошло еще в дореволюционный период времени. Впоследствии, в советский период, ее развитие связано с научно-исследовательской и образовательной деятельностью профессоров М.Н. Гернета, С.В. Познышева, Е.Г. Ширвиндта, Ю.М. Ткачевского и других ученых. Сфера их научных интересов в числе других пенитенциарных проблем касалась криминологической характеристики личности преступника, отбывающего лишение свободы (Е.Г. Ширвиндт), исполнения лишения свободы (С.В. Познышев), истории царской тюрьмы (М.Н. Гернет), прогрессивной системы исполнения наказания (Ю.М. Ткачевский).

Так, исследование личности осужденного в Советской России, осуществленное путем проведения первой специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы, в 1926 г. осуществил руководитель Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР) и по совместительству с 1921 по 1929 г. профессор кафедры уголовного права МГУ Евсей Густавович Ширвиндт [2, с. 79, 104]. Через 44 года, а именно в 1970 г., проведение специальных переписей осужденных по решению директивных органов Советского Союза было возобновлено. Научным руководителем переписей 1970, 1975, 1979, 1989, 1994 и 1999 гг. стал профессор Александр Соломонович Михлин [3, с. 356–363], который в 1951 г. окончил Московский юридический институт, по сути являвшийся своеобразным «клоном» юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, поскольку его открытие было вызвано прекращением деятельности юридического факультета Московского университета по идеологическим соображениям.

В 2015 г. на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова был открыт Научно-образовательный центр (НОЦ) «Проблемы уголовно-исполнительного права», которому в 2017 г. присвоено имя известного ученого-пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора Ю.М. Ткачевского. Научным руководителем НОЦ является профессор В.И. Селиверстов. В 2016 г. авторский коллектив НОЦа подготовил научно-теоретическую модель Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ [4]. В 2017–2018 гг. НОЦ провел исследование проблемы отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными за экономические (в сфере

предпринимательства) и должностные преступления [5], в 2019 г. исследовал проблемы социальной адаптации и ресоциализации лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений [6].

Не была забыта проблематика изучения личности осужденного. В 2010–2012 гг. ученые юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и других образовательных организаций обеспечили научное обобщение восьмой специальной переписи осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в ноябре 2009 г.

В настоящее время НОЦ совместно с НИИ ФСИН России обеспечил научное сопровождение девятой специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы и принудительные работы, а также лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах УИС. Девятая специальная перепись состоялась в декабре 2022 г., результаты данной переписи будут опубликованы в 2024 г. в издательстве «Проспект» в виде отдельных монографических изданий. Проведение указанных исследовательских проектов стало возможным при активном взаимодействии НОЦа и ученых ряда образовательных и научно-исследовательских организаций (Академия ФСИН России, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Московский государственный лингвистический университет, НИИ ФСИН России, Российский государственный университет правосудия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Национальный исследовательский Томский государственный университет и др.).

НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю.М. Ткачевского имеет тесные научные связи с образовательными учреждениями Беларуси и Казахстана. Он оказывает научно-методическую помощь ряду образовательных организаций ФСИН России, с которыми заключены долгосрочные соглашения о сотрудничестве.

Проблемы уголовно-исполнительного права традиционно обсуждаются на организуемых МГУ имени М.В. Ломоносова российских конгрессах уголовного права, на научно-практических конференциях и круглых столах. На предстоящем в мае 2024 г. Российском конгрессе уголовного права состоится обсуждение результатов 9-й специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Следует также отметить то, что ученые НОЦа юридического факультета университета в рамках своей компетенции привлекаются в качестве экспертов к оценке федеральных законов и ведомственных нормативных правовых актов, а также к разработке постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Освещая проведение научных исследований в Москве, следует отметить большую роль ведомственных научно-исследовательских институтов, расположенных в столице. Так, с 1976 по 1999 г. научные исследования в сфере исполнения уголовных наказаний проводили научные сотрудники пятой лаборатории ВНИИ МВД СССР,

а затем восьмой лаборатории ВНИИ МВД России. В их числе следует назвать профессоров А.И. Зубкова, Ю.М. Антоняна, М.П. Журавлева, В.Е. Квашиса, А.С. Михлина, Н.А. Стручкова, Г.А. Туманова, И.В. Шмарова. В 1999 г. в связи с передачей уголовно-исполнительной системы из министерства внутренних дел в министерство юстиции был образован НИИ Минюста России (в настоящее время НИИ ФСИН России), куда была передана восьмая лаборатория ВНИИ МВД России. Таким образом, через 76 лет реализовалась идея образования самостоятельного пенитенциарного института, обоснованная профессором Е.Г. Ширвиндтом в далеком 1923 г., но не поддержанная властями Советской России [2, с. 23].

В указанных структурных подразделениях НИИ МВД СССР (России) и НИИ ФСИН России активно и на высоком профессиональном уровне разрабатывались теоретические и прикладные проблемы правового регулирования исполнения уголовных наказаний, организации уголовно-исполнительной системы, психолого-педагогического и иного воспитательного воздействия на осужденных, предупреждения рецидивной преступности и т.д. Научный портфель пенитенциарных исследований в указанный выше период времени пополнялся разработками кафедры управления органами, исполняющими наказания, и исправительно-трудового права Академии МВД СССР (России), где в разные годы работали такие специалисты, как профессора В.П. Артамонов, А.И. Зубков, А.С. Михлин, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков, М.П. Стурова, И.В. Шмаров и др.

В историческом аспекте нельзя не отметить разработку вопросов исполнения наказаний во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства, где в 70-80-х годах прошлого столетия успешно исследовал проблемы кодификации исправительно-трудового законодательства профессор Л.Г. Крахмальник.

В настоящее время НИИ ФСИН России представляет собой многопрофильное научно-исследовательское учреждение, в котором в интересах УИС исследуются правовые, криминологические, организационные, экономические, оперативно-розыскные, психологические проблемы исполнения уголовных наказаний. Результаты научных разработок представляются в профильные управления ФСИН России для практического внедрения, докладываются на научно-практических конференциях, публикуются в научных статьях, в том числе в периодически издаваемом журнале «Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление», с 1 января 2024 г. относящемуся в категории К-1 Переченя рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и ученой степени доктора наук.

Рязань. Территориальный научный центр в Рязани организовался на базе старейшего образовательного учреждения, готовящего кадры для уголовно-исполнительной системы – Академии ФСИН России. Научную уголовно-исполнительную

школу в Рязанской высшей школе МВД СССР (так ранее называлась Академия ФСИН России) заложили профессора П. Мелентьев, В.Г. Деев, В.И. Гуськов, Н.А. Огурцов, В.А. Елеонский, доценты А.В. Маслихин, А.И. Васильев, В.А. Фёдоров и др. В стенах Академии трудились 45 докторов наук, 196 кандидатов, 9 заслуженных работников высшей школы РФ, два заслуженных деятеля науки РФ [7, с. 28].

В стенах Академии ФСИН России созданы научные школы в областях уголовного и уголовно-исполнительного права, пенитенциарной социологии, пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, управления и экономики уголовно-исполнительной системы, ее безопасности и ресурсного обеспечения. Широко известны периодически проводимые в Академии ФСИН России международные пенитенциарные форумы: последний, VI форум, прошел в ноябре 2023 г. и собрал свыше 500 участников из России и государств СНГ.

В настоящее время в Академии ФСИН России действуют два диссертационных совета по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям 5.1.4 – Уголовно-правовые науки и 19.00.06 – Юридическая психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки). Также издаются два специализированных научных журнала, освещающих политико-правовые, организационные, психолого-педагогические, экономические и иные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы и исполнения уголовных наказаний. Оба журнала включены в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень ВАК).

В качестве положительного аспекта научно-исследовательской деятельности ученых Академии ФСИН России следует отметить то, что ряд научных мероприятий посвящается памяти известных ученых-пенитенциаристов академии (В.И. Гуськов, А.И. Зубков, М.П. Мелентьев, Н.А. Огурцов, В.А. Рыбаков, Н.С. Артемьев, А.И. Ушатилов, В.И. Игнатенко и др.). Ученые Академии (Ф.В. Грушин, Ю.В. Головастова, Э.В. Лядов, В.Н. Чорный) активно участвуют в научных проектах, реализуемых в рамках НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю.М. Ткачевского МГУ имени М.В. Ломоносова.

Активно исследуют проблемы уголовно-исполнительного права в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина и Рязанском филиале Московского университета имени С.Ю. Витте, где трудятся высоко квалифицированные специалисты (выходцы из Академии ФСИН России) профессора В.В. Геранин, А.А. Гришко и В.Е. Южанин.

Томск. Авторский коллектив из Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ) в 1992 г. разработал альтернативный проект УИК РФ, а затем осуществлял научное сопровождение эксперимента по введению в

правовую систему России уголовного наказания в виде обязательных работ. В ТГУ функционирует известная научная школа, проводящая актуальные научные исследования и готовящая научно-педагогические кадры для пенитенциарной сферы, основы которой заложил известный ученый в области уголовного и уголовно-исполнительного права профессор Александр Львович Ременсон [8]. В число известных представителей томской школы уголовно-исполнительного права входят профессора А.И. Зубков, В.И. Селиверстов и О.В. Филимонов, доценты В.А. Тирский, А.К. Музеник, Н.И. Ланкин и др.

В настоящее время томской научной школой руководит заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор В.А. Уткин. Всем специалистам известны ежегодные январские конференции по проблемам правоведения, составной частью которых являются проблемы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также применения к осужденным основных средств исправления. Довольно активно в ТГУ осуществляется подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации с защитой диссертаций по уголовно-исполнительной тематике, для чего в университете открыт самостоятельный диссертационный совет.

Пласт научных разработок томичей дополняют исследования Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, где проблемы исполнения наказаний исследуются в интересах обеспечения потребностей УИС.

Фундаментальные и прикладные проблемы исполнения наказания разрабатываются и в других регионах России по месту нахождения ведомственных институтов ФСИН России.

Владимир. Во Владимирском юридическом институте ФСИН России приоритетными являются пенитенциарные исследования с ориентацией на нормативное регулирование и проведение оперативно-розыскной деятельности в УИС. Издаются три периодических журнала, в которых освещаются проблемы нормативной регламентации и правоприменения при исполнении уголовных наказаний. Журнал «Вестник Владимирского института» также включен в Перечень ВАК.

Вологда. В Вологодском институте права и экономики ФСИН России среди других направлений приоритетной является проблематика обращения с несовершеннолетними осужденными, в частности – исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Уголовно-исполнительная тематика находит отражение в проводимых ВИПЭ ФСИН России ежегодных международных научно-практических конференциях: «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации». В институте издаются три научных журнала. Особо следует отметить издаваемый на русском и английском языках научно-теоретический журнал «Пенитенциарная наука», входящий не только в Перечень ВАК (серия К-2), но и в список журналов для защиты диссертаций в самостоятельных диссертационных советах МГУ имени

М.В. Ломоносова. Ежегодно проводится международный конкурс памяти профессора А.И. Зубкова на лучшую научно-исследовательскую работу среди молодых ученых. Ученые ВИПЭ активно сотрудничают с научно-исследовательскими и образовательными организациями стран СНГ. При содействии сотрудников института в Вологде создан и активно действует межрегиональный Научный пенитенциарный клуб, объединяющий ученых и практиков России.

Воронеж. В Воронежском институте ФСИН России научные исследования преимущественно проводятся в информационно-технической сфере деятельности уголовно-исполнительной системы, хотя и научные исследования правовых и организационных проблем исполнения уголовных наказаний также имеют место. Для обсуждения полученных результатов используется площадка ежегодных международных конференций «Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы», а также журнал «Вестник Воронежского института ФСИН России», включенный в Перечень ВАК.

Новокузнецк. В Кузбасском институте ФСИН России, территориально расположенном в г. Новокузнецк, предметом научных исследований является довольно широкая проблематика – «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», широко обсуждаемая на ежегодных всероссийских научно-практических конференциях. В институте издаются два периодических журнала, один из них (Вестник Кузбасского института) включен в Перечень ВАК.

Санкт-Петербург. В настоящее время завершилось становление Университета ФСИН России (г. Пушкино), научные разработки которого в области уголовно-исполнительного права приобретают все большее значение. Предпосылкой этому является передача в состав Университета ФСИН России Псковского филиала (ранее самостоятельного Псковского юридического института ФСИН России), имеющего научные традиции в сфере разработки проблем исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. В этом же контексте также следует отметить участие ученых Университета в ряде значимых научных проектов, в частности в обобщении в 2023 г. результатов девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей (доценты Е.Ю. Белова и Е.Е. Новиков). Результаты научных исследований освещаются на ежегодных международных петербургских пенитенциарных конференциях, а также на страницах журнала «Профессиональное юридическое образование и наука».

Самара. В Самаре есть две образовательные организации, проводящие научные исследования в рассматриваемой сфере.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева на кафедре уголовного права под руководством профессора Т.В. Кленовой реализует ряд проектов по ресоциализации лиц, отбывающих или отбывших уголовные наказания [9].

Самарский юридический институт ФСИН России известен прикладными исследованиями, посвященными правовым, организационным и психолого-педагогическим аспектам обеспечения безопасности как самой уголовно-исполнительной системы, ее персонала, так и осужденных, Их результаты освещаются в научных публикациях института и ежегодных всероссийских научно-практических конференциях с международным участием: «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт», посвященных памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. В институте издается журнал «Вестник Самарского юридического института», включенный в Перечень ВАК.

Пермь. В Пермском институте ФСИН России научные исследования проводятся в рамках двух специальностей – «юриспруденция» (преимущественно уголовно-исполнительное право) и «зоотехния» (в основном кинология в интересах выполнения задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой). Материалы пенитенциарных исследований находят отражение в журнале «Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний», входящий в Перечень ВАК. Они также обсуждаются на ежегодных международных научно-практических конференциях «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия».

Научные исследования по пенитенциарной тематике проводятся в Кировском институте повышения квалификации работников ФСИН России в **г. Киров**, а также не на постоянной основе – в ряде университетов и институтов в других городах России.

Например, ранее вопросы исправительно-трудового и уголовно-исполнительного права наряду с проблемами уголовного права и криминологии исследовал во **Владивостоке** профессор Дальневосточного государственного университета С.Я. Улицкий. Отрадно отметить, что в настоящее время пенитенциарная тематика нашла отражение в докторской диссертации Н.Н. Коротких [10], Кроме того, в диссертационном совете прошли защиты диссертаций В.И. Аммосовой [11] и Е.Э. Поповой [12] по пенитенциарной тематике. На уровне диссертационного исследования идет разработка проблемы постпенитенциарного рецидива (Т. Филоненко). Однако всего этого, конечно, недостаточно. Для столь мощного научного потенциала, который имеется на Дальнем Востоке, хотелось бы, чтобы о Дальневосточной уголовно-исполнительной школе Востока написали так же, как профессора А.И. Коробеев и В.А. Номоконов писали в свое время о научных школах уголовного права и криминологии [13; 14].

Аналогичные пожелания можно высказать и для других регионов России, где имеются богатые своими традициями научные школы в области уголовного права и криминологии (Кубань, Поволжье, Урал, Восточная Сибирь и т.д.).

Выводы

Анализ научных исследований в уголовно-исполнительной сфере позволяет прийти к следующим выводам.

1. Наука уголовно-исполнительного права в современный период развивается в нескольких федеральных университетах гражданского профиля, а также в системе ведомственного образования ФСИН России. У каждого из этих путей есть свои достоинства и недостатки. Университетская наука в большей степени независима и обособлена от ведомственных влияний, тогда как ведомственная наука негативные влияния несомненно испытывает.

Ведомственная наука имеет в своем распоряжении большой арсенал эмпирических данных, включая статистические показатели и данные конкретно-социологических исследований. Университетская наука не обладает столь обширной эмпирической базой, тем более что доступ к ведомственной информации (включая статистическую) еще больше сокращается в современных условиях.

2. Университетское научное сообщество в большей степени ориентировано на проведение научных исследований в областях уголовного права и криминологии. На желание заниматься уголовно-исполнительными исследованиями в негативном аспекте влияет положение соответствующей учебной дисциплины. В отличие от уголовного права и криминологии на изучение уголовно-исполнительного права в университетах отводится минимальное число учебных часов, а в некоторых образовательных организациях высшего профессионального образования эта дисциплина вообще не преподается. В этих условиях у преподавателей не возникает желания серьезно заниматься научными исследованиями в уголовно-исполнительной сфере.

3. Территориальное размещение научных уголовно-исполнительных школ показывает их сосредоточение преимущественно в Центральной России. За Уральским хребтом России только Томск может соответствовать этому назначению. Наличие научной школы и кадров соответствующей специализации породили то положение, что одна образовательная организация ФСИН России была открыта в самом Томске, а вторая – в ближайшем к Томску регионе (г. Новокузнецк Кемеровской области). Планы по открытию такой же образовательной организации высшего профессионального образования в г. Уссурийск Приморского края, а также в других регионах Сибири и Дальнего Востока не были реализованы из-за отсутствия необходимых для этого условий, включая недостаток кадрового научного и педагогического потенциала.

4. В современных условиях как никогда стоит задача интеграции университетской и ведомственной науки при разработке наиболее актуальных научных проектов, что позволит усилить имеющиеся у каждого направления науки достоинства и минимизировать присущие им недостатки. В качестве примера такой интеграции следует привести Девятую специальную перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенную в декабре 2022 г. Подготовка к проведению переписи была осуществлена силами ФСИН России (НИИ и НИИИТ) и юридического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова, а в обобщении результатов приняли участие ученые шести образовательных и научно-исследовательских организаций ФСИН России и четырех федеральных университетов.

Список источников

1. Селиверстов В.И. Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти д.ю.н. О.В. Филимонова. М.: Юриспруденция, 2014. 304 с.
2. Трунцевский Ю.В., Беляева Л.И. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта): монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. 240 с.
3. Селиверстов В.И. Изучение личности осужденных с помощью специальной переписи // Актуальные проблемы законодательства и правоприменительной практики в Республике Казахстан и в зарубежных странах. Алматы: Туран, 2020. С. 356–363.
4. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017. 328 с.
5. Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: итоги теоретического исследования / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2019. 458 с.
6. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2020. 368 с.
7. Реент Ю.А. Академия ФСИН России: страницы прошлого и настоящего // Человек, преступление, наказание. 2014. № 3. С. 25–31.
8. Уткин В.А. О роли личности в истории науки (Александр Львович Ременсон) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 6–12.
9. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / Адоевская О.А., Безверхов А.Г., Ведерникова О.Н. [и др.]; под ред. Т.В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2019. 431 с.
10. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 39 с.
11. Аммосова В.И. Исправительные работы в России и других странах – участницах содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 28 с.

12. Попова Е.Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2022. 57 с.

13. Коробеев А.И., Номоконов В.А. Дальневосточная школа уголовного права и криминологии: история и современность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 4 (279). С. 135–146.

14. Номоконов В.А. Дальневосточная криминологическая школа: проблемы причинности, наркотизма и организованной преступности // Криминология вчера, сегодня и завтра. 2009. № 1 (16). С. 79–88.

References

1. Seliverstov V.I. Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy dolzhna byt' izmenena [The concept of development of the penal system must be changed]. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya politika, zakonodatel'stvo i pravo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy: sbornik materialov kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati d. yu. n. O.V. Filimonova* [Penal policy, legislation and law: current state and prospects: a collection of materials from a round table dedicated to the memory of D. Yu. n. O.V. Filimonova]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2014. 304 p.

2. Truntsevsky Yu.V., Belyaeva L.I. U istokov rossiiskoi yuridicheskoi nauki (k 130-letiyu Evsey Gustavovicha Shirvindta) [At the origins of Russian legal science (to the 130th anniversary of Evsey Gustavovich Shirvindt): monograph]. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2023. 240 p.

3. Seliverstov V.I. Izuchenie lichnosti osuzhdennykh s pomoshch'yu spetsial'noi perepisi [Studying the personality of convicts using a special census]. In: Aktual'nye problemy zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki v Respublike Kazakhstan i v zarubezhnykh stranakh [Current problems of legislation and law enforcement practice in the Republic of Kazakhstan and in foreign countries]. Almaty: Turan Publ., 2020, pp. 356–363.

4. Seliverstov V.I. (ed.). Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya [The general part of the new Criminal Executive Code of the Russian Federation: results and justifications for theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2017. 328 p.

5. Seliverstov V.I. (ed.). Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i dolzh-nostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya [Serving imprisonment for those convicted of economic and official crimes: results of theoretical research]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2019. 458 p.

6. Seliverstov V.I. (ed.). Sotsial'naya adaptatsiya (resotsializatsiya) lits, osvobozhdaemykh i osvo-bozhdennykh iz ispravitel'nykh uchrezhdenii [Social adaptation

(resocialization) of persons released and released from correctional institutions]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2020. 368 p.

7. Reent Yu.A. Akademiya FSIN Rossii: stranitsy proshlogo i nastoyashchego [Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: pages of the past and present]. *Chelovek, prestuplenie, nakazanie*, 2014, no. 3, pp. 25–31.

8. Utkin V.A. O roli lichnosti v istorii nauki (Aleksandr L'vovich Remenson) [On the role of personality in the history of science (Alexander Lvovich Remenson)]. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2023, no. 21, pp. 6–12.

9. Klenova T.V. (ed.) Resotsializatsiya i real'noe vkluyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh [Resocialization and real inclusion of convicts in civil society: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 431 p.

10. Korotkikh N.N. Teoreticheskie i prikladnye problemy ucheniya o mnozhestvennosti prestuplenii: ugolovno-pravovoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie [Theoretical and applied problems of the doctrine of the plurality of crimes: criminal law and penal research]: Dr. Dis. (Legal Sci.) Synopsis. Ekaterinburg, 2016. 39 p.

11. Ammosova V.I. Ispravitel'nye raboty v Rossii i drugih stranakh – uchastnitsakh sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Correctional work in Russia and other countries - members of the Commonwealth of Independent States: comparative legal research]. Cand. Dis. (Legal Sci.) Synopsis. Vladivostok, 2017. 28 p.

12. Popova E.E. Obshchestvennoe vozdeistvie kak osnovnoe sredstvo ispravleniya osuzhdennykh: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [Social influence as the main means of correction of convicts: theory, legislation, practice]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Vladivostok, 2022. 57 p.

13. Korobeev A.I., Nomokonov V.A. Dal'nevostochnaya shkola ugovornogo prava i kriminologii: istoriya i sovremennost' [Far Eastern school of criminal law and criminology: history and modernity]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2008, no. 4 (279), pp. 135–146.

14. Nomokonov V.A. Dal'nevostochnaya kriminologicheskaya shkola: problemy prichinnosti, narkotizma i organizovannoi prestupnosti [Far Eastern criminological school: problems of causality, drug addiction and organized crime]. *Kriminologiya vchera, segodnya i zavtra*, 2009, no. 1 (16), pp. 79–88.

Информация об авторах

В.И. Селиверстов – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.

В.В. Степанов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the authors

V.I. Seliverstov – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

V.V. Stepanov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 162–174.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 162–174.

Научная статья

УДК 336.027

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/162-174>

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Илья Николаевич Русяев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,
manager@rusyaev.com

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы нормативного регулирования банкротства. На основе анализа нормативных правовых актов определено смысловое значение, заложенное в понятие криминального банкротства. Рассмотрен вопрос, связанный с определением особого места признаков банкротства при определении состава преступления. Проанализированы точки зрения видных ученых по данному вопросу. Наглядно продемонстрирован генезис преступлений, связанных с процедурой банкротства, с учетом изначально заложенного иного смысла, нежели на данный момент. В ходе исследования определена и обоснована позиция, касающаяся бессистемного развития отечественного законодательства о криминальном банкротстве в XVIII– начале XIX вв. и несоответствии в значительной степени потребностям складывающейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: экономическая деятельность, банкротство, несостоятельность, конкурсное производство, имущество

Для цитирования: Русяев И.Н. Становление законодательства о криминальном банкротстве в дореволюционном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. 162–174.

Original article

THE FORMATION OF LEGISLATION ABOUT CRIMINAL BANKRUPTCY IN THE PRE-REVOLUTIONARY LAW OF RUSSIA

Ilya N. Rusyaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, manager@rusyaev.com

Abstract. The article discusses the problems of regulatory regulation of bankruptcy. Based on the analysis of regulatory legal acts, the semantic meaning inherent in the concept of criminal bankruptcy is determined. The issue related to the definition of a special place of bankruptcy signs in determining the corpus delicti is considered. The points of view of prominent scientists on this issue are analyzed. The genesis of crimes related to the bankruptcy procedure is clearly demonstrated, taking into account the originally laid down meaning other than at the moment. In the course of the study, the position regarding the haphazard development of domestic legislation on criminal bankruptcy in the XVIII– early XIX centuries and the discrepancy to a large extent with the needs of emerging law enforcement practice is determined and justified.

Keywords: economic activity, bankruptcy, insolvency, bankruptcy proceedings, property.

For citation: Rusyaev I.N. The formation of legislation on criminal bankruptcy in pre-revolutionary law of Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 162–174. (In Russ.).

Становление нормативного регулирования банкротства приходится на XVIII–XIX вв. Именно в это время в Российской империи активно развивались экономика и социальная сфера, иностранное законодательство интегрировалось в отечественное правовое поле. В первой половине XVIII в. были приняты несколько законов, в которых рассматривались вопросы несостоятельности и конкурсного производства: Устав о таможенном словесном суде 1727 г., Вексельный устав 1729 г. и др. Однако надо иметь в виду, что до 1740 г. ни один из них не определял общий порядок и процедуру взыскания долгов с несостоятельных должников и не содержал уголовно-правовых запретов в сфере несостоятельности [1].

В связи с этим начиная с 1735 г. по Указу императрицы Анны Иоанновны президентом Коммерц-коллегии бароном Менгденом разрабатывался проект Устава о банкротах («Банкротский Устав»), который был принят 15 декабря 1740 г. Документ был утвержден Кабинетом министров и получил статус закона, но из-за конфликтных

отношений между Правительством и Сенатом не был опубликован, несколько позднее он был включен в Полное собрание законов Российской империи [2].

Хотя Устав влиял на позицию судов при рассмотрении дел о банкротстве [3, с. 67], он не нашел активного применения, поскольку, во-первых, содержал большое количество противоречивых, недостаточно апробированных положений, которые не могли применяться в России из-за несоответствия «состоянию торговли и ее учреждений» [3, с. 68]; во-вторых, во многом копировал западноевропейское законодательство, не отвечал отечественным обычаям делового оборота и практике хозяйственной деятельности того периода.

Следует отметить чрезвычайно жесткие меры репрессии, которые были установлены в нормах об уголовной ответственности. Так, статьей 14 Устава о банкрутах 1740 г. предусматривалось наказание в виде смертной казни через повешение для должников, совершивших злостное банкротство в форме «обманства». В свою очередь, ст. 22 Устава устанавливала уголовную ответственность за неправомерные действия с вновь нажитым имуществом во время конкурса в форме утаивания или удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб другим.

Должник, совершивший такие действия, злостным банкротом не признавался, к нему применялось наказание в виде ссылки на каторгу. Непонятно, по каким причинам для должников-банкротов устанавливались такие крайне жесткие виды уголовного наказания? К примеру, ни до этого, ни в последующих нормативных правовых актах, регламентировавших уголовную ответственность за криминальное банкротство, смертная казнь не предусматривалась.

Последующие попытки урегулировать конкурсные отношения также нельзя назвать удачными. Разработка уставов о банкротстве, предпринятая в 1753, 1763, 1768 гг., осуществлялась в условиях практически полного отсутствия так называемого базового законодательства о несостоятельности [4]. Данные нормативные акты частично копировали европейское право, частично воспроизводили переработанные предписания Устава 1840 г., слабо востребованные практикой, и в результате не были приняты Сенатом.

Устав о банкрутах 1800 г. [5] явился новым этапом правового регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства), положения которого достаточно четко регламентировали как механизм признания банкротом, так и последствия несостоятельности. Устав различал неосторожную и умышленную несостоятельность, безвинная же банкротством не признавалась.

Криминальным банкротством признавались действия, связанные с торговой несостоятельностью:

1) выдача подложных векселей, расписок, «поступных» писем (документ, являющийся разновидностью частной купчей или дарственной [6]), иных обязательств,

изменение существующих обязательств с целью имущественных выплат в ущерб кредиторам после усмотрения неминуемого банкротства (ст. 104 Устава);

2) удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб требованиям иных кредиторов или утаивание имущества или требований должника на чужое имущество (ст. 138 Устава).

Таким образом, Устав о банкротях, явившийся первым официально принятым нормативным актом, регулирующим все процедуры хозяйственной несостоятельности, устанавливал ответственность, в том числе и уголовную, за неправомерные действия при банкротстве в форме уменьшения активов предприятия, сокрытия имущества или своих требований на имущество, а также увеличения пассивов – выдачи подложных векселей, расписок и т.д. [7]

Устав 1800 г. был достаточно хорошо воспринят доктриной и широко применялся на практике, поскольку закрыл серьезные бреши в правовом регулировании института несостоятельности, которые создавали проблемы в развитии отечественной экономики и хозяйственного уклада. Однако по истечению нескольких десятилетий многие положения документа стали устаревать. В России активно развивался промышленный капитализм, значительно выросли объемы внутренней и внешней торговли, что требовало дальнейшего совершенствования правового регулирования экономической деятельности. В результате к 1832 г. был разработан и принят Устав о торговой несостоятельности. Фактически документ заменил собою часть первую Устава о банкротях 1800 г. Но надо иметь в виду, что Устав 1832 г. применялся только к случаям несостоятельности лиц, осуществлявших торговлю [7, с. 52]. Значение законодательного акта определялось еще и тем, что к его правовым положениям во многом отсылались нормы о криминальном банкротстве в принятом впоследствии Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В целом Устав понимает под банкротством как неосторожное (без умысла и подлога), так и злонамеренное поведение субъекта-должника. Несчастная (форс-мажорная) несостоятельность банкротством не признавалась. Уголовная ответственность наступала исключительно за совершение злонамеренного банкротства. Отдельно была установлена уголовная ответственность за сокрытие («утайку») имущества (ст. 31 и п. 1 ст. 126 Устава) и внесение недостоверных сведений о кредиторских или дебиторских задолженностях в смету (ст. 31 и ч. 3 ст. 126 Устава). В качестве последствий таких действий Устав предлагал предание уголовному суду как за подлог, а при совершении указанных действий после принесения присяги – и за нарушение присяги. Перед проведением конкурсных процедур должник должен был заявить в коммерческом суде под присягой, что подлогов не совершал и имущество не утаивает.

Отношение к Уставу 1832 г. в отечественной доктрине было неоднозначным. Так, Г.Ф. Шершеневич оценивал его довольно критически. Сравнивая Устав с французским законодательством о несостоятельности, он отмечал, что «по полноте пос-

тановлений, по ясности положений Банкротский устав (1800 г.) стоит выше Устава о несостоятельности 1832 г., особенно если принять во внимание позднейшее время издания последнего и существование такого образца, как французское Торговое уложение» [8, с. 145]. В свою очередь А.Х. Гольмстен указывал, что этот Устав «внес много нового в наш конкурсный процесс», явился продуктом «всей предшествующей вековой кодификационной работы» [9].

Несмотря на все недоработки и противоречия, Устав о торговой несостоятельности действовал до Октябрьской революции 1917 г., да и потом некоторое время применялся судами в отсутствие норм, регламентирующих правила несостоятельности.

Вопросы об ответственности за преступления в сфере банкротства получили дальнейшее развитие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., многие нормы которого, как уже говорилось, отсылали к положениям Устава 1832 г.

Согласно Уложению 1845 г. в зависимости от категории банкротства ответственность разграничивалась на гражданскую и уголовную. В первоначальной редакции Уложения уголовная ответственность за банкротские преступления предусматривалась в ст. 1582–1588 (в ред. 1885 г. – в ст. 1163–1168) гл. XII «О нарушении постановлений о кредите» разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»¹ [10; 11].

Многие уголовно-правовые нормы о банкротстве содержали бланкетные диспозиции и ссылались на признаки, отраженные в Уставе о торговой несостоятельности 1832 г. Уложение установило ответственность для лиц неторгового сословия, а также руководителей акционерных обществ и товариществ, закрепило размеры наказания и восполнило пробелы в регулировании уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве [1]. Были признаны уголовно наказуемыми передача и сокрытие имущества во вред кредиторам (ст. 1585), утаивание от кредиторов закладных писем (ст. 1587) и действия, препятствующие осуществлению процедуры банкротства (ст. 1588). Несостоятельность объявлялась неосторожной (ст. 1584) и именовалась простым банкротством, если произошла по вине купца, но без подлога и умысла, т. е. должник при ведении хозяйственной деятельности допускал расходы, явно не соответствующие доходам. Наказуемость простого банкротства сводилась к обязанности каждого купца погашать учиненные долги. К признакам простого банкротства, которые также описывались в Уставе 1832 г., относились:

- а) прием управляющих, неспособных правильно организовать работу предприятия, ведение дел таким образом, что наступил упадок торговли;
- б) открытие предприятия в долг или ведение дел на кредитные средства при отсутствии собственного капитала;

¹ При оформлении новых редакций Уложения, законодатель также изменял нумерацию статей уголовного закона.

в) принятие наследства, обремененного долгами;
г) ведение роскошной жизни, явно не соответствующей доходам;
д) неведение торговых книг или ведение их таким образом, что по ним невозможно определить состояние имущества и долгов, при отсутствии умысла и подлога [12].

В последующих редакциях Уложения 1845 г. определенным образом смягчались санкции за рассматриваемые деяния. Так, ответственность за злостное банкротство для лиц, осуществляющих торговлю, устанавливалась ст. 1582 Уложения 1845 г. (в первоначальной ред.), санкция которой предусматривала лишение всех прав и состояний и ссылку в Сибирь на поселение. Аналогичная норма, закрепленная в ст. 1163 (в ред. Уложения 1885 г.), предусматривала ответственность в виде лишения всех «прав и преимуществ и отдаче в арестантское отделение сроком от 4 до 5 лет». Наказание за неосторожное банкротство изначально предусматривало тюремный срок от 1 до 2 лет (ст. 1584 в ред. 1845 г.), затем было смягчено: лицо могло быть наказано тюремным заключением на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев и только «по требованию и усмотрению заимодавцев» (ст. 1165 в ред. 1885 г.). При этом основным наказанием в этом случае являлось «лишение прав торговли».

Коротко остановимся на регламентации ответственности за преступления в сфере несостоятельности в Уголовном уложении 1903 г. В этом кодексе уголовно-правовая охрана отношений между должником-банкротом, кредиторами и иными лицами, участвующими в процедуре банкротства, получила наиболее детальное и глубокое содержание по сравнению со всеми предыдущими правовыми актами Российской империи. Так, 22 марта 1903 г. императором Николаем II было утверждено новое Уголовное уложение [13], которое призвано было заменить законодательство 1845 г. и в котором были учтены произошедшие в России социальные, политические и экономические изменения. Характер и техника его нормативных установлений оказались таковы, что, несмотря на смену общественно-политического строя в 1917 г., они не утратили актуальности и оказали существенное влияние на содержание нормативных актов советского периода. В нем имелся и блок норм об ответственности за криминальное банкротство. Они, к сожалению, не нашли реализации в полном объеме на территории всей Российской империи.

Последнее объясняется тем, что во время принятия Уложения 1903 г. действовали ранние источники права, например Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Военский и Военно-морской уставы. Все это усложняло процесс унификации; многолетняя работа авторов Уложения 1903 г. так и не была приведена к логическому завершению – оно не вступило в силу в полном объеме. В 1904 г. были введены в действие его главы о государственных преступлениях, в 1906 г. – о религиозных, после были введены в действие около 30 статей других его глав. Действующим вплоть до 30 ноября 1918 г. оставалось Уложение 1845 г. Полностью уложение

действовало лишь на территории Латвии, Литвы и Эстонии [14]. В целом, как уже говорилось, применительно к регулированию ответственности за банкротство в Уложении 1903 г. можно отметить определенный прогресс, и в первую очередь с точки зрения юридической техники. К основным положительным моментам следует отнести:

- а) структурированное разделение Уложения на Общую и Особенную части;
- б) дифференциацию уголовных наказаний на главные, дополнительные и заменяющие;
- в) нормативное разграничение ролей в содеянном, более четкое выделение и описание соучастников [15].

Нормы об ответственности за преступную несостоятельность размещены в гл. 34 Уложения «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях недобросовестной наказуемости по имуществу». Однако нормы, непосредственно связанные с противоправным банкротством, закреплялись и в других главах. Так, в гл. 31 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» устанавливалась ответственность для лиц, осуществляющих надзор за вверенным имуществом (в том числе конкурсной массой) и злоупотребляющих полномочиями во вред этому имуществу (ст. 577). В гл. 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» предусматривалась ответственность за нарушение правил проведения публичных торгов (ст. 681). Причем законодатель в этих нормах ужесточил наказание по сравнению с Уложением 1845 г.: злоупотребление полномочиями стало караться тюремным заключением, а нарушение правил публичных торгов – заключением в исправительном доме.

Глава 34 Уложения содержала 21 статью (599–619), из которых напрямую были связаны с банкротством только 8 (599–607), хотя в ст. 602 устанавливалась исключительно ответственность соучастников. Это не единственный, на наш взгляд, неудачный пример размещения в Особенной части положений, характерных для Общей части. В отличие от Уложения 1845 г., диспозиции указанных норм характеризовались очень подробным описанием признаков объективной стороны всех преступлений, связанных с банкротством. В ущерб бланкетному описанию ссылки на Торговые уставы отсутствовали, поскольку многие положения этих уставов были прямо перенесены в нормы уголовного закона, что делало их чрезвычайно казуистичными. Кроме того, громоздкость рассматриваемых уголовно-правовых запретов происходила по причине недостаточного использования в гл. 34 Уложения постатейных примечаний и внутренних отсылок¹, в которых в прежнем уголовном законе пропи

¹Причиной этого послужило негативное доктринальное отношение к институту нормативного примечания в 1900–1915 г. В подтверждение сказанного отметим принятие в Санкт-Петербурге ряда официальных Правил изложения законопроектов, в которых было закреплено требование к Особенной части акта – «избегать примечаний», в Общей части – «вовсе не допускать таковых» (ст. 5) [16].

сывались многие нормативные положения и которые в Уложении переключались в диспозиции норм о банкротстве и иных норм, также увеличивая их объем и нарушая принцип экономии законодательного материала, правил юридической техники о лаконичности, четкости и ясности уголовно-правового запрета. Это обстоятельство приводило к усложнению конструкции нормы, затруднению ее восприятия, а также к последующим проблемам в правоприменительной практике.

Вряд ли такой подход можно назвать разумным, продуктивным и обоснованным. Так, содержание практически всех постатейных примечаний, которые были закреплены прежде в статьях о банкротстве ранее действовавшего Уложения, перешло в редакции норм гл. 34 Уложения 1903 г. Встраивание объемных правовых определений в диспозиции некоторых норм превращало последние в громоздкие описательные конструкции, чего можно было избежать при вариативном использовании следующих приемов законодательной техники: 1) *бланкетного* (по способу изложения), 2) *смешанного* (по степени обобщения конкретных показателей нормы), 3) *примечания* (по месту расположения вспомогательного нормативного текста).

Казуистичность многих исследуемых диспозиций также обусловлена нарушением правил применения языковых средств. К примеру, в ст. 601 законодатель восемь раз перманентно использует лингвистическую связку – «установление, товарищество или общество», несмотря на то, что уже после первого упоминания понятен адресат запретительных действий. В этой же плоскости лежит неоправданное последовательное использование синонимичных понятий, например «расстройство», «порядок дел»¹ [17, 18] и т. д.

В качестве положительных нормативных решений можно указать на расширение сферы криминального поведения субъектов, когда закон стал предусматривать наказание как за преступное уменьшение активов, так и за увеличение пассивов должника. При этом перечень противоправных способов воздействия на конкурсную массу стал открытым. Также были расширены признаки объективной стороны за счет новых понятий, более соответствующих правовому и экономическому укладу начала XIX в.: «ложные показания об имуществе», «умолчание», «выдача уменьшающих конкурсную массу обязательств», «передача», «переукрепление» и т. п. В гл. 34 Уложения, закрепляя некоторые признаки, законодатель пытается уходить от казуистичного описания, применяя абстрактные конструкции. Так, при описании неправомерных действий при банкротстве не раскрываются детально такие термины, как «сокрытие» и «утаивание», как это было ранее в Уставах о банкротях и Уставе о торговой несостоятельности. Тем не менее этот пример скорее исключение, чем правило.

¹ Применительно к оценке деятельности хозяйствующих субъектов в экономической сфере, доктрина и практика того времени определяла данные понятия как равнозначные.

Если говорить об основных линиях дифференциации ответственности, то законодатель в зависимости от характера вины предусмотрел два вида преступного банкротства: а) умышленное и б) неосторожное. Такая дифференциация ответственности дополнительно «привязана» к разграничению субъектов преступления. Так, за неосторожное банкротство ответственность мог нести только специальный субъект, который принадлежал к торговому сословию (занимался торговлей, коммерческой деятельностью); за умышленное – общий субъект.

Правовой характер субъекта влиял и на наказуемость при совершении умышленного преступления: частные лица подлежали заключению в исправительных домах на срок до трех лет, а лица торгового сословия – до восьми лет.

Следующая линия дифференциации ответственности проходила в рамках причиненного ущерба. Так, в ст. 600, 601 Уложения указывалось, что «если, по значительности вреда, произошли важные ущерб казне, или расстройство, или упадок дел кредитного установления, или разорение многих лиц, то виновный наказывается каторгой не свыше восьми лет». В данном случае описывается квалифицированное поведение, поскольку наказание, закрепленное в первом абзаце статьи (основной состав), предусматривает заключение в исправительный дом не ниже трех лет. Закон не использует численную и буквенную нумерацию для описания более опасного поведения лица, но выделение отдельного специального абзаца и очевидное ужесточение санкции говорят о понимании законодателем необходимости учета и отражения разных уровней степени общественной опасности содеянного.

В советский период по понятным причинам законодательство о криминальном банкротстве отсутствовало. Правда, в 1918 г. Наркомюстом было разработано Советское уголовное уложение, в гл. 26 которого имелись нормы о несостоятельности, почти дословно перенесенные из Уголовного уложения 1903 г. Так, в ст. 275 устанавливалась наказуемость виновного в легкомысленном ведении торговых дел или расточительности, причинившие ему несостоятельность, а в ст. 276 – заведующего и распоряжающегося делами общественного или частного кредитного управления, товарищества или общества, в расточительстве по делам их, если такое ведение дела или расточительность причинили прекращение этим установлением, товариществом или обществом платежей или объявление их несостоятельности [19].

Данное Уложение практически забыто теоретиками. Причем его судьба плачевнее Уголовного уложения 1903 г. До сих пор точно не установлено, вступило ли оно в силу или осталось только проектом; доподлинно можно утверждать лишь одно: на практике оно не применялось [19, с. 5].

Анализ развития отечественного права об ответственности за криминальное банкротство позволяет сделать следующие выводы.

1. Во всех периодах уголовно-правового регулирования сферы несостоятельности (со времен Русской правды до Уголовного уложения 1903 г.) законодатель пре-

дусматривал ответственность за неосторожное криминальное банкротство. Диспозиции норм о банкротстве развивались от простых описательных форм к достаточно казуистичным громоздким предписаниям в Уголовном уложении 1903 г. В Уголовном уложении о наказаниях уголовных и исправительных в конструкциях уголовно-правовых запретов, напротив, активно используются бланкетные и отсылочные диспозиции, что способствовало значительной экономии нормативного материала и лаконичности в описании конкретного преступления. На наш взгляд, с точки зрения законодательной техники данный кодифицированный акт отличался в выгодную сторону.

2. На протяжении XVII – начала XIX вв. отечественное законодательство о криминальном банкротстве развивалось бессистемно и противоречиво и в значительной степени не соответствовало потребностям складывающейся правоприменительной практики. В определенной степени это объяснялось отсутствием в России актуальной отраслевой нормативной правовой базы об институте несостоятельности, на которое опиралось построение уголовно-правовой охраны хозяйственных отношений в сфере кредитования. Слепое копирование европейского права о несостоятельности и отсутствие отечественных традиций в конструировании норм экономического права длительное время не позволяли эффективному построению законодательного института несостоятельности. Этот недостаток поступательно устранялся с момента принятия Устава о банкротах 1800 г. и Уголовного Уложения 1845 г.

Список источников

1. Куркин П.Д. Ответственность за несостоятельность (банкротство) должника в России с XVIII по XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 34.
2. Устав о банкротах // Полное Собрание Законов Российской Империи. 1830. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 123.
3. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 67.
4. Лабазанова М.А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 11–15.
5. Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. URL: <https://base.garant.ru/55003854>
6. Толковый словарь Даля. 1880. Т. 3. URL: <https://www.booksite.ru/full-text/dal/01/12-93.htm>
7. Вакутин А.А. История развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2 (27). С. 50–54.
8. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. 548 с.

9. Михайликов В.Л. Правовое регулирование торговой несостоятельности в период с начала XVIII до середины XX веков // Вестник БелЮИ МВД России. 2011. № 2. С. 7–10.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Редакция от 15 августа 1845 года. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654>
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Редакция от 25 ноября 1885 года. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnykh_1845_goda.pdf
12. Скреля К.Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 4. С. 12.
13. Новое уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года). СПб., 1903. 253 с.
14. Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007. 783 с.
15. Абсатарова Л.И. Уголовное уложение 1903 года // Право и государство: история и современность, перспективы развития. Стерлитамак, 2018. С. 4.
16. Правила изложения законопроектов: выработаны особым совещанием из чинов Государственной канцелярии и канцелярии Государственной Думы. СПб., 1913. 33 с.
17. Банкротство. Законодательство и практика применения в России и за рубежом. М., 1993. 116 с.
18. Беркович Н.В. Банкротство: Уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.
19. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М., 2015. 253 с.

References

1. Kurkin P.D. Otvetstvennost' za nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) dolzhnika v Rossii s XVIII po XXI v. [Liability for the insolvency (bankruptcy) of a debtor in Russia from the 18th to the 21st centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 34.
2. Charter on Bankruptcy. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. 1830. First meeting. T. 26. 1800–1801. St. Petersburg, 1830, pp. 123. (In Russ.).
3. Telyukina M.V. Osnovy konkursnogo prava [Fundamentals of competition law]. Moscow, 2004. 506 p.
4. Labazanova M.A. Istoriya zarozhdeniya i razvitiya zakonodatel'stva o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) v Rossii [History of the origin and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia]. *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 8, pp. 11–15.

5. Charter on Bankruptcy of December 19, 1800. URL: <https://base.garant.ru/55003854> (In Russ.).
6. Dahl's Explanatory Dictionary. 1880. Vol. 3. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/12-93.htm>. (In Russ.).
7. Vakutin A.A. Istoriya razvitiya ugolovnoi otvetstvennosti za nepravomernye deistviya pri bankrotstve v zakonodatel'stve Rossiiskoi imperii [History of the development of criminal liability for unlawful actions in bankruptcy in the legislation of the Russian Empire]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 1-2 (27), pp. 50–54.
8. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. 4. Torgovyi protsess. Konkursnyi protsess [Trade law course. Vol. 4. Trading process. Competitive process]. Moscow, 2003. 548 p.
9. Mikhailikov V.L. Pravovoe regulirovanie torgovoi nesostoyatel'nosti v period s nachala XVIII do serediny XX vekov [Legal regulation of trade insolvency in the period from the beginning of the 18th to the middle of the 20th centuries]. *Vestnik BelYuI MVD Rossii*, 2011, no. 2, pp. 7–10.
10. Code on criminal and correctional punishments of 1845. Revision dated August 15, 1845. URL: <http://museumreform.rf/node/13654>. (In Russ.).
11. Code on criminal and correctional punishments of 1845. Revision dated November 25, 1885. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnykh_i_ispravitelnykh_1845_goda.pdf (In Russ.).
12. Skrelya K.Yu. Iz istorii zakonodatel'noi mysli – analiz “Ulozheniya o nakazaniyakh ugovovnykh i ispravitel'nykh” ot 1845 goda [From the history of legislative thought - analysis of the “Code on Criminal and Correctional Punishments” of 1845. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, no. 4, pp. 12.
13. New criminal code (Highly approved on March 22, 1903). St. Petersburg, 1903. 253 p. (In Russ.).
14. Bastrykina A.I. (ed.). Uголовное право России. Prakticheskii kurs [Criminal law of Russia. Practical course]. Moscow, 2007. 783 p.
15. Absatarova L.I. Uголовное ulozhenie 1903 goda [Criminal Code of 1903]. In: *Pravo i gosudarstvo: istoriya i sovremennost', perspektivy razvitiya* [Law and State: history and modernity, development prospects.]. Sterlitamak, 2018, pp. 4.
16. Rules for the presentation of bills: developed by a special meeting of officials of the State Chancellery and the Chancellery of the State Duma. St. Petersburg, 1913. 33 p. (In Russ.).
17. Bankruptcy. Legislation and application practice in Russia and abroad. Moscow, 1993. 116 p. (In Russ.).

18. Berkovich N.V. Bankrotstvo: Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Bankruptcy: Criminal legal and criminological aspects]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Saratov, 2002. 206 p.

19. Gracheva Yu.V., Malikov S.V., Chuchayev A.I. Sovetskoe ugovnoe ulozhenie (nauchnyi kommentarii, tekst, sravnitel'nye tablitsy) [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow, 2015. 253 p.

Информация об авторе

И.Н. Русяев – вице-президент ассоциации «Региональная саморегулируемая организация профессиональных арбитражных управляющих», г. Москва, Россия; аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Information about the author

I.N. Rusyaev – Vice-President of the Association "Regional Self-regulating Organization of Professional Arbitration Managers", Moscow, Russia; postgraduate student of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 175–184.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 175–184.

Научная статья

УДК 347.191.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/175-184>

**ПРАВОСПОСОБНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В КОНТЕКСТЕ НОВЕЛЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОПЕРАТОРАХ ПО ПРИЕМУ ПЛАТЕЖЕЙ:
СОЗНАТЕЛЬНОЕ ДОПУЩЕНИЕ
ИЛИ ОШИБКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ**

Никита Анатольевич Тиханов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия, tichanov-nikita@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1101-5413>

Аннотация. С реформированием законодательства об операторах по приему платежей и принятием связанных с новеллами подзаконных нормативных актов Банка России возникает проблема неоднозначного истолкования положений федерального законодательства относительно осуществления функций оператора по приему платежей некоммерческой организацией. Нормы федерального законодательства указывают на осуществление деятельности по приему платежей и на возможность получения статуса оператора по приему платежей «юридическими лицами». В связи с этим в условиях отсутствия прямого указания в федеральном законодательстве на соотношение статуса некоммерческой организации и возможности осуществления деятельности оператора по приему платежей, при буквальном толковании положений законодательства следует признать возможным получение некоммерческой организацией статуса оператора по приему платежей. Однако сама по себе конструкция некоммерческой организации, осуществляющей деятельность по приему платежей, видится нецелесообразной с точки зрения экономической составляющей деятельности такой организации, что порождает дополнительные сомнения в возможных вариантах толкования положений федерального законодательства. Окончательный вывод о возможности осуществления некоммерческой организацией деятельности по приему платежей во многом связан с необходимостью установления ее правоспособности, определенной законодательством о некоммерческих организациях, а именно в установлении разрешенных видов деятельности. В статье по результатам анализа правоспособности некоммерческих организаций делается заключение, что

© Тиханов Н.А., 2024

неопределенность законодательства, даже если она и не являлась осознанным решением законодателя, потенциально может быть использована для допуска некоммерческих организаций к осуществлению деятельности по приему платежей при совершении ряда административных действий.

Ключевые слова: правоспособность некоммерческих организаций, оператор по приему платежей, деятельность по приему платежей, предпринимательская деятельность, приносящая доход деятельность.

Для цитирования: Тиханов Н.А. Правоспособность некоммерческих организаций в контексте новелл федерального законодательства об операторах по приему платежей: сознательное допущение или ошибка в юридической технике // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 175–184.

Original article

LEGAL CAPACITY OF NON-COMMERCIAL ORGANISATIONS IN THE CONTEXT OF NOVELTIES OF THE FEDERAL LEGISLATION ON PAYMENT ACCEPTANCE OPERATORS: A CONSCIOUS ASSUMPTION OR A MISTAKE IN LEGAL TECHNIQUE

Nikita A. Tikhonov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tichanov-nikita@rambler.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-1101-5413>

Abstract. In light of the reform of the legislation on payment acceptance operators and the adoption of the Bank of Russia's by-laws related to the novelties, there is a possibility of ambiguous interpretation of the provisions of federal legislation regarding the possibility of a non-commercial organisation to perform the functions of a payment acceptance operator. The norms of federal legislation point to the implementation of payment acceptance activities and the possibility of obtaining the status of a payment acceptance operator by "legal entities". In this connection, in the absence of a direct indication in the federal legislation on the correlation between the status of a non-profit organisation and the possibility of carrying out the activities of an operator for the acceptance of payments, under a literal interpretation of the provisions of the legislation it should be recognised that it is possible for a non-profit organisation to obtain the status of an operator for the acceptance of payments. However, the very construction of a non-profit organisation that carries out activities to accept payments seems inexpedient from the point of view of the economic component of the activities of such an organisation, which raises additional doubts about possible options for interpreting the provisions of federal legislation. The final conclusion about the possibility of a non-profit organisation to carry out activities to accept payments is largely

related to the need to determine their legal capacity, as defined by the legislation on non-profit organisations, namely in determining the permitted types of activities. As a result of the analysis of legal capacity of non-commercial organisations, the author concludes that the uncertainty of the legislation, even if it was not a conscious decision of the legislator, can potentially be used to allow non-commercial organisations to carry out payment acceptance activities while improving a number of administrative aspects.

Keywords: legal capacity of non-commercial organisations, payment acceptance operator, payment acceptance activity, entrepreneurial activity, income-generating activity.

For citation: Tikhonov N.A. Legal capacity of non-commercial organisations in the context of novelties of the federal legislation on payment acceptance operators: a conscious assumption or a mistake in legal technique. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 175–184. (In Russ.).

Введение

В целях усиления контроля за деятельностью операторов по приему платежей (исходя из формулировки пояснительной записки – платежных агентов¹) принят Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Одной из мер, связанных с усилением контроля за операторами по приему платежей, является ведение Банком России соответствующего реестра. Как следует из проекта указания Банка России³, устанавливающего порядок ведения данного реестра, операторами по приему платежей, сведения о которых включаются в реестр, могут быть как коммерческие, так и некоммерческие организации.

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 46071-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Собрание законодательства Российской Федерации. 17.07.2023. № 29. Ст. 5316.

³ Проект Указания Банка России «О порядке ведения Банком России реестра операторов по приему платежей, порядке уведомления Банка России о назначении (избрании) на должность и в состав органов управления, освобождении от должности (прекращении полномочий) в операторе по приему платежей, а также о порядке оценки Банком России соответствия лиц, указанных в части 1 ст. 3.2 Федерального закона от 3 июня 2009 года № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами», квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации, и лиц, указанных в части 3 ст. 3.3 Федерального закона от 3 июня 2009 года № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами», требованиям, установленным частью 1 ст. 3.3 указанного Федерального закона» // СПС «Гарант».

Кажущаяся абсурдность ситуации представляется поводом для исследования положений законодательства на предмет возможности осуществления некоммерческой организацией деятельности по приему платежей.

Для решения поставленного вопроса в первую очередь рассмотрим правоспособность некоммерческих организаций в целом. В качестве общих требований к некоммерческим организациям Гражданский кодекс РФ (часть первая)¹ указывает на отсутствие цели извлечения прибыли как основной цели деятельности и на нераспределение прибыли между участниками в случае, если некоммерческая организация является корпоративной (п. 2 ст. 50, п. 1, ст. 123.1). В отношении унитарных некоммерческих организаций Гражданский кодекс РФ предусматривает отдельное регулирование, которое может уточнять отдельные аспекты (например, в отношении учреждений уточняются функции их деятельности – управленческие, социально-культурные или иные некоммерческого характера (п. 1 ст. 123.21).

Рассмотрение следует начать с «основной» деятельности некоммерческих организаций. В соответствии с п. 1 ст. 24 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»² (далее – Закон № 7-ФЗ) некоммерческая организация может осуществлять виды деятельности, не запрещенные законодательством и соответствующие определенным в учредительных документах целям деятельности. При этом согласно абз. второму указанного пункта такой перечень видов деятельности для бюджетных и казенных учреждений является исчерпывающим.

Таким образом, в отношении «основной» деятельности некоммерческих организаций их правоспособность ограничивается, за исключением указанных учреждений, целями деятельности, закрепленными в учредительных документах, что позволяет говорить об определенной свободе выбора конкретных видов деятельности.

В отношении «коммерческой» деятельности следует обратить внимание на расхождение положения Закона № 7-ФЗ и Гражданского кодекса РФ. Так, п. 4 ст. 50 Гражданского кодекса РФ указывает на возможность осуществления некоммерческими организациями «приносящей доход деятельности», если такая возможность предусмотрена их уставом, соответствует и служит целям, ради которых создана некоммерческая организация. Отметим, однако, что до изменений, внесенных Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ³, абз. второй п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ содержал следующую формулировку: «могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям».

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 12.05.2014. № 19. Ст. 2304.

Согласно п. 2 ст. 24 Закона № 7-ФЗ некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствует указанным целям при условии, что такая деятельность указана в ее учредительных документах. При этом в названном пункте уточняется, что именно относится к такой деятельности: приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика. Как представляется, приведенный перечень следует признать закрытым и не допускающим дополнения какими-либо иными видами деятельности.

Таким образом, действующая редакция Закона № 7-ФЗ предусматривает возможность осуществления предпринимательской и иной приносящей доход деятельности исключительно в установленных ей пределах.

Приведенные положения, если их рассматривать абстрактно, позволяют предположить два возможных толкования данной нормы: 1) указанные виды деятельности и цель деятельности ограничивают осуществление как предпринимательской, так и иной приносящей доход деятельности; 2) перечисленные в норме виды деятельности и цель деятельности относятся исключительно к иной приносящей доход деятельности, так как содержание понятия «предпринимательская деятельность» раскрывается в Гражданском кодексе РФ. Во многом определение большей обособленности одного из приведенных подходов связано с разграничением предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. В литературе встречаются различные позиции по данному вопросу, поэтому ограничимся общим указанием на следующее: разграничение предпринимательской и иной приносящей доход деятельности следует проводить по ответственности субъекта такой деятельности, так как имущественная ответственность ряда субъектов регулируется отличным от общего порядка образом (например, государственных и муниципальных учреждений) [1]. Иные же признаки (например, возможный несистематический характер иной приносящей доход деятельности) являются более спорными, в связи с чем отметим лишь общую направленность рассматриваемых видов деятельности на получение прибыли.

Следует обратить внимание, что указанная редакция нормы введена Федеральным законом от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ¹. Данный закон был направлен на внесение в российское законодательство комплексных изменений в целях уточнения правового положения государственных (муниципальных) учреждений (автономных, бюджетных, казенных, а также внебюджетных фондов), что следует и из его названия.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 10.05.2010. № 19. Ст. 2291.

Как представляется, именно с дополнением Закона № 7-ФЗ положениями об учреждениях связано уточнение п. 2 ст. 24 Закона № 7-ФЗ указанием на соответствие иной приносящей доход деятельности целям, ради которых создана организация. В частности, об этом свидетельствуют иные положения указанного закона 2010 г., в которых прямо указывается на необходимость соответствия иной приносящей доход деятельности учреждений таким целям (см., например, абз. второй п. 4 ст. 9.2 Закона № 7-ФЗ, посвященного бюджетным учреждениям). Это связано с тем, что такие учреждения, с точки зрения законодательства, не осуществляют именно предпринимательскую деятельность (см., например, ст. 161 Бюджетного кодекса РФ¹).

Подтверждением описанной выше логики может также служить предыдущая редакция положений п. 2 ст. 24 Закона № 7-ФЗ, согласно которым некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана. Однако далее перечисляются виды деятельности, которые остались неизменными и в действующей редакции. В связи с этим в литературе встречается мнение, что закон 2010 г. внес уточнения, но не изменил сущность регулирования, определенного Законом № 7-ФЗ [2; 4].

Таким образом, ключевым изменением положений Закона № 7-ФЗ стало дополнение их необходимостью указания на предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность в учредительных документах некоммерческой организации. В свою очередь, иную приносящую доход деятельность следует рассматривать как дополнение, связанное с внесением в Закон № 7-ФЗ государственных (муниципальных) учреждений, которое по существу не установило дополнительных ограничений для иных видов некоммерческих организаций.

Указанное выше изменение положений Гражданского кодекса следует считать юридуко-технической ошибкой, не учитывающей логику внесения изменений в специальный закон, нормами которого и следует руководствоваться при возникновении каких-либо коллизий. Из пояснительной записки к законопроекту, в результате которого и были внесены соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, уточнение причин изменения положений п. 3 и 4 ст. 50 Гражданского кодекса РФ не выявлено².

В любом случае положения Гражданского кодекса РФ не следует рассматривать как устанавливающие дополнительные ограничения правоспособности некоммерческих организаций относительно положений Закона № 7-ФЗ, так как возможно расс-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

² Пояснительная записка проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (впоследствии разделен на отдельные законопроекты) // СПС «КонсультантПлюс».

мнение предпринимательской деятельности как разновидности деятельности, приносящей доход [4]. Отметим также, что в учредительных документах, исходя из судебной практики, должно содержаться указание на конкретные виды предпринимательской деятельности – общее указание на осуществление такой деятельности признается противоречащим ст. 24 Закона № 7-ФЗ¹.

Определив правоспособность некоммерческих организаций, обратимся к законодательному регулированию операторов по приему платежей. Основным законом, регулирующим статус операторов по приему платежей, является Федеральный закон от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (далее – Закон № 103-ФЗ)². Согласно этому закону, оператором по приему платежей (платежным агентом) может являться «юридическое лицо», заключившее с поставщиком договор об осуществлении деятельности по приему платежей (п. 4 ст. 2). Отметим, что Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 298-ФЗ вводится еще одно требование – внесение сведений о таком юридическом лице в реестр операторов по приему платежей, ведение которого осуществляется Банком России. При этом указанные законы не уточняют, может ли такое лицо являться исключительно коммерческой организацией, или же прямо следует распространить указанные положения и на некоммерческие организации. Последний вариант толкования видится более обоснованным в силу отсутствия прямого запрета.

Содержание деятельности оператора по приему платежей устанавливается п. 1 ст. 3 Закона № 103-ФЗ: он принимает от плательщиков наличные денежные средства и осуществляет последующие расчеты с поставщиком. В силу положений п. 2 ст. 3 Закона № 103-ФЗ оператор по приему платежей вправе взимать с плательщика вознаграждение, размер которого определяется соглашением оператора по приему платежей с плательщиком. Следовательно, потенциально возможно осуществление оператором такой деятельности без взимания вознаграждения, что может расцениваться как отсутствие в такой деятельности коммерческой составляющей. В таком случае данная деятельность не будет подпадать под указанную выше предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность.

Таким образом, в случае, если некоммерческая организация решит осуществлять деятельность по приему платежей, на нее в полной мере будут распространяться описанные положения закона № 7-ФЗ. Теоретически оператор по приему платежей может являться некоммерческой организацией в следующих случаях:

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20.12.2022 № АПЛ22-566, Решение Верховного Суда РФ от 18.08.2022 по делу № АКПИ22-552.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 08.06.2009. № 23. Ст. 2758.

1) прием платежей связан с целями деятельности некоммерческой организации и является ее «основной» деятельностью. При этом, исходя из приведенных выше положений Гражданского кодекса РФ и Закона № 7-ФЗ, признание такой деятельности основной не означает невозможность взимания вознаграждения;

2) прием платежей признается предпринимательской (приносящей доход) деятельностью оператора по приему платежей, являющегося некоммерческой организацией, соответствующей целям создания некоммерческой организации. Так, если целью деятельности некоммерческой организации будет являться обеспечение доступности услуг ЖКХ, снижение расходов граждан на оплату услуг ЖКХ, то деятельность по приему платежей может быть признана соответствующей данной цели в случае, когда оператор по приему платежей, являющийся некоммерческой организацией, будет устанавливать существенно более низкое вознаграждение, чем иные операторы по приему платежей.

Если допустить применимость первого из описанных подходов, то в случае с некоммерческими организациями, не являющимися бюджетными и казенными учреждениями, не будет требоваться указание деятельности по приему платежей в учредительных документах, так как таковая не запрещена законом и одновременно направлена на достижение целей, ради которых создавалась организация.

Как представляется, подобный подход может привести к увеличению рисков, связанных с использованием некоммерческой организации для незаконных бизнес-решений, например, оптимизации налогообложения. При этом применение первого подхода может негативно сказаться на ведении реестра операторов по приему платежей. Очевидно, что ни указанный Федеральный закон № 298-ФЗ, ни иное федеральное законодательство не предполагают проверку правосубъектности некоммерческой организации Банком России. Положения Закона № 103-ФЗ, с учетом не вступившей в силу редакции, не предполагают возможности отказа во включении в реестр в связи с отсутствием у некоммерческой организации права осуществлять деятельность по приему платежей.

Следовательно, в данном случае единственным механизмом будет исключение некоммерческой организации из реестра операторов по приему платежей на основании решения суда о ликвидации некоммерческой организации в связи с нарушениями требований Закона № 7-ФЗ. Подобный механизм будет соответствовать буквальному толкованию положений Закона № 103-ФЗ, однако создаст риск отсутствия публичной достоверности у указанного реестра, так как между включением в реестр некоммерческой организации и решением о ликвидации может пройти значительный период времени. А значит, в течение всего этого периода некоммерческая организация будет осуществлять деятельность по приему платежей незаконно. В случае же реализации второго подхода риски будут возрастать в части взаимодействия некоммерческой организации при внесении соответствующих изменений в учредительные

документы, так как уполномоченные государственные органы (территориальные органы Минюста России) могут отказать в регистрации таких изменений. Такой подход создает риск правовой неопределенности, поскольку действующее законодательство не позволяет дать однозначный ответ на вопрос, при каких условиях некоммерческие организации могут осуществлять деятельность по приему платежей, что может привести к неправомерным решениям уполномоченного органа. В то же время предварительное внесение изменений в учредительные документы может положительно сказаться на достоверности реестра.

На данный момент нет однозначного понимания, по какому пути может пойти правоприменительная практика. Сама по себе возможность различных толкований указанных выше положений создает ситуацию правовой неопределенности. Вероятно, единственным способом устранить возможные споры и противоречия является уточнение положений федерального законодательства. В настоящее же время конструкция «оператор по приему платежей, являющийся некоммерческой организацией» может быть описана как известный науке образ кота Шредингера – одновременно возможно и невозможно, пока не будет сформирована позиция правоприменителей или не будет изменено законодательство.

Как представляется, более обоснованным было бы создание специализированного регулирования, устанавливающего специальные нормы для получения некоммерческой организацией статуса оператора по приему платежей в случае, если такая возможность изначально закладывалась законодателем. С учетом возможного использования операторов по приему платежей для решения отдельных, пусть и не самых глобальных, социальных задач, потенциальное использование некоммерческих организаций в качестве операторов по приему платежей видится допустимым.

Список источников

1. Будникова Ю.Е. Проблемы соотношения предпринимательской и иной приносящей доход деятельности // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 3–17.
2. Кирилловых А.А. Казенное учреждение как некоммерческая организация // Право и экономика. 2010. № 9. С. 23–28.
3. Кряжевских К.П. Правовая природа самостоятельного распоряжения имуществом, приобретенным финансируемым собственником учреждением на доходы от «предпринимательской» деятельности // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 6 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: НОРМА, 2003. С. 175–177.
4. Сябарева И.Ф. Совершенствование правового регулирования деятельности, связанной с получением дохода, и ответственности учреждений // Юрист. 2015. № 13. С. 41–46.

References

1. Budnikova U.E. Problemy sootnosheniia predprinimatel'skoi i inoi prinosiashchei dokhod deiatel'nosti [Problems of the relationship between entrepreneurial and other income-generating activities]. *Khoziaistvo i pravo*, 2023, no. 7, pp. 3–17.
2. Kirillovykh A.A. Kazennoe uchrezhdenie kak nekommercheskaia organizatsiia [State institution as a non-profit organization]. *Pravo i ekonomika*, 2010, no. 9, pp. 23–28.
3. Kriazhevskikh K.P. Pravovaia priroda samostoiatel'nogo rasporiazheniia imushchestvom, priobretnym finansiruemym sobstvennikom uchrezhdeniem na dokhody ot «predprinimatel'skoi» deiatel'nosti [The legal nature of independent disposal of property acquired by an owner-financed institution with income from “entrepreneurial” activities]. In: Shilikhost O. (ed.). *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Current problems of civil law: collection. articles.]. Iss. 6. Moscow: NORMA Publ., 2003. P. 175–177;
4. Subareva I.F. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniia deiatel'nosti, svyazanoi s polucheniem dokhoda, i otvetstvennosti uchrezhdenii [Improving the legal regulation of activities related to generating income and the responsibility of institutions]. *Urist*, 2015, no. 13, pp. 41–46.

Информация об авторах

Н.А. Тиханов – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия.

Information about the authors

N.A. Tikhonov – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, the Faculty of Law, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 185–192.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 185–192.

Научная статья

УДК 347.634/.637

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/185-192>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА (МАТЕРИНСТВА) ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Юлия Юрьевна Гарцева

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
yulya.gartseva@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены правовые проблемы, связанные с установлением материнства либо отцовства при использовании методик суррогатного материнства. Сегодня в силу разных причин данный институт набирает все большую популярность, а законодательство в этой области не совершенствовалось уже давно. В силу этого считаем необходимым обратить внимание законодателя на правовые несовершенства и предлагаем некоторые способы совершенствования системы института суррогатного материнства с целью не только упростить процедуру, но и законодательно ее урегулировать, обезопасив тем самым участников таких правоотношений в области защиты своих прав.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, родительство, установление материнства, установление отцовства, ребенок, суррогатная мать.

Для цитирования: Гарцева Ю.Ю. Проблемные вопросы установления отцовства (материнства) при использовании метода суррогатного материнства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 185–192.

PROBLEMATIC ISSUES OF ESTABLISHING PATERNITY (MATERNITY) WHEN USING THE METHOD OF SURROGATE MOTHERHOOD

Yulia Y. Gartseva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia yulya.gartseva@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the legal problems that exist in the Russian Federation associated with the establishment of motherhood or paternity in the application of surrogacy methods. Today, for various reasons, this institution is gaining more and more popularity, and the legislation in this area has not been improved for a long time. Because of this, we consider it necessary to draw the attention of the legislator to the existing legal imperfections and offer some ways to improve the system of the institution of surrogate motherhood in order not only to simplify the procedure, but also to legally regulate it, thereby securing the participants in such legal relations in the field of protecting their rights.

Keywords: surrogate motherhood, surrogate motherhood agreements, parenthood, establishment of motherhood, establishment of paternity, child, surrogate mother.

For citation: Gartseva Yu.Yu. Problematic issues of establishing paternity (maternity) when using the method of surrogate motherhood. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 185–192. (In Russ.).

На сегодняшний день законодательством Российской Федерации не урегулирован вопрос о применении метода суррогатного материнства. Соответственно, этот существенный пробел законодателя порождает огромное количество правовых вопросов в рассматриваемой нами области. До настоящего момента не урегулированы законодательно такие стороны суррогатного материнства, как его правовое поле, не определен понятийный аппарат для того, чтобы дать правовую оценку действиям, совершаемым в этой области, не уточнено правовое положение суррогатной матери, не регламентирован порядок установления правового статуса лиц, пользующихся услугами суррогатной матери. Данный вид «предпринимательской деятельности» носит больше теневой характер ввиду определенной специфики изучаемого вопроса. С учетом изложенного также неурегулированными остаются проблемы, связанные с установлением непосредственного родительства в случае применения метода искусственного зачатия ребенка.

В настоящее время правовое регулирование проблемы установления отцовства (материнства) очень актуально, поскольку именно установление правового статуса

ребенка, родившегося от суррогатной матери, является коллизионным вопросом [1]. В этом заключаются несомненная новизна и актуальность данного явления.

При рассмотрении проблемы установления отцовства или материнства стоит упомянуть тот факт, что Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) в тексте абз. 2 п. 4 ст. 51 четко предписывает необходимость получения письменного согласия суррогатной матери на осуществление юридической записи о данных биологических родителей рожденного ребенка [2]. То есть в данном случае законодатель прямо предусматривает преимущественное право женщины, фактически родившей ребенка, на совершение действий по внесению контактных и иных данных о биологических родителях этого ребенка. Другими словами, женщина, являющаяся суррогатной матерью, имеет безусловный приоритет в решении вопроса о том, кто фактически и юридически в конечном итоге будет признан отцом и матерью рожденного ею ребенка.

В случае, когда суррогатная мать отказывается от подписания такого рода согласия, биологические родители не имеют никаких средств юридической защиты своих прав и прав новорожденного. Отсутствие прав у биологических родителей быть записанными в качестве отца и матери новорожденного влечет невозможность для них в полной мере пользоваться своими родительскими правами, равно как и осуществлять обязанности по воспитанию ребенка. Фактически наличие согласия суррогатной матери на запись в качестве родителей является решающим фактором в вопросе определения возможности осуществления генетическими родителями своих прав. Проблемный аспект здесь кроется в том, что согласно нормам действующей Конституции РФ никто не может быть лишен своих прав. Исключения допускаются лишь при наличии соответствующего решения суда. В вопросе суррогатного материнства все решает формальный документ, подписываемый суррогатной матерью. Своим отказом подписывать такое согласие суррогатная мать фактически лишает других лиц их законных прав. Эти же положения дублирует и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ [3].

При такой позиции законодателей подрывается весь институт семьи, поскольку ограничение в правах фактических родителей ребенка осуществляется по волеизъявлению третьего лица. Сохранение семейных ценностей и укрепление института семьи лежит в основе семейной политики, проводимой Президентом Российской Федерации, а значит, доработку и учет проблемных аспектов, выявленных в Семейном кодексе, необходимо осуществлять в ускоренном режиме и уделять этим вопросам повышенное внимание.

Непроработанным остается также вопрос о причиненных отказом в подписании суррогатной матерью согласия на запись генетических родителей в документы новорожденного им нравственных страданий и морального вреда. Этот вопрос представляется особо актуальным в силу того, что биологические родители, которые

не смогли зачать и родить ребенка естественным путем и воспользовались услугами суррогатной матери, фактически утрачивают свои законные права на осуществление ими родительских прав в отношении новорожденного ребенка.

В настоящее время в Российской Федерации институт суррогатного материнства актуален и не теряет своей популярности, в связи с чем участились случаи обращения генетических родителей ребенка в судебные органы за восстановлением своего нарушенного права. На сегодняшний день уже сформировалась судебная практика, свидетельствующая о необходимости редактирования закона в целях урегулирования вопросов установления отцовства и материнства при использовании метода вспомогательных репродуктивных технологий.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 16 мая 2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъясняется, что наличие отказа суррогатной матери по вопросу записи биологических родителей ребенка не может являться безотлагательным основанием для отказа в принятии и удовлетворении исковых заявлений, поданных родителями ребенка в суд с целью установления фактического признания их полноправными родителями ребенка и требованием о передаче им новорожденного на воспитание. Равно как и наличие такого отказа не может быть положено в основу судебного решения об отказе в удовлетворении требований [4].

Верховный Суд в своих разъяснениях обратил внимание судов на необходимость всестороннего, качественного и полного рассмотрения материалов дела, включая детальное изучение сведений о причинах отказа суррогатной матери на внесение сведений о биологических родителях ребенка, установления факта наличия или отсутствия договорных отношений между суррогатной матерью и родителями ребенка. Если имеют место договорные отношения, то на каких условиях был заключен договор и прочие имеющие значение для дела обстоятельства.

Однако, несмотря на тот факт, что Верховным Судом даны разъяснения по данному спорному вопросу, действующие нормы закона остаются неизменными. Это создает дополнительное правовое поле для дискуссий в силу того, что федеральное законодательство обладает высшей юридической силой, в то время как постановление Пленума Верховного Суда РФ есть лишь акт толкования норм права, а значит, при рассмотрении дела по существу судьи могут не прислушиваться к указаниям высшей судебной инстанции страны, а принимать решения исключительно в рамках нормативных правовых актов. На наш взгляд, такие пробелы в законодательстве в первую очередь ущемляют права и законные интересы самого ребенка.

Суррогатное материнство в настоящее время можно назвать своеобразной методикой, используемой при решении проблем, вызванных таким заболеванием, как бесплодие. Суррогатное материнство дает шанс людям осуществить одно из самых естественных желаний – иметь ребенка. Однако действующее законодательство

потенциально ограничивает их в правах, отдавая на откуп третьему лицу принятие решения об их родительстве.

Таких же тезисов придерживаются и ученые. Так, Брюхов Р.Б. указывает, что предусмотренная законом возможность отказа суррогатной матери от передачи ребенка биологическим родителям ставит под сомнение необходимость заключения договора, а равно и весь комплекс медицинских процедур, направленных на вынашивание чужого ребенка [5].

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать уточнение нормы 2 п. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации путем дополнения ее положения о том, что в судебном порядке при всестороннем и полном рассмотрении дела ребенок может быть передан на воспитание биологическим родителям посредством внесения записи о родителях в документы новорожденного даже при отсутствии согласия суррогатной матери на такую процедуру [2]. Суд при этом выступал бы в качестве регулирующего органа, который обязан учитывать прежде всего интересы ребенка.

Неурегулированным на сегодняшний день также остается вопрос о непосредственном установлении отцовства и материнства при фактическом отказе передать ребенка его родителям суррогатной матерью. По общему правилу, предусмотренному п. 1 ст. 48 СК РФ [2], если суррогатная мать отказывается передать ребенка биологическим родителям, то в качестве его матери может быть записана она сама. В качестве отца ребенка признается законный супруг суррогатной матери, а при отсутствии такового в графе «отец» запись осуществляется со слов суррогатной матери. Данные выводы сделаны на основании нормы, предусмотренной ст. 5 Семейного кодекса РФ. Особую сложность здесь представляет вопрос, касающийся установления именно отцовства. Так, законом не установлена презумпция отцовства при применении метода суррогатного материнства, что влечет возможность указания в качестве отца любого лица, названного суррогатной матерью. Это довольно серьезный вопрос, который требует тщательного рассмотрения, поскольку он может привести к довольно долгим судебным тяжбам.

Дополнительно стоит отметить тот факт, что закон в настоящее время не содержит правовых положений, по которым суррогатная мать может дать согласие на запись в качестве родителя одного из биологических родителей ребенка. Как отмечает Д.Б. Савельев, в судебной практике встречаются случаи обращения в суд суррогатных матерей с требованиями об установлении отцовства и взыскании алиментов с биологических отцов ребенка. На практике данные требования судами удовлетворялись. При этом, по справедливому замечанию автора, «удовлетворение судами подобных исков приводит к абсурдному результату разделения родительских прав генетических родителей» [6]. Существующая в сфере суррогатного материнства проблема приоритета материнских прав в отношении суррогатного мла-

денца не нашла своего окончательного решения в законодательстве Российской Федерации [7].

Отдельной правовой проблемой здесь также является момент неурегулированности последствий при отказе генетических родителей принять ребенка. Другими словами, суррогатная мать дает согласие на запись, а генетические родители отказываются от ребенка в силу самых разнообразных причин. В этом случае ребенок фактически становится невостребованным. Закон игнорирует вопросы ответственности, возлагаемой на всех участников соглашения о суррогатном материнстве.

Что касается договора суррогатного материнства, то его содержание также должно быть проработано законодательно с целью обезопасить интересы всех участников такого соглашения. Урегулирование вопросов применения метода суррогатного материнства посредством заключения договора позволит избежать многих проблем, таких как при взыскании алиментов. Таким образом, необходимо детально проработать содержательные стороны договора о суррогатном материнстве: в действующих нормативных правовых актах отсутствуют требования, предъявляемые к данному соглашению, в связи с чем применяются общие положения, касающиеся всех видов договоров.

Подводя итоги анализа рассматриваемого института, необходимо сделать следующие выводы. Перечисленные в статье проблемы не являются исчерпывающими. Вопросы, возникающие в результате применения методики имплантации эмбриона, в конечном счете являются своеобразной «палкой о двух концах». Очень важно учитывать здесь интересы всех участников этих правоотношений, в особенности несовершеннолетних детей. Сегодня практически весь институт суррогатного материнства нуждается в детальной, полной и всесторонней проработке в целях уточнения спорных моментов. По нашему мнению, в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы установления отцовства (материнства), необходимо включить норму, носящую императивный характер, в соответствии с которой лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, должны быть записаны родителями ребенка. Кроме того, на законодательном уровне необходимо предусмотреть требования, предъявляемые к потенциальным участникам договорных отношений в сфере суррогатного материнства, а также к самому соглашению, его форме и содержанию. Данные условия, по нашему мнению, будут направлены на защиту прав и законных интересов детей и их биологических родителей.

Список источников

1. Дорошенко О.М. Правовые преимущества по делам несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Реформирование учета и права в современной России / под ред. О.Е. Качковой, В.А. Баранова и др. М., 2016. С. 109–127.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
3. Об актах гражданского состояния (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) Федеральный закон от 15.11.1997 №143-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) // Российская газета. 2017. 24 мая, № 110.
5. Брюхов Р.Б. Договор о суррогатном материнстве по законодательству России, Казахстана и Белоруссии // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 160–165.
6. Савельев Д.Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 144 с.
7. Вавилычева Т. Тенденции развития российской судебной практики по вопросам прав человека в области биомедицины // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 9. С. 20–31.

References

1. Doroshenko O.M. Pravovye preimushchestva po delam nesovershennoletnikh podozrevaemykh i obvinyaemykh [Legal advantages in cases of juvenile suspects and accused]. In: Kachkova O.E., Baranov V.A. (eds.). *Reformirovanie ucheta i prava v sovremennoi Rossii* [Reforming accounting and law in modern Russia]. Moscow, 2016, pp. 109–127.
2. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of 29.12.1995 (as amended on 29.12.2017). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 01.01.1996, no. 1, article 16. (In Russ.).
3. Federal Law No. 143-FZ of 15.11.1997 (as amended on 29.12.2017) "On Acts of Civil states" (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2018). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 24.11.1997, no. 47, article 5340. (In Russ.).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05. 2017, no. 16 (ed. of 26.12.2017) "On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children". *Rossiyskaya Gazeta*, 2017, 24 May, no. 110. (In Russ.).
5. Bryukhov R.B. Dogovor o surrogatnom materinstve po zakonodatel'stvu Rossii, Kazakhstana i Belorussii [Contract on surrogacy under the legislation of Russia, Kazakhstan and Belarus]. In: *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya. K 60-letiyu B.M. Gongalo* [Private law. Overcoming challenges. To the 60th anniversary of B.M. Gongalo]. Moscow: Statute Publ., 2016, pp. C. 160–165.

6. Saveliev D.B. *Soglasheniya v semeinoi sfere: uchebnoe posobie* [Agreements in the family sphere]. Moscow: Prospect Publ., 2017. 144 p.

7. Vavilycheva T. *Tendentsii razvitiya rossiiskoi sudebnoi praktiki po voprosam prav cheloveka v oblasti biomeditsiny* [Trends in the development of Russian judicial practice on human rights issues in the field of biomedicine]. *Pretsedenty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka*, 2017, no. 9, pp. 20–31.

Информация об авторах

Ю.Ю. Гарцева – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Нижегородская академия МВД, Нижний Новгород, Россия.

Information about the authors

Yu.Y. Gartseva – Candidate of Law, senior lecturer at the Department of constitutional and international law, candidate of legal sciences, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 193–202.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 193–202.

Научная статья

УДК 341.221.28(265.72)(091)"19"

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/193-202>

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АРХИПЕЛАГА СПРАТЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Егор Русланович Сигаури-Горский

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
gyers91@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6879-3065>

Аннотация. Архипелаг Спратли – объект наиболее острых противоречий в рамках территориального спора в Южно-Китайском море. Ключевой юридической проблемой является неопределенность международно-правового статуса архипелага, ставшая первопричиной для последовательной эскалации противоречий между странами-претендентами. После подписания Соглашения о вьетнамско-китайской границе в 1887 г. и до начала Второй мировой войны Великобритания, Франция и Япония выступали основными претендентами на спорные территории. Однако конкретных международно-правовых актов, однозначно закрепляющих статус Спратли, принято не было. Деятельность стран-претендентов носила преимущественно исследовательский или коммерческий характер и была обусловлена внешнеполитическими и экономическими интересами. В то же время активность государств на спорных территориях сопровождалась взаимными протестами, в том числе со стороны иных государств. С 1939 г. и до конца Второй мировой войны контроль над Спратли осуществляла Япония. По окончании войны, в соответствии с положениями Сан-Францисского мирного договора, ставшего важнейшим юридическим итогом данного периода в контексте территориального спора, Япония была вынуждена отказаться от всех прав, правооснований и притязаний на архипелаг. В заключении договора обобщается, что ключевой проблемой международно-правового статуса Спратли явилась неопределенность положений Сан-Францисского договора, так как последний не определял, в чей суверенитет надлежало передать спорные территории. Среди других причин неопределенности международно-правового статуса Спратли в XX в. автор статьи выделяет специфические геофизические характеристики архипелага,

отсутствие данных о залежах природных ресурсов, политические противоречия и неучастие в переговорах некоторых ключевых государств.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, архипелаг Спратли, международно-правовой статус, территориальный спор, международное морское право, Китай, Филиппины.

Для цитирования: Сигаури-Горский Е.Р. Международно-правовой статус архипелага Спратли в первой половине XX в. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 193–202.

Original article

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE SPRATLY ARCHIPELAGO IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Egor R. Sigauri-Gorskii

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia,
gyers91@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6879-3065>

Abstract. The Spratly Archipelago is the object of the most acute controversy in the South China Sea territorial dispute. The key legal problem is the uncertainty of the international legal status of the archipelago, which has become the root cause for the consistent escalation of contradictions between the claimants. After the signing of the Sino-Vietnamese Border Agreement in 1887 and until the beginning of the Second World War Great Britain, France and Japan were the main claimants to the disputed territories, but no specific international legal acts unambiguously fixing the status of the Spratlys were adopted. The activities of the claimant countries were mainly of a research or commercial nature and were conditioned by foreign policy and economic interests. At the same time, the activity of states in the disputed territories was accompanied by mutual protests, including from other states. From 1939 and until the end of World War II, Japan exercised control over the Spratlys. At the end of the war, in accordance with the provisions of the San Francisco Peace Treaty, which was the most important legal outcome of this period in the context of the territorial dispute, Japan was forced to renounce all right, title and claim to the archipelago. The conclusion substantiates that the main issue of the international legal status of the Spratlys was the uncertainty of the San Francisco Treaty, as the latter did not determine the sovereignty of the disputed territories. Among other reasons for the uncertainty, the author declares the specific geophysical characteristics of the archipelago, the lack of data on natural resource deposits, political contradictions and non-participation in negotiations by some key states.

Keywords: South China Sea, Spratly Archipelago, international legal status, territorial dispute, international law of the sea, China, Philippines

For citation: Sigauri-Gorskii E.R. International legal status of the Spratly archipelago in the first half of the XX century. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 193–202. (In Russ.).

Введение

Южно-Китайское море (ЮКМ) практически столетие является ареной юридически сложного и политически противоречивого территориального спора. Претендентами на спорные территории выступают: Бруней, Вьетнам, Китайская Народная Республика (КНР), Малайзия, Тайвань и Филиппины. Каждая из сторон имеет свои, зачастую перекрестные, территориальные притязания, основанные как на нормах современного международного права, так и на исторических источниках глубокой древности. Многие острова и атоллы в ЮКМ имеют важное стратегическое, промышленное и военное значение. Спорными территориями выступают две островные цепи: Парасельские острова в северо-западной части ЮКМ и архипелаг Спратли, являющий собой большую группу рифов, отмелей, атоллов и небольших островных территорий в его юго-восточной части. Среди спорящих сторон наиболее острые двусторонние противоречия по поводу архипелага Спратли наблюдаются между КНР и Филиппинами, а также между КНР и Вьетнамом.

Архипелаг Спратли («Острова Наньша», кит. «南沙群岛») представляет собой большую группу рифов, отмелей, атоллов общей площадью около 158 000 кв. миль (409 000 кв. километров) [1]. Следует отметить, что единого подхода в геофизической характеристике островов архипелага нет, что обуславливает наличие различных данных о его площади и географических координатах. Наиболее подробное геофизическое описание архипелага в отечественной науке, как нам представляется, изложено в докторской диссертации Е.А. Канаева на основе систематизации данных Д. Хайнцига и М. Самуэльса [2, с. 57–65]. Архипелаг огибает южный край ЮКМ. Несколько островов находятся в пределах исключительных экономических зон Брунея, Малайзии и Филиппин. Острова архипелага традиционно не имели постоянного населения, кроме рыбаков из стран региона, останавливавшихся на островах на непродолжительные стоянки для отдыха [3, с. 431].

Результаты исследования

Еще до прихода в регион европейских колониальных империй представители азиатских, африканских и арабских «морских торговых держав» использовали ЮКМ как торговую артерию, не заявляя ни о каких конкретных территориальных притязаниях [4, р. 7]. В эпоху Ханьской династии (206 г. до н.э. – 220 г. н.э. и до ее конца

в 230 г.) Китай доминировал в морской торговле в ЮКМ [5, р. 32]. Позднее, в VIII–XII вв. в регионе господствовало индонезийское (малайское) морское государство Шривиджая, контролировавшее обе стороны Малаккского пролива. Так, Э.О. Березин отмечал: «Найденная в Наконситамарате шривиджайская стелла с датой 775 г. свидетельствует о том, что к этому времени индонезийская морская держава, наступая на север, захватила весь Малаккский полуостров, вплоть до бухты Бандон. Шривиджайский флот не только контролировал Малаккский и Зондский проливы, но и стал блокировать побережье Сиамского залива» [6, с. 35].

Китай же снова достиг пика военно-морского могущества в XV в., в начале эпохи правления Минской династии (1368–1644 гг.). В эпоху Мин впервые строились четырехпалубные суда, способные совершать плавания на тысячи километров вдоль берегов «Поднебесной». Впоследствии, однако, за расцветом наступил упадок, что вынудило Минскую династию отказаться от масштабных морских амбиций и сосредоточиться на внутригосударственных проблемах. Наконец, в XVI в. в регион начали прибывать европейцы, что повлекло за собой полную перестройку сложившегося баланса сил восточноазиатского региона.

Наиболее важным событием конца периода, предшествующего формированию «первых ростков» современного международного спора, является установление Францией протектората над Вьетнамом в 1884–1885 гг. в ходе недолгой франко-китайской войны. В 1887 г. Франция и Китай подписали Конвенцию о китайско-вьетнамской границе, которая устанавливала притязания Франции на некоторые районы ЮКМ, лежащие к западу от Парижа. Архипелаг Спратли располагается к востоку от этой линии, а следовательно, за пределами притязаний Франции [7, р. 191]. Данный международный договор и в настоящее время представляется Китайской стороной в качестве одного из дополнений к аргументации своих прав на архипелаг [8, р. 37].

Несмотря на то, что период первой половины XIX в. стал для европейских держав периодом «территориальных приобретений» в регионе, ни Франция, ни Великобритания не посчитали необходимым закрепить в международных договорах какие-либо конкретные положения об островных территориях ЮКМ. И даже экспедиция за лидерством британского капитана Р. Спратли, в честь которого назван спорный архипелаг, носила исследовательский характер с целью получить исчерпывающую информацию об опасной [9, р. 2], но важной для судоходства акватории [9, р. 171].

В условиях отсутствия закреплённого правового статуса архипелага в двусторонних международных договорах, в 1877 г. Великобритания заявила о наличии территориальных притязаний на острова Спратли и Амбойна-Кей, что, по замечанию некоторых зарубежных исследователей, вероятно, было первым подобным случаем в истории статуса рассматриваемых территорий [10, р. 9]. С 1891 по 1933 г. Спратли и Амбойна-Кей ежегодно упоминались в документах британских колониальных

офисов, но для их эффективной эксплуатации и подтверждения суверенитета не было сделано практически ничего [11, р. 19].

Несмотря на соглашение 1887 г., в первые десятилетия XX в. французские власти продолжили проявлять активное внимание к островам Спратли, направив в акваторию свое военное судно 13 апреля 1930 г., а позднее (25 июня 1933 г.) объявив о присоединении его к Франции. Заметим, однако, что объявление Францией о своих правах было известно только исходя из материалов прессы, без официального заявления об этом по соответствующим дипломатическим каналам и без документарного подкрепления. Случившееся было обусловлено расширением военного присутствия Японии как новой региональной морской силы, аннексировавшей Формозу и Парасельские острова в ходе войны с Китаем в 1894–1895 гг. Позднее, в начале 1920-х годов, японские предприниматели организовали производство фосфатов из гуано в некоторых частях Спратли и Парасельских островов, что, по замечанию Ш. Тённе-сона, было также обусловлено не только коммерческим интересом, но и стремлением «проникнуть» в воды, где доминировали европейские державы [12, р. 3]. Коммерческая деятельность японских предпринимателей также неоднократно сопровождалась попытками получить признание «первооткрытия» островов и призывами к различным национальным ведомствам Японии официально объявить о территориальных притязаниях на острова.

После аннексии архипелага в 1933 г. Великобритания предпочла не выступать против действий Франции публично, хотя она и не отказалась от своих притязаний на острова, оставив их в «замороженном состоянии» (...merely let the claim stay dormant) [10, р. 10]. В 1930 г. британский генеральный консул в Сайгоне обратился за разъяснениями к губернатору Кохинхины (одно из названий юго-восточной части Индокитая) за разъяснением относительно аннексии территорий. Впоследствии консул сообщил в Лондон, что Франция, по-видимому, допустила ошибку, не зная о территориальных притязаниях Великобритании. За этим последовало «закулисное» непубличное разбирательство, в ходе которого стало ясно, что публичность и «официализация» спора политически нежелательны для обеих сторон.

Япония же официально протестовала против действий Франции, направив 4 августа 1933 г. ноту протеста по линии Министерства иностранных дел. А в 1939 г., к началу Второй мировой войны, Япония установила военное присутствие как на Парасельских островах, так и на Спратли, заявив о собственных притязаниях на два архипелага как на части Японской империи. Примечательно, что в 1933 г. протест также выразили Китай и Филиппины. Филиппинская сторона даже утверждала, что на самом деле острова – это часть Филиппинского архипелага. Однако, по сообщениям прессы США в 1933 г., можно судить о том, что американское правительство не считало спорные острова частью территории Филиппин [13, р. 109]. В этот же период Япония объявила о прекращении своего членства в Лиге Наций (27 марта

1933 г. и до полного прекращения взаимодействия в 1939 г.) [14, р. 640]. Западные державы, включая США, выступили с протестами в Маниле, но США протестовали не от чьего-либо имени, а только против односторонних действий Японии [10, р. 10].

Япония осуществляла контроль над Спратли с 1939 г. и до конца Второй мировой войны в 1945 г., важным юридическим итогом которой (в контексте рассматриваемого территориального спора) явилось подписание 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско мирного договора 49 государств с Японией, вступившего в силу 28 апреля 1952 г. В соответствии с п. f ст. 2 Сан-Францисского мирного договора: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и притязаний (...renounces all right, title and claim...) на острова Спратли и Парасельские острова» [15]. Д. Дауер указывает, что включение конкретного положения об отказе Японией от своих прав, правооснований и притязаний на Спратли и Парасельские острова было обусловлено соответствующей просьбой Франции, которая все еще сохраняла колониальное присутствие во Вьетнаме [16, р. 9]. Следует отметить, что требования об отчуждении у Японии оккупированных ею территорий были закреплены еще на этапе военного периода: в Каирской декларации 1943 г. и Потсдамской декларации 1945 г. Формулировка, изложенная в Каирской декларации, устанавливает следующее: «Три великих союзника ведут эту войну, чтобы сдержать и наказать агрессию Японии. Они не жаждут выгоды для себя и не думают о территориальной экспансии. Их цель состоит в том, что Япония будет лишена всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны в 1914 году, и что все территории, украденные Японией у Китая, такие как Маньчжурия, Формоза и Пескадоры, должны быть возвращены Китайской республике» [17]. Тем не менее Каирская декларация не упоминает конкретно ни о территориях архипелага Спратли, ни о Парасельских островах. Статья 8 Потсдамской декларации, в свою очередь, содержала лишь указание на то, что положения Каирской декларации должны быть соблюдены [18].

Сан-Францисский мирный договор был критически воспринят СССР и КНР. А.А. Громыко, будучи главой советской делегации на переговорах, подчеркивал, что договор, среди прочего, нарушает законные права СССР и КНР по территориальным вопросам [2, с. 16]. 17 мая 1951 г. Филиппины заявили о том, что острова северной части архипелага Спратли, расположенные вблизи побережья, тесно связаны с ними географически и, несомненно, принадлежат им [20, р. 1020]. Министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай 15 августа 1951 г. выступил с заявлением, указав, что Парасельские острова и острова Спратли являются исконно китайскими территориями [3, с. 434], а позднее, 13 сентября 1951 г., также высказался о содержании и подготовке договора: «Сам договор является враждебным по отношению к Китаю и СССР, «разделяющий» страны, ранее воевавшие с Японией («The treaty itself is hostile to China and the USSR, dividing the countries that previously fought Japan...») [21].

Выводы

Ключевая проблема в отношении рассматриваемых спорных территорий, таким образом, состояла в том, что мирный договор никак не прояснял, в «чью пользу» их надлежало передать. Недостаточная определенность международно-правовых положений, обусловленная сложностью событий рассматриваемого исторического периода, явилась основой для оформления данного территориального спора. Вопрос о принадлежности территорий ЮКМ остался неразрешенным по целому ряду причин, среди которых можно выделить: наличие перед сторонами переговоров более важных и актуальных проблем, геофизические особенности территории архипелага, представляющего из себя группу мелких островов в акватории ЮКМ, отсутствие (на момент переговоров) информации о запасах природных ресурсов архипелага, политические противоречия и неучастие в переговорах некоторых ключевых государств. Неопределенность международно-правового статуса архипелага Спратли в положениях сан-францисского мирного договора стала катализатором возникновения многообразия противоречий между государствами региона, которые выступают современными субъектами международного спора.

Список источников

1. Pletcher K. «Spratly Islands» // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Spratly-Islands>
2. Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: дис. ... д-р ист. наук. М., 2008. 426 с.
3. Китай в мировой политике. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 528 с.
4. Sacks B.J. The political geography of the South China sea disputes: A RAND research primer / RAND Corporation. Santa Monica, CA, 2022. 32 p.
5. Routledge Handbook of the South China Sea. 1st ed. / ed. by Z. Keyan. London: Routledge, 2021. 540 p.
6. Березин Э.О. История Таиланда. М., 1973. 320 с.
7. Murphy B.K. Dangerous Ground: The Spratly Islands and International Law // Ocean & Coastal Law Journal. 1994. Vol. 1, no. 2. P. 187–212.
8. Hyer E. The South China Sea disputes: implications of China's Earlier Territorial Settlements // Pacific Affairs. 1995. Vol. 68, no. 1. P. 34–54.
9. Gallagher M. China's Illusory Threat to the South China Sea // International Security. 1994. Vol. 19, no. 1. P. 169–194.
10. War or Peace in the South China Sea? / ed. by T. Kivimäki. Copenhagen: NIAS Press, 2002. 224 p.
11. Kipgen N. The Politics of the South China Sea Dispute. Routledge: Taylor & Francis, 2020. 135 p.

12. Tønnesson S. The South China Sea in the Age of European Decline // *Modern Asian Studies*. 2006. Vol. 40, Issue 1. P. 1–57.
13. Barnes K. Spratly seizure revives conflicting claims // *Far Eastern Survey*. 1939. Vol. 8, Issue 9. P. 109.
14. Gilchrist H. The Japanese Islands: Annexation or Trusteeship? // *Foreign Affairs*. 1944. Vol. 22, no. 4. P. 635–642.
15. Treaty of Peace with Japan (with two declarations) // *United Nations Treaty Collection*. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf>
16. Dower J.W. The San Francisco System: Past, Present, Future in U.S.-Japan-China Relations = サンフランシスコ体制 米日中関係の過去、現在、そして未来 // *The Asia Pacific Journal. Japan Focus*. 2014. Vol. 12, Issue 8, no. 2. P. 1–41.
17. The Cairo Declaration. November 26, 1943 // Yale Law School. The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii-cairo.asp>
18. Proclamation defining terms for Japanese surrender issued, at Potsdam, July 26, 1945 // *Birth of the Constitution of Japan*. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/-etc/c06.html>
19. Дипломатический словарь. Т. 3. С – Я / гл. ред.: А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 1986. 752 с.
20. Uras A. The South China Sea and the Building of a National Maritime Culture: A New Chinese Province in the Making // *Asian Survey*. 2017. Vol. 57, no. 6. P. 1008–1031.
21. Zhou Enlai's Speech to the Central People's Government Council. "The Korean Ceasefire Negotiations and Making Peace with Japan" // *The Common Program of the People's Republic of China 1949–1954*. URL: <http://www.commonprogram.science/documents/118737.pdf>

References

1. Pletcher K. «Spratly Islands». *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/place/Spratly-Islands>
2. Kanaev E.A. Bezopasnost' na osnove sotrudnichestva v Vostochnoi Azii i konflikt iz-za ostrovov Yuzhno-Kitaiskogo morya [Security based on cooperation in East Asia and the conflict over the islands of the South China Sea]. Dr. Dis. (History Sci.). Moscow, 2008. 426 p.
3. China in world politics. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2001. 528 p.
4. Sacks B.J. The political geography of the South China sea disputes: A RAND research primer. RAND Corporation. Santa Monica, CA, 2022. 32 p.

5. Keyan Z. (ed.). *Routledge Handbook of the South China Sea*. 1st ed. London: Routledge, 2021. 540 p.
6. Berezin E.O. *Istoriya Tailanda. [History of Thailand]*. Moscow, 1973. 320 p.
7. Murphy B.K. Dangerous Ground: The Spratly Islands and International Law. *Ocean & Coastal Law Journal*, 1994, vol. 1, no. 2, pp. 187–212.
8. Hyer E. The South China Sea disputes: implications of China's Earlier Territorial Settlements. *Pacific Affairs*, 1995, vol. 68, no. 1, pp. 34–54.
9. Gallagher M. China's Illusory Threat to the South China Sea. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 1, pp. 169–194.
10. Kivimäki T. (ed.). *War or Peace in the South China Sea?* Copenhagen: NIAS Press, 2002. 224 p.
11. Kipgen N. *The Politics of the South China Sea Dispute*. Routledge: Taylor & Francis, 2020. 135 p.
12. Tønnesson S. The South China Sea in the Age of European Decline. *Modern Asian Studies*, 2006, vol. 40, Issue 1, pp. 1–57.
13. Barnes K. Spratly seizure revives conflicting claims. *Far Eastern Survey*, 1939, vol. 8, Issue 9, pp. 109.
14. Gilchrist H. The Japanese Islands: Annexation or Trusteeship? *Foreign Affairs*, 1944, vol. 22, no. 4, pp. 635–642.
15. Treaty of Peace with Japan (with two declarations). *United Nations Treaty Collection*. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf>
16. Dower J.W. The San Francisco System: Past, Present, Future in U.S.-Japan-China Relations = サンフランシスコ体制 米日中関係の過去、現在、そして未来. *The Asia Pacific Journal. Japan Focus*, 2014, vol. 12, Issue 8, no. 2, pp. 1–41.
17. The Cairo Declaration. November 26, 1943. *Yale Law School. The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy*. URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/cairo.asp>
18. Proclamation defining terms for Japanese surrender issued, at Pots-dam, July 26, 1945. *Birth of the Constitution of Japan*. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/-etc/c06.html>
19. Gromyko A.A., Kovalev A.G., Sevostyanov P.P., Tikhvinsky S.L. (eds.). *Diplomatičeskii Slovar'. V 3 t. T. 3. S-Ya. [Diplomatic dictionary. In three volumes. Vol. 3.]*. Moscow: Nauka Publ., 1986. 752 p.
20. Uras A. The South China Sea and the Building of a National Mari-time Culture: A New Chinese Province in the Making. *Asian Survey*, 2017, vol. 57, no. 6. P. 1008–1031.
21. Zhou Enlai's Speech to the Central People's Government Council. "The Korean Ceasefire Negotiations and Making Peace with Japan". *The Common Program of the*

People's Republic of China 1949–1954. URL: <http://www.commonprogram.science/documents/118737.pdf>

Информация об авторах

Е.Р. Сигаури-Горский – аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Information about the authors

E.R. Sigaui-Gorskii – Postgraduate student of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.